

A764223

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Межвузовский научный сборник

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

Межвузовский научный сборник

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1987

Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Межвузовский научный сборник. Изд-во Саратов. ун-та, 1987, вып. 10, с. 184.

В сборнике исследуются историко-литературные взгляды Чернышевского, его литературно-общественная позиция, некоторые аспекты его художественного и лингвистического наследия. Публикуются новые биографические материалы и данные об изучении творчества Чернышевского в нашей стране и за рубежом.

Для преподавателей, научных работников, студентов-филологов и историков, читателей, интересующихся историей русской литературы и освободительного движения.

Редакционная коллегия: *Г. Н. Антонова*, канд. филол. наук, доцент; *Е. Г. Бушканец*, докт. филол. наук, профессор; *А. А. Дежченко*, докт. филол. наук, профессор (отв. редактор); *Г. В. Макаровская*, канд. филол. наук, доцент; *Е. П. Никитина*, докт. филол. наук, профессор; *И. В. Попов*, докт. филол. наук, профессор; *Г. Ф. Самосюк*, канд. филол. наук, доцент (отв. секретарь); *Н. С. Травушкин*, докт. филол. наук, профессор.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

A764223

4603010100—11—182—87
176 (02)—87

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 3

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

Антонова Г. Н. Чернышевский о жанре романа Герцена «Кто виноват?»	3
Иванникова В. В. Чаадаев в оценке Чернышевского	16
Попов И. В. К вопросу об отношении Чернышевского к Пушкину	26
Попкова Н. А. Чернышевский и журнальная полемика 1820—1830 годов	42
Гитлиц Е. А. Спор Добролюбова и Чернышевского с Герценом о Роберте Оуэне	51
Седов А. Ф. Трансформация некоторых мотивов «Что делать?» в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского	69

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Краснов Г. В. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова, составленная Чернышевским	81
Транушкин Н. С. Комплект «Современника» у Чернышевского в Астрахани	104
Терехов Б. М. Нижегородские почитатели Чернышевского	107
Иванчук И. А. Некоторые аспекты изучения диалектистического наследия Чернышевского	110
Якушева Г. В. Изучение Чернышевского в ГДР и ФРГ. 1945—1980	118
Чернышевская Н. М. Идеиное наследие Чернышевского и разработка музейного архива в 1920—1930 годы	136
Эльзон М. Д. Из переписки М. Н. Чернышевского и Н. М. Чернышевской с А. Г. Фоминым в 1910—1935 годы	148
Демченко А. А. К истории советской науки о Чернышевском	161
Нина Михайловна Чернышевская	161
Указатель имен	176

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

10-й выпуск межвузовского сборника продолжает традиционные для всего издания темы, связанные прежде всего с выяснением историко-литературной, литературно-критической, социально-политической позиции великого русского революционного демократа в ее целостности и сложности.

Изучению своеобразия взглядов Чернышевского на пушкинскую эпоху и ее виднейших представителей посвящены статьи «Чаадаев в оценке Чернышевского», «К вопросу об отношении Чернышевского к Пушкину», «Чернышевский и журнальная полемика 1820—1830 годов». В двух статьях исследуется все более привлекающая к себе внимание ученых идейная полемика Чернышевского и Добролюбова с Герценом — «Чернышевский о жанре романа Герцена «Кто виноват?», «Спор Чернышевского и Добролюбова с Герценом о Роберте Оуэне». Тема «Чернышевский и Достоевский», еще таящая в себе открытия, нашла отражение в статье, автор которой, выясняя сложность обращений Достоевского к произведениям Чернышевского, прослеживает случаи трансформации некоторых мотивов романа «Что делать?» в «Записках из подполья».

Второй раздел сборника содержит публикацию и сообщения, проясняющие некоторые стороны биографии («Летопись жизни и творчества Добролюбова, составленная Чернышевским», «Комплект «Современника» у Чернышевского в Астрахани», «Нижегородские почитатели Чернышевского»), историю изучения Чернышевского в нашей стране и за рубежом. В ряду этих материалов находится продолжение историографического обзора, помещенного в предыдущем 9-м выпуске — «Изучение Чернышевского в ГДР и ФРГ. 1945—1980». Одна публикация свидетельствует о новом интересе лингвистов филологическому наследию Чернышевского.

Г. Н. АНТОНОВА

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ЖАНРЕ РОМАНА ГЕРЦЕНА «КТО ВИНОВАТ!»

Вопрос об отношении революционно-демократической критики к роману Герцена «Кто виноват?» неоднократно рассматривался в научной литературе. Обычно внимание исследователей привлекала эволюция оценок Бельтова как «лишнего человека» в статьях Чернышевского и Добролюбова, справедливо связывавшаяся с изменяющимся отношением критиков-демократов к передовой дворянской интеллигенции и ее роли в общественном развитии 50—60-х годов XIX века. По этому поводу было высказано много верных суждений¹.

Вместе с тем остается невыясненным целый ряд немаловажных проблем: каково отношение Чернышевского и Добролюбова к жанру герценовского романа? Какова суть философских расхождений между Чернышевским и Герценом в трактовке проблемы свободы и необходимости, явившейся одной из коренных в романе «Кто виноват?»

Освещение названных вопросов позволит более полно характеризовать роль герценовского произведения в сложении литературно-теоретических представлений русской критики 50—60-х годов о жанре социально-философского романа.

¹ См.: Бурсов Б. И. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М., 1953, с. 249—296, 352—380; Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М., 1968, с. 254—276, 36—373; Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982, с. 108—118, 145—159. Демченко А. А. Н. А. Добролюбов. М., 1984, с. 34—46, 63—71 и др.

Сборник посвящен светлой памяти Нины Михайловны Чернышевской (1896—1975). Кандидат филологических наук член Союза писателей СССР, директор Саратовского Дома музея Н. Г. Чернышевского, автор «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (М., 1953) и многих научных и популярных работ о Чернышевском, Нина Михайловна всю свою жизнь посвятила изучению и пропаганде творческого наследия своего великого деда. Многие годы она работала над историей Дома-музея Н. Г. Чернышевского, и один из неопубликованных сюжетов этой большой и важной темы печатается на страницах 10-го выпуска. В сборнике впервые публикуются некоторые письма Н. М. Чернышевской и ее отца к известному советскому библиографу А. Г. Фомину. Переписка живо и ярко раскрывает одну из сторон многогранной научной деятельности Нины Михайловны. Попытка обобщающей характеристики ее научного творчества содержится в заключающей сборник статье.

Волна, вновь вспыхнувшего интереса к «Кто виноват?» была вызвана появлением в конце июня 1859 г. в Лондоне второго издания романа, предпринятого Герценом, а затем в 1866 г. еще одного издания, осуществленного В. Ковалевским. Существует мнение, что в эти годы критиков «больше не занимал вопрос необычности дарования писателя, роман не рассматривался в его цельности (в том числе жанровой — Г. А.), центром внимания теперь стали Бельтов («лишний человек») и Крциферская («женский вопрос») ². С этим мнением вряд ли можно согласиться полностью. Оно не учитывает некоторые факты. В апреле 1859 г. вышла в свет часть первая «Сочинений Белинского» (М., 1859). В рецензии на это издание критика вновь обратила внимание на статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», в которой было дано определение жанра романа Герцена «Кто виноват?» как философско-публицистического ³. Затем, в первой половине мая в «Полярной звезде» на 1859 г., в книге V Герцен напечатал в «Дополнении» к «Былому и думам» «Старые письма» с письмом к нему Белинского от 6 апреля 1846 года, где также отмечалось своеобразие жанра романа Герцена, который критик включил в русло философской традиции, созданной в частности Вольтером. (Правда, тогда Белинский знал не весь роман, а лишь главы V—VII из первой части под названием «Владимир Бельтов», напечатанной в «Отечественных записках», 1846, № 4).

Критика 50—60-х гг. широко откликнулась на суждения Белинского, соглашаясь с ними или оспаривая их. Вообще в журнальных дискуссиях тех лет образная система «Кто виноват?» рассматривалась в связи с обсуждением коренной теоретической проблемы — специфики романного жанра, уже получившего широкое развитие в литературе. Речь шла о способах выражения авторской тенденции, о соотношении субъективного и объективного начал в повествовании, о мере художественности произведений, где философская мысль играет доминирующую роль. Да и сами образы Бельтова и Крциферской включались в анализ философского пласта романа, проблемы взаимодействия личности и истории, свободы и необходимости.

² Елизаветина Г. Г. «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в. — В кн.: Литературные произведения движения эпох. М., 1979, с. 65.

³ См., например: С. Д. Сочинения В. Белинского. Часть первая. 1859. — Отечественные записки, 1859, № 5, отд. III, с. 31. За подписью С. Д. скрывался С. С. Дудышкин.

Основное направление, в каком шли размышления русской критики, — осознание поэтической суверенности, художественной необходимости жанра социально-философского романа, к которому относился и «Кто виноват?». Так, например, Писарев в статьях «Мыслящий пролетариат», печатавшейся первоначально под названием «Новый тип» («Русское слово», 1865, № 10), «Разрушение эстетики» (1865) и даже в сугубо публицистическом цикле «Пушкин и Белинский» («Русское слово», 1865, № 4 и 6) находил некоторую общую художественную основу в типах, созданных Герценом, Тургеневым и Чернышевским: Бельтов, Рудин — идеологи, изображающие «собою мучительное пробуждение русского самосознания»⁴. Их сменили Базаров, Лопухов и Рахметов. Знаменателен сам подбор имен героев: упомянуты только те, которых П. В. Анненков впоследствии назовет «типами-понятиями»⁵.

Отвергая всякие упреки в «одностороннем пуризме», полагающем, что философская мысль разрушает искусство, Анненков признает теперь возможность создания таких художественных образов, которые «нисколько не стыдятся и не могут стыдиться своего происхождения от мышления». Когда критик говорил, что «мысль автора служит им балластом и придерживает к месту, откуда они поднялись»⁶, то он имел в виду, что не спонтанное саморазвитие определяет их сущность, но авторская концепция мира. Суждения Анненкова свидетельствуют о дальнейшем развитии теории романного жанра под воздействием самой литературы: признаки социально-философского романа со свойственными ему «типами-понятиями» он находит в творчестве Тургенева и Гончарова 50—60-х годов.

Примечательны в этом отношении и высказывания А. Григорьева, который в 40-е годы видел в романе Герцена лишь «Grübeleien, ни более, ни менее», а уже в 60-х годах не сомневается в возможности развития социально-философской традиции, к которой причисляет «Кто виноват?», «Рудина»

⁴ Писарев Д. И. Сочинения. В 4-х томах. М., 1956, т. 3, с. 337.

⁵ Анненков П. Современная беллетристика г. Помяловский. — СПб. ведомости, 1863, № 5, (18) января.

⁶ Там же. Уместно вспомнить, что в 40-е г. Анненков относился к роману Герцена с некоторым скептицизмом, замечая нарушение логики развития образа Бельтова во второй части произведения в угоду авторской мысли. (См.: Анненков П. В. Заметки о русской литературе 1848 года (1849). — В кн.: Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки, т. II, с. 43).

Тургенева⁷. Теперь А. Григорьев исходит из того, что художественность романа Герцена особого рода, что теоретические обобщения автора содержат в себе объективную правду о мире. Ибо для критика условием художественности по-прежнему остаются такие качества, как объективность и беспристрастие реалиста».

Какова же на фоне литературной критики 50—60-х гг. оценка жанра герценовского романа в статьях Чернышевского и Добролюбова? С этой стороны суждения революционных демократов не привлекали должного внимания. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода» (статья седьмая, «Современник», 1856, № 10) с неудовольствием заметил, что в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский, сравнивая «Обыкновенную историю» Гончарова и «Кто виноват?», был «даже более снисходителен к «Обыкновенной истории», хотя в последней и находил «исключительное стремление к так называемому чистому искусству». Нет необходимости доказывать ошибочность этого высказывания Чернышевского по отношению к роману Гончарова. Но существен тот факт, что самому-то Чернышевскому гораздо более импонировал роман Герцена, чем Гончарова. Чернышевскому представлялся жизненно необходимым для развития русской литературы тип таланта, подобный герценовскому, как его определил Белинский: «Он — философ по преимуществу, а между тем немножко и поэт, и воспользовался этим, чтобы изложить свои понятия о жизни притчами»⁸.

Еще в диссертации критик отдавал предпочтение художникам-мыслителям, у которых «умственная деятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюдением жизни»⁹. Именно такого рода писатели отвечали его пониманию задач литературы, призванной служить «общественной пользе», быть «посредницею между чистою отвлеченною наукою и массою публики». Интересно, что свое собственное писательское дарование (а что оно у него есть, в этом, как увидим дальше, Чернышевский не сомневался) он считал сходным с

⁷ См.: Григорьев А. И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» (1859); Стихотворения Н. Некрасова (1862); По поводу нового издания старой вещи. «Горе от ума». СПб., 1862. — В кн.: Григорьев А. Литературная критика. М., 1967.

⁸ Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1982, т. 8, с. 381.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1949, т. II, с. 86. В дальнейшем все цитаты в сборнике приводятся по этому изданию с указанием в тексте тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

герценовским. Об этом свидетельствует факт, на который как-то мало обращали внимание.

В одном из вариантов к «Повестям в повести» под названием «Предисловие. Для моих друзей между читательницами и читателями», датированном 10 октября 1863 г., Чернышевский назвал в числе своих «любимых писателей — старика Годвина». Определяя своеобразие его таланта и сравнивая его с этой целью с Бульвером, критик писал: «Бульвер — человек пошлый, должен выезжать только на таланте, мозгу в голове не имеется, в грудь вместо сердца вложен матерью природой сверток мочалы. У Годвина при посредственном таланте была и голова, и сердце, поэтому талант его имел хороший материал для обработки» (XII, 682)¹⁰.

Бесспорно, что характеристика Годвина во многом соответствует той, которую Белинский дал Герцену. Не исключена возможность, что Чернышевский прямо имел в виду именно Герцена, когда писал: «Очень может быть что у меня перед глазами, как человек одной со мной карьеры, не один Годвин, а и еще кто-нибудь, сильнее Годвина. Говорить об этом — неудобно. Не для моего самолюбия, а потому, что это больше дело истории, чем современности» (XII, 684).

О том, что речь идет о Герцене, свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, это, как пишет Чернышевский, «человек одной со мной карьеры», то есть мыслитель, философ, публицист, взявшийся за писание художественных произведений. Во-вторых, здесь есть намек на общность их судеб: оба «государственные преступники» в глазах правительства. Вот почему «говорить об этом», то есть о Герцене, «неудобно». И наконец, последний аргумент: «Романы Годвина (читай: и Герцена — Г. А.) неизмеримо поэтичнее романов Бульвера, которые все-таки лучше наших Обломовых» (XII, 682). Упоминание о Гончарове, авторе «Обломова», не случайно: вспомним, что и в 1856 г. в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Гончаров казался Чернышевскому менее значительным писателем, чем Герцен.

И тем не менее в 60-е гг. Чернышевский изменил свое отношение не только к творческой концепции «Кто виноват?», но и к его художественной структуре. Известно, что уже в статье «Русский человек на rendez-vous» (1858) им было оспорено герценовское решение проблемы «лишнего челове-

¹⁰ В данном случае важно не то, каким в действительности был талант Годвина, диссавшего в духе «готического романа», а то, каким воспринимал его Чернышевский.

ка», а в философском плане — герценовское понимание взаимодействия свободы и необходимости. Несколькими годами позже Чернышевский размышлял о преимуществе объективного способа выражения авторской позиции в романе, — ином, чем открытая философичность, свойственная таким произведениям, как «Что делать?» и «Кто виноват?». В своих размышлениях об объективной манере повествования критик отталкивался от романов Пушкина, Лермонтова, Гоголя, которые названы им «вещами прямо субъективными», потому что в них заметен «след личных симпатий» авторов. Герцен по вполне понятным причинам не назван, но и он, безусловно, подразумевается: недаром раздумья Чернышевского о новом типе «чисто объективного романа» содержатся в том же самом варианте предисловия к «Повестям в повести», где речь шла и о Герцене. При этом, как явствует, Чернышевский вовсе не считает изжившим себя сам жанр или тип социально-философского романа; он заботится лишь о том, чтобы интенсивность социально-философской мысли (отсюда его тезис: «я остаюсь человеком сильных и твердых убеждений») соединялась с пластичностью изображения, объективным развитием характеров в соответствии с их внутренней логикой, а не только логикой философских доказательств автора. Именно так объясняется ориентация Чернышевского на Шекспира: «Он изображает людей и жизнь, не выказывая, как он сам думает о вопросах, которые решаются его действующими лицами в таком смысле, как угодно кому из них. <...> Ищите, кому я сочувствую или не сочувствую <...> Вы не найдете этого» (XX, 683).

В направлении, близком к размышлениям Чернышевского, шел и Добролюбов в своем истолковании жанра романа Герцена. Мы располагаем косвенными свидетельствами с том, что в середине 50-х гг. в «Кто виноват?» Добролюбову импонировала герценовская субъективность, философичности и сама творческая концепция романа. Ему представлялось что этот роман «согрет тою симпатичностью, недостатком которой так страдает Гончаров»¹¹. Судя по другим сочувственным высказываниям Добролюбова, в частности о глава «Былого и дум», печатавшихся в «Полярной звезде» (1851 т. 2), он ценил в историко-философской и художественно

¹¹ Добролюбов Н. А. Письмо к С. Т. Славутинскому от 14 декабря 1858 г. — В кн.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1964 т. 9, с. 338. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

концепциях Герцена тех лет веру в разум, натуру человека как исходное пачало и конечную цель общественного развития.

Но уже в статье «Что такое обломовщина» (1859) Добролюбов провозгласил «объективное творчество» более глубоким и верным способом художественного отражения жизни, чем такое, где философская тенденция обнажена. Так, «спокойное и беспристрастное отношение к изображаемым предметам» Гончарова он противопоставляет теперь писателю, у которого «во всяком образе, во всяком описании отражаются гуманные и социальные стремления». В последнем угадывается не только Тургенев, как обычно и в общем-то верно думают, но и Герцен. Скрытое противопоставление его Гончарову прочитывается и в другой фразе: «Жизнь, им изображаемая (Гончаровым — Г. А.), служит для него не средством к отвлеченной философии, а прямою целью сама по себе» (4, 309). В трактовке связи художественности и правды Добролюбов, безусловно, возвращается к традиции Белинского, озабоченного тем, как бы вторжение «логических приемов» повествования не повредило цельности образа. Размышления критика о диалектике субъективного и объективного, логического и образного продолжаются и в других статьях. Особенный интерес с этой стороны представляет статья «Забитые люди» (1861), где отсутствие «художественной полноты и цельности» «Униженных и оскорбленных» Достоевского объясняется тем, что в его романе «во всем виден сам сочинитель, а не лицо, которое говорило бы от себя» (7, 236). Суждения о Достоевском косвенно разъясняют и скептическое теперь отношение Добролюбова к таланту Герцена.

Полемические выступления Чернышевского и Добролюбова были, однако, вызваны стремлением не только так или иначе оценить жанр романа «Кто виноват?», но и оспорить в философском плане понимание Герценом свободы и необходимости, предопределившее и его трактовку «лишнего человека». В специальной литературе не придавалось особого значения тому, что статье Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» (май, 1858) предшествовало появление второго «пересмотренного автором» издания книги «С того берега»¹²,

¹² О поступлении этой книги «на днях» в продажу было объявлено в «Колоколе» от 15 апреля 1858 г. См.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864. М., 1983, с. 411. Чернышевский, безусловно, и раньше хорошо знал содержание герценовской книги, изданной на русском языке еще в 1855 г.

а «Антропологическому принципу в философии» («Современник», 1860, № 4—5) — статьи Герцена «Джон-Стюарт Милль и его книга «On Liberty» («Прибавление» к «Полярной звезде», 1859, кн. 5). Между тем в обеих статьях Чернышевского содержался косвенный отклик на названные работы Герцена, где проблема свободы и необходимости была одной из коренных.

Какова же суть концепции Герцена? В главе «Отпиа теснит porto» в книге «С того берега» он, как и в 40-е годы, по-прежнему связывал стремление личности к свободе, к «самодержавной независимости» со степенью развития сознания. «Нравственная независимость человека — такая же непреложная истина и действительность, как его зависимость от среды, с тою разницей, что она с ней в обратном отношении: чем больше сознания, тем больше самобытности, чем меньше сознания, тем связь с средою теснее, тем больше среда поглощает лицо»¹³. «Сознание своей личности» — это и есть разумный «эгоизм», без которого невозможно «быть самим собою», быть свободным.

Если в 40-е годы Герцен теоретически допускал возможность «братства», то есть «гармонии между лицом и обществом», между личным и общим, то теперь после горького опыта европейских революций 1848—1849 гг. он ставит проблему свободы на историческую основу. Такие понятия, как «братство», «человечество», которыми обычно широко пользовались просветители, утверждая свободу личности ради торжества свободы общего или «народного духа» (термин Гегеля) представляются Герцену пустыми абстракциями, если их рассматривать раз навсегда данными. Позиция Герцена была несомненно плодотворной: она позволила ему увидеть в эпоху утверждения в Европе буржуазии реальное противоречие между самобытно развившейся индивидуальностью, талантом и культивируемой буржуазной культурой и буржуазным государством посредственностью, трезвым практическим расчетом, для которого «нравственная основа поведения состоит преимущественно в том, чтоб жить, как другие» (XI, 72).

Но, с другой стороны, вслед за Д. С. Миллем, автором книги «On Liberty», Герцен отказывался признать историческую прогрессивность буржуазного строя как необходимого этапа

¹³ Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1955, т. VI, с. 120. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

в поступательном движении человечества именно потому, что этот строй принес невосполнимый ущерб нравственной свободе личности¹⁴. И в этом, безусловно, проявилась слабость мировоззрения Герцена, не понявшего, по словам Ленина, «буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарковского социализма»¹⁵. Во имя сохранения независимости, индивидуальности Герцен с новой силой отстаивал се право «творить поведение в ответ обстоятельствам», что означало для него право не сливаться с «современностью», но отчуждаться от нее. Такое отчуждение он назвал «отрицательным действием» (VI, 132). Знаменательно, что Герцен акцентирует слова «творить», «действие» и тем самым протестует против покорного подчинения личности «духу времени», обстоятельствам. Кроме того, его проноия по адресу «человечества», «общего блага» содержала не только критику идеалистически понятого «подчинения индивида «идее» рода», или гегелевскому «всеобщему». Пример Западной Европы окончательно убедил его в несоответствии категорий «разум», «непрерывный прогресс свободы» применительно к истории, а книга Д.-С. Милля подтвердила справедливость этого убеждения. В Европе произошло «насыщение, сатурация» «господствующей, деятельной исторической части народа»: «все приходит в равновесие, успокаивается, продолжает вечное одно и то же до катаклизма, обновления или разрушения» (XI, 73). Пока инертны народные массы (а в их ближайшее пробуждение на Западе Герцен не верит), пока цивилизация находится во власти «господствующего класса», которому невыгодны ее изменения, «энергичские личности» оказываются не нужны.

И хотя подобная общественная ситуация возникает, по Герцену, на определенном этапе исторического развития, это

¹⁴ Книгу «О свободе» Герцен высоко ценил за глубокую критику Миллем буржуазного строя, культивирующего «коллективную посредственность», которая «ненавидит все резкое, самобытное, выступающее» (XI, 72). Не случайно русский перевод названной книги, изданный в Лейпциге в 1861 году, был посвящен Герцену. На титульном листе перевода значилось: «Александру Ивановичу Герцену в знак глубокого уважения посвящает переводчик». Однако Герцен упрекнул Милля в том, что он лишь констатировал «патологический факт» «измельчения личностей» в эпоху торжества буржуазии, но не видел никакого выхода из создавшейся общественной ситуации. Для Герцена таким выходом был социальный переворот, осуществляемый народом. Другое дело, что в возможности этого переворота в Европе в ближайшем будущем Герцен сомневался.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

«вечное одно и то же» вольно или невольно рассматривалось им как фатальное следствие развития культуры, поддерживаемой государством. Вот почему главной в упомянутых работах Герцена 1858—1859 гг. была мысль о «трагической безвыходности» положения «энергической личности», находившейся в конфликте с «мещанской» цивилизацией и государством («правительством»). Таким образом, черты историзма в решении проблемы свободы и необходимости соединялись у Герцена с некоторой отвлеченностью. Антитеза между абстрактно рассматриваемой личностью и абстрактно рассматриваемыми цивилизацией и государством как бы подменяла исторически сложившиеся отношения между социальными силами общества. Все это и предопределило своеобразие трактовки темы «лишнего человека» в таких работах Герцена, как «О развитии революционных идей в России» (1851)¹⁶, «Very dangerous» (1859), «Лишние люди и желчевики» (1860) и других.

С одной стороны, трагическая судьба «лишнего человека» для него исторически обусловлена, а с другой — она приобретает черты фатальности, всеобщности. Дело в том, что, как и в романе «Кто виноват?», Герцен игнорировал социальный фактор в объяснении трагедии «лишних людей» и ответственность за их «фаталистическое страдание» возлагал на цивилизацию как таковую и государство как таковое, поддерживающее разнь между цивилизованным сословием и народом. «Мы похитили цивилизацию, и Юпитер с той же яростью пожелал наказать нас, с какой он терзал Прометея» (VII, 205), — писал он об Онегиных, «лишних, праздных». И даже в статье «Лишние люди и желчевики» (июль, 1860), придя, как известно, к выводу, что «теперь лишние люди анахронизм», он снова развивал свой прежний тезис применительно к «лишним людям» николаевской поры: «...Каждое событие, каждый год подтверждал им страшную истину, что не только правительство против них <...>, но что и народ не с ними или, по крайней мере, что он совершенно чужой; если он и недоволен, то совсем не тем, чем они недовольны» (XIV, 320)¹⁷.

¹⁶ Французское издание книги вышло в 1853 г., 1858 г., русское — в 1861 г.

¹⁷ На известное сходство внешней концепции Герцена с его же точкой зрения 40-х гг. свидетельствует даже некоторое текстуальное сходство его статьи «Джон-Стюарт Милль и его книга «On Liberty» с некоторыми страницами в романе «Кто виноват?». «Есть ли в поле жив че-

Позиция Герцена вызвала недовольство Чернышевского. Оно было тем более значительным, что Чернышевский полностью разделял тезис Герцена о свободе воли как главном регуляторе поведения человека и связанную с этим тезисом теорию разумного эгоизма. Чернышевский также считал вопрос «о свободе человеческой воли» одним из самых общих и коренных вопросов философии, доступных «точному исследованию», о чем он писал в статье «Антропологический принцип в философии» (1860).

Исходным принципом для Чернышевского была оптимистическая вера в возможную гармонию личного и общего. Поэтому Чернышевский решительно не одобрил герценовскую иронию по поводу «братства», полагая, что в своей теоретической сути понятия «человек вообще», «общечеловеческий интерес» остаются всегда незыблемыми. Вообще скептическое отношение Герцена к западноевропейской цивилизации, к перспективам развития Западной Европы после буржуазных революций 1848 г. Чернышевский не разделял. Если для Герцена книга Дж. - Ст. Милля «On Liberty» явилась подтверждением его собственных пессимистических раздумий, то Чернышевский в статье «Антропологический принцип в философии» объяснил этот пессимизм вполне определенными социально-историческими причинами. «... Из Милля он (человек — Г. А.) узнает, как благородная часть западноевропейских привилегированных классов смущается духом при виде осуществления тех идей, теоретическую справедливость которых сама она защищает, признавая их логически неотразимыми и ведущими к общему благу, но которые невыгодны для этих сословий» (VII, 239).

Говоря о Милле, Чернышевский косвенно задел и Герцена, чью статью о книге «On Liberty» он, несомненно, знал. «...На всем Западе водворяется однообразная методичность насильственной рутины, какую мы видим в Китае. Так говорят некоторые даже из самых лучших наших людей и указывают на грустный приговор Милля как на подтверждение очень сильное» (VII, 233), — писал Чернышевский, прямо ссылаясь

ловек?» — безнадежно вопрошал Бельтов. Теми же словами характеризуется и трагедия Милля, который, «испугавшись нравственной ничтожности, духовной посредственности окружающей его среды, закричал со страстей и с горя, как богатыри в наших сказках: «Есть ли в поле жив человек?» (XI, 69). Подробнее об историко-философской концепции «Кто виноват?» см. Усакина Т. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965, с. 76—77, 86—102.

на мнение Герцена. Победа буржуазно-политических принципов явно невыгодна дворянскому сословию, считал Чернышевский. Поэтому и критика буржуазной культуры, и защита бездеятельности «лишних людей» также определялась, по его мнению, сословным интересом. В полемике с Герценом революционер-демократ развивал мысль о том, что свобода воли предполагает не разрыв с современной действительностью, а ее деятельное разумное изменение¹⁸.

Таким образом, в герценовском решении проблемы свободы и необходимости Чернышевский проницательно увидел следы некоторой отвлеченности, что явилось одной из причин его скептического отношения к «Кто виноват?» во второй половине 50-х годов. В то же время он остро ощутил необходимость новых объективных форм выражения авторского сознания в философском жанре — одном из плодотворно развивающихся жанров в русской литературе. Это обстоятельство отвечало изменившимся художественным запросам самого Чернышевского — писателя, автора «Повестей в повести», «Пролога» и других произведений 60—70-х годов. Следует также прибавить, что в 60-е годы и Герцен ищет новые, более сложные связи между свободой и необходимостью, пересматривая свои прежние решения и в литературных произведениях, где объективность воплощения авторской аналитической мысли становится для него главным художественным принципом. Но исследовать существо изменившейся художественно-философской концепции Герцена — это уже задача будущих разысканий.

В. В. ИВАННИКОВА

ЧААДАЕВ В ОЦЕНКЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Статья Чернышевского «Апология сумасшедшего» предназначалась для январского номера «Современника» за 1861 год, но так и не стала достоянием современной Чернышевско-

¹⁸ Подробнее о позиции Чернышевского см.: Антонова Г. Н. Чернышевский и Тургенев о «лишних людях» (1859—1863 гг.). — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962, вып. 3, с. 92—106; Она же. Чернышевский о художественно-философской прозе в русской литературе сороковых-пятидесятых годов XIX века. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1968, вып. 5.

му русской общественной мысли. Не вошла она в научный оборот и в последующие десятилетия XIX века. В начале нового столетия, когда развернулась дискуссия о Чаадаеве, его месте в истории освободительного движения и Г. В. Плеханов выступил с резкой критикой позиции М. Гершензона¹, статья Чернышевского все еще оставалась вне поля зрения историков и философов. Опубликована она была лишь в советское время, в 1928 году².

В 1861 году на французском языке появляется работа известного мистика князя И. Гагарина о влиянии католицизма на русское общество³. В ней, как позднее и в предисловии к парижскому изданию сочинений Чаадаева 1862 года⁴, И. Гагарин выступает с намерением вписать идеи Чаадаева в историю религиозных исканий и представить автора «Философического письма» «апологетом католицизма». Известной объективной предпосылкой подобного рода искажений явилось отсутствие работ, посвященных исследованию мировоззренческих истоков исторических взглядов Чаадаева. Напомним, что вплоть до 1890-х годов, до появления работы П. Миллюкова «Главные течения русской исторической мысли», глубокого и систематического изучения философских и исторических взглядов Чаадаева не предпринималось⁵.

Статья Чернышевского была в этом смысле знаменательным исключением.

После «телескопской катастрофы» 1836 года имя П. Я. Чаадаева впервые появилось в печати лишь в 1851 году в работе А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России». Вышедшая на французском и немецком языках, запрещенная на родине, брошюра Герцена оставалась вплоть до появления в 1861 году ее русского издания в Москве, мало

¹ См.: Гершензон М. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб. 1908; Плеханов Г. В. Избр. философ. произв. В 5-ти т. М., 1956—1958, т. IV, с. 747—766.

² В кн.: Николай Гаврилович Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, с. 51—72.

³ *Tandances catholiques dans la societe russ par. V. Gagarin. Paris, 1861.*

⁴ *Oeuvres choisies de Pierre Tchadaieff. Paris — Leipzig, 1862.*

⁵ Перевод предисловия в кн.: Чаадаев П. Философическое письмо с приложениями его письма к Шеллингу, статьи о нем И. Гагарина и отрывка из «Былого и дум» А. И. Герцена./Под ред. и с предисловием В. П. Ивановского. Казань, 1906.

Даже специальные обращения к Чаадаеву носили, главным образом, историко-мемуарный характер. См., например: Русский вестник, 1862, № 11, с. 119—160; Русский архив, 1868, с. 976—1001.

известной. Позднее Герцен вновь обратился к Чаадаеву в четвертой части «Былого и дум», печатавшейся в «Полярной звезде» в 1855 и 1858 годы. Еще раз об общественном значении Чаадаева «Полярная звезда» напоминает в 1856 году в связи с его кончиной⁶. В России на смерть Чаадаева откликнулся «Современник», опубликовавший некролог М. Логинова⁷, а также «Московские ведомости»⁸. Постепенно идеи Чаадаева начинают включаться в актив второго этапа русского освободительного движения. Примером тому явилась публикация в 1858 году остро полемического письма Чаадаева о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя П. А. Вяземскому⁹.

Возникла необходимость конкретно-исторических уточнений в определении значения Чаадаева.

Чернышевский подходит к Чаадаеву с несколько иными критериями, чем Герцен. Эти критерии характерны в целом для демократической критики «Современника» как в анализе литературных явлений, так и в изучении фактов и лиц реальной русской жизни. Размышляя о героях Пушкина и Лермонтова, Герцена и Гончарова или обращаясь к оценке общественной деятельности Погодина или Сперанского, «Современник» неизменно ставит вопрос, «в чем смысл и цель жизни»¹⁰ каждого из них, полагая самым важным объективные результаты их деятельности. Интерес ко всем деятелям и идеологическим явлениям прошлого определяется при этом степенью их соответствия историческим и общественным потребностям 60-х годов. Эта «проверка» прошлого в свете требований современности у Чернышевского сравнительно с Герценом проводилась последовательнее и жестче. Чаадаева Чернышевский сводит с «красивого пьедестала» (Добролюбов) мученичества и страдания, на который он поднят у Герцена. Чернышевскому важно оценить чаадаевские идеи с точки зрения той «границы, где слово становится делом»¹¹. И тем охотнее он принимает версию, в соответствии с которой Чаадаев «никогда не хотел быть писателем», а «Философическое письмо»

⁶ Полярная звезда, 1856, кн. 2.

⁷ Современник, 1856, т. 58, № 7; Смесь, с. 5—7.

⁸ Московские ведомости, 1856, № 46, 17 апреля.

⁹ В кн.: Сушков Н. Московский университетский благородный пансион. М., 1858, с. 26—29.

¹⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М.-Л., 1962, т. IV, с. 333.

¹¹ Там же, с. 336.

попало в журнал чисто случайным образом (VII, 593). Версия о случайном обнаружении «Философического письма» позволяла Чернышевскому рассматривать систему воззрений Чаадаева как один из фактов общественной жизни России 30-х г. в перспективе его исторического существования, независимо от субъективной, биографической его стороны.

Акцентируя внимание на случайности публикации первого «Философического письма» и говоря о неожиданности, необоснованности того «особого эффекта», который вызвало в обществе его появление, Чернышевский сознательно при этом упоминает рядом с Чаадаевым имена Надеждина и Белинского. Он считает необходимым указать, что идеи Чаадаева явились отражением тенденций того времени, в условиях которого были высказаны. Чернышевскому важно убедить цензуру в том, что в новой публикации «Философического письма» и «Апологии сумасшедшего» нет ничего из ряда выходящего, как «ничего страшного» не было в этом и в 1836 году. Ведь говорил же в «Телескопе» «около шести лет» Надеждин «почти то же самое, что и Чаадаев», и «более двух лет почти то же самое говорил Белинский» (VII, 594). «Разница была разве в том, что они высказывали такой взгляд на русскую жизнь в статьях о каких-нибудь частных предметах, а письмо Чаадаева собственно только и занималось изложением дела в его самом общем виде» (VII, 594). Связывая статью Чаадаева с позицией Белинского и Надеждина, Чернышевский помимо соображений цензурного порядка имел целью вывести Чаадаева из-под эгиды мистицизма и католицизма.

Чернышевский подчеркивал, что взгляд Чаадаева на Россию развивается в системе его конкретных исторических наблюдений, а «религиозность составляет единственно облачение его» (VII, 595). Необоснованный особый эффект, вызванный первым «Философическим письмом», говорит Чернышевский, может объясняться только тем, что публика, шокированная этим внешним «облачением» чаадаевских идей, не узнала в них те мысли, которые встречались уже в статьях Белинского и Надеждина. Но при всей своей близости к оценкам Белинского Чаадаев, по мнению Чернышевского, «все свои мысли подводил под точку зрения назидательного благочестия» и принимал «на себя звание проповедника», не принадлежащее светскому человеку (VII, 595). Чернышевский иронизирует при этом по поводу «благоустроенного общества» бюрократической, чиновничьей России, признававшей право на рассу-

дения о морали и религии лишь за человеком, официально облаченным званием священнослужителя, и по поводу самого Чаадаева, вздумавшего стать пастырем этого общества и решившего, что «религиозность и нравственность сделают нас просвещенными и счастливыми» (VII, 595). Отказавшись говорить «о страницах, посвященных собственно религиозным размышлениям» (VII, 595), Чернышевский настаивает, что «сущность взгляда Чаадаева» заключается именно в «общественной и исторической стороне» его статей.

Чаадаев, в глазах Чернышевского, был представителем поколения декабристов, на что он и намекает, говоря о вероятном «посвящении первого «Философического письма» «памяти об отношениях, внушивших Пушкину стихотворение «Арион» (VII, 600). Чернышевский суровее и строже Герцена в определении заслуг этого поколения. Это была та строгость, которая вызвала горький протест Герцена, во многом обращенный к Чернышевскому и Добролюбову как выразителям взглядов «молодого поколения», которое, по словам Герцена, «сердится и огулом отбрасывает» предшественников «как отсталых, как лишних и праздных людей, фантастов и мечтателей, забывая, что оценка прошлых лиц, их значение и «проба» меньше зависит от сравнения суммы знания и образа постановки задач прежнего времени и нового, чем от энергии и силы, которую вносили они в свои решения»¹². Отметим, что «энергии и силы» в статьях Белинского и Надеждина было не меньше, чем у Чаадаева, Чернышевский обращает требовательный и критический взгляд именно на то, как соотносятся высказанные Чаадаевым взгляды со спорами западников и славянофилов об исторических истоках и возможных путях будущего развития России. Его интересует при этом, как воззрения Чаадаева отвечают требованиям «общей пользы», какой она представляется революционным демократам 60-х годов.

В 1861 г. Чаадаев для русского читателя оставался, главным образом, автором «Философического письма». Представляя в «Современнике» «Апологию сумасшедшего», Чернышевский намеревался перепечатать и «Философическое письмо», ставшее к тому времени библиографической редкостью. Ставя целью «объяснить характер и основания взглядов Чаадаева», высказанные в «Апологии», он не мог не связать их с выводами первого «Философического письма»

¹² Герцен А. И. Полн. собр. соч. В 30-ти т. М., 1956, т. 8, с. 3

делал, таким образом, шаг к тому, чтобы разъяснить систему воззрений Чаадаева в целом. Чернышевский первым показал, как Чаадаев от вывода о «бессмысленности» современного состояния общественной жизни России закономерно пришел к признанию особой роли России в судьбах Европы, избегав при этом веры в мессианскую обусловленность такой роли. В литературе о Чаадаеве встречается мнение, высказанное еще М. Жихаревым¹³, согласно которому «Апология сумасшедшего» является вынужденным отступлением от позиций «Философического письма». Статья Чернышевского, как бы предупреждая подобные суждения, стала первым и наиболее обоснованным их опровержением. Чернышевский убежден, что «Апология», написанная через шесть—семь лет после «Философических писем», не была ни простым объяснением первого «Философического письма», ни отказом от идей, высказанных в нем. «Апология сумасшедшего» — развитие этих идей. В системе исторических воззрений Чаадаева эта статья такое же программное выступление, как и «Философические письма».

Как известно, для Герцена Чаадаев олицетворял собой период «отрицания» в развитии русской общественной мысли. «Безнадежный взгляд» Чаадаева и его «выстраданное проклятие» истории России Герцен рассматривает как «мечь» николаевской эпохи. Чаадаевское отрицание расценивается им преимущественно как факт смелого и бескомпромиссного протеста. Чернышевский, идя дальше Герцена, задумывается над вопросом об исторической и теоретической природе чаадаевского отрицания.

Полностью поддерживая беспощадную чаадаевскую характеристику николаевской России, настаивая на оправданности такой характеристики, Чернышевский в отличие от Герцена указывает на несправедливость распространения подобного вывода на всю русскую историю в целом. Несправедливым и необоснованным признает он и отрицание исторической значимости настоящего России. В настоящем зреют силы для будущего, убежден Чернышевский. Вывод, что у русских есть прошлое, но нет истории, он считает ошибкой. И ему важно найти объективные обстоятельства, способствовавшие возникновению этой ошибки. Таким обстоятельством он называет прежде всего неразработанность русской истории в период издания «Философического письма», когда не было еще «ни

¹³ См.: Вестник Европы, 1871, № 9, с. 37.

истории Полевого, ни даже памфлетов скептической школы» (VII, 610).

В таком утверждении есть, конечно, доля натяжки. Статьи М. Каченовского, М. Погодина, многочисленные полемические выступления об «Истории» Н. М. Карамзина — все это, безусловно, давало не только достаточный фактический материал, но и способствовало постановке ряда важных философско-исторических проблем. Наконец, в русской периодике 20-х гг. получили широкое освещение идеи и выводы исторической школы Гизо. Конечно, это были, главным образом, теоретические рассуждения о том, как нужно смотреть на историю. Практическое осуществление этих идей было предпринято лишь в 1830 г. в «Истории русского народа» Н. Полевого, когда статья Чаадаева уже была написана.

Нельзя не отметить, что сам Чаадаев как бы подсказывал Чернышевскому одну из причин явной односторонности своих суждений о прошлом России, когда писал, что «ни одно из великих событий нашего национального существования не было должным образом охарактеризовано; ни один из великих переломов... не был добросовестно оценен» и «мы еще никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения»¹⁴. Это стремление Чаадаева раскрыть философию русской истории с точки зрения исторической проблематики, характерной для европейской науки и, главным образом, французской историографии, позволяет Чернышевскому писать о Чаадаеве как о человеке «большого ума, которого нельзя обольстить вздорною риторикою», как о мыслителе по своим понятиям стоявшем «гораздо выше людей, бывших тогда нашими учителями в истории» (VII, 610).

Указав на проблематику европейской историографии как основной источник чаадаевского метода, а с другой стороны на недостаточную осведомленность Чаадаева в русской истории, Чернышевский исследует логику мысли Чаадаева, приводящую его к абсолютизации отрицания. И прежде всего останавливается на исходной посылке Чаадаева: «история называется историей только тогда, когда имеет смысл. Именно этот исходный пункт рассуждений автора «Философического письма» и дает основание Чернышевскому говорить о нем как о человеке, который был выше современников ему русской исторической науки.

Ссылкой на невольную неполноту знаний Чаадаева

¹⁴ Чаадаев П. Я. Соч. и письма. М., 1914, т. 2, с. 224.

русской истории Чернышевский не ограничивался. И действительно, можно назвать целый ряд современников Чаадаева, располагавших той же суммой знаний о прошлом России, но не сделавших подобного Чаадаеву вывода. Чернышевский размышляет и о других причинах, настойчиво ищет ответа на занимающий его вопрос, почему при верной посылке Чаадаев пришел к ошибочному выводу. Историческая традиция, связанная с именем Гизо, указывала смысл истории в непрерывности преемственных связей, в «идее», которую данный народ вносит в развитие человечества, тем самым осуществляя свое предназначение. Чернышевский напоминает, что такой «смысл» привычно находил в истории античной и средневековой Европы. Если, говорит Чернышевский, «в истории греков или французов был виден какой-нибудь смысл», то у нас «должно было показаться, что во всех событиях и переменах жизни русского народа нет ни связи, ни смысла» (VII, 610). Чернышевский подвергает критическому анализу метод Чаадаева, в соответствии с которым тот ищет таких исторических результатов развития России, которые выражали бы не ее собственные исторические обстоятельства, а были как-то связаны с итогами развития европейской цивилизации, выражавшимися в победном шествии просвещения. Не находя прямых аналогий в истории России с историей античности или с историей цивилизации во Франции, Чаадаев делает вывод об отсутствии всякого смысла в движении вперед в существовании русского народа. Отсюда и вывод Чаадаева, что у нас нет истории.

Сказав, что «чаадаевское убеждение не соответствовало истине», Чернышевский подчеркивает, что и «у нас была история», наполнившая нас преданиями, «от которых нам также трудно отказаться, как западным европейцам от своих понятий». И у нас «был резко и твердо выработанный характер» (VII, 614). Россия развивалась из своих собственных объективных возможностей и на основе собственных исторических корней. Быть может, это развитие происходило «очень дурно, под очень вредными влияниями, но все-таки было у нас движение, а не совершенный застой» (VII, 610). В позиции Чаадаева Чернышевский видит выражение его научной честности, верности исходному убеждению, доведенному до логического конца. Бесстрашная чаадаевская мысль совершила свой круг. И Чернышевский стремится этот замкнутый круг разорвать, ищет выход из тупика. Вывод Чаадаева, указывает Чернышевский, с неизбежностью подводил его к мыс-

ли о том, что «мы готовы были сделаться чем угодно, потому что еще ничем не были» (VII, 614). Мы достаточно свободны для формирования в лучшем направлении. И тем больше отчаяния, замечает Чернышевский, в гневной чаадаевской характеристике современной России, в силу своей инерции все еще не воспользовавшейся этой свободой. Понимая логику рассуждений Чаадаева, Чернышевский не принимает его отчаяния. Последовательная критика совсем не заводит в трагический тупик. Отчаяние Чаадаева, говорит Чернышевский, обусловлено прежде всего ошибками в его собственной исторической системе. «В каждой книжке каждого журнала», — напоминает Чернышевский, — публика «читает ныне вещи столь же горькие», как и у Чаадаева. Но никому не кажется, «чтобы они дышали безнадежностью и внушались отчаянием» (VII, 593). Из отчаяния же Чаадаева «рождаются мечты о каком-то исключительном нашем положении и призвании в будущем». Чаадаевское «Философическое письмо» показывает, что он «разделяет эти экзальтированные надежды: если бы он не был проникнут ими, не говорил бы он так горько о нашем настоящем» (VII, 615).

В некрологе М. Логинова Чернышевский останавливает внимание читателя на замечании, что Чаадаев «служил посредником между людьми различных направлений». Каким образом в идеях Чаадаева отразилась возможность связи между учением западников и славянофилов, никто до Чернышевского не писал. «Экзальтированные» суждения о будущем России, высказанные в «Апологии», есть и у западников, и у славянофилов, отмечал Чернышевский.

Еще в «Очерках гоголевского периода», выражая свое мнение об историческом будущем русского народа, Чернышевский с удовлетворением цитирует слова Белинского: «Мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но каково это слово, какова мысль, — об этом пока еще рано нам хлопотать»¹⁵. Тем более сильные возражения вызывают у него идеи о скором и радикальном возрождении России, которая займет в истории народов место одряхлевшей Европы. Подобная идея порождала беспочвенные иллюзии и в условиях общественной борьбы 60-х г., охотно поддерживалась реакцией. Устанавливая «одинаковость веры» западников и славянофилов, когда речь шла о роли России в ближайшем будущем, Чернышевский указал на источник этого неожиданного совпаде-

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. 1956, т. X, с. 21.

ния мнений. Он находил его в произвольном отношении и тех, и других к объективным историческим закономерностям.

Славянофилы готовы были «миновать, перескочить, перепрыгнуть» эпоху реформы Петра и, «воротившись к предшествующим ей временам»¹⁶, вычеркнуть огромный период из будущих судеб России. Западники, в сущности, то же самое проделывали с эпохой допетровской Руси. Произвольны, с точки зрения Чернышевского, были и восторженные суждения западников о деятельности Петра Первого. Чернышевский прибегает к большому отступлению, в котором критически пересматривает либерально-просветительскую тенденцию высокой оценки Петра-реформатора. Не без полемических крайностей он доказывает, что реформы Петра коснулись в основном армии, а в остальном же «жизнь наша ни в чем не изменилась» (VII, 612). И славянофилы, и западники игнорировали историческую реальность, не входя в исследование объективной необходимости исторического развития. Россия вступила на путь исторического действия много позже других народов и может, считал Чаадаев, избежать допущенных ими в свое время «ошибок». И призывал: «Воспользуемся же огромным преимуществом, в силу которого мы должны повиноваться только голосу просвещенного разума, сознательной воли. Познаем, что для нас не существует непреложной необходимости»¹⁷. Мысль эта, говорит Чернышевский, могла родиться только в стране, где идея произвола, в соответствии с которой «мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения» (VII, 616), пустила слишком глубокие корни.

И Чернышевский вновь возвращается к критической оценке русской действительности, вновь поддерживая именно эту часть чаадаевских статей. «Весь сонм» консервативных «идей и фактов» в русской жизни «составляют плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собою, так что бог знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям» (VII, 617).

Основывая мысли о будущем на историческом анализе прошлого, Чернышевский заключает статью глубоко оптимистическим выводом: «Запад, далеко опередивший нас, далеко

¹⁶ Там же, с. 19.

¹⁷ Чаадаев П. Я. Соч. и письма, т. 2, с. 228.

еще не исчерпал своих сил,— в этом отношении он таков же, как мы: страна, едва возделанная в немногих местах, которым поблагоприятствовал случай, еще имеющая безмерные долины, которых не касался плуг. Новая жизнь возникает в этих только начинающих оживляться пространствах» (VII, 618).

Написанная в публицистических целях и отвечающая, главным образом, потребностям общественной борьбы 60-х гг. статья Чернышевского не потеряла научного значения и в настоящее время. Именно Чернышевскому принадлежит заслуга выяснения теоретических истоков чаадаевского отрицания. Он первый увидел связь между отрицанием Чаадаева и общей системой его взглядов. Вместе с тем Чернышевский критически оценил идеи Чаадаева в перспективе истории. Уточняя герценовскую оценку «Философического письма», он рассматривал деятельность Чаадаева как закономерное следствие целой совокупности исторических обстоятельств и идейных предпосылок.

И. В. ПОПОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО К ПУШКИНУ

Об отношении Чернышевского к Пушкину в разное время и разными исследователями говорилось много, даже очень. Мы идем, однако, от мысли, что сказано здесь далеко не все. Есть в характере этого отношения нечто, на наш взгляд, чрезвычайно важное, что зачастую оказывается обойденным. Оно связано с тем, что суждения Чернышевского о великом поэте были в преобладающей своей части публицистическими, имевшими ту свою специфику, которая по существу не всегда берется на учет в общем подходе к Чернышевскому как литературному критику. Нередко упускается из виду, что Чернышевский был не просто критиком, но *критиком-публицистом*.

Проблема Пушкина по существу и начиналась для Чернышевского как проблема борьбы за становление в реалистической литературе той силы, которая, делаясь органом передовой и независимой гражданской мысли, способствовала бы успеху освободительной борьбы русского народа. Чернышевский, вслед за Белинским, хорошо сознавал, что Пушкин не просто создатель новой русской литературы, но первый представитель разбуженного 1812 годом суверенного созда-

ния нации. Голос Пушкина был голосом декабристско-Т-эпохи.

Литература, достойная своего имени, по Чернышевскому, должна быть литературой, просвещающей и организующей общество, ориентирующей его относительно главных ценностей и задач социально-политического развития. Такие мнения критик высказывал неоднократно. «Истинно заслуживает имени своего литература только тогда,— писал он в 1857-м году, когда говорит обо всем, что важного в каком бы то ни было отношении происходит в обществе, рассматривает все эти факты со всех сторон, со всех возможных точек зрения, объясняет, от каких причин происходит каждый факт, чем он поддерживается, какие явления должны быть вызваны к жизни для его усиления, если он благотворен, или для его ослабления, если он вреден. Такая литература руководит мнением общества, prepares и облегчает улучшения в национальной жизни, предотвращает своими указаниями и советами ошибки и бедствия» (IV, 881).

Это высказывание, завершившееся утверждением, что в России нет литературы, достойной своего имени, весьма своеобразно. Оно преподносится от лица неких «желчных ипохондриков», споривших с самодовольными, «цветущими здоровьем или пользующимися подагрой «практиков». В итоге такое высказывание как бы снимается человеком, примиряющим крайности: «Литература наша не руководит общественным мнением, не управляет событиями — что ж из того? — таких претензий и не должна иметь литература...» (IV, 882). Нетрудно понять, что здесь мы встречаемся с характерным для Чернышевского эзоповским приемом «разговора с принципиальным читателем» и что, благодаря такому приему, Чернышевский выявляет, по сути, те свои претензии к литературе, которые многим в его время казались чрезмерными и не являлись особенно «удобными» для подцензурного их высказывания. Ведь речь шла, ни мало, ни много, — о прямом вмешательстве литературы в социально-политическую сферу.

Высказывая свои мнения о литературной критике, Чернышевский никогда не скрывал того, что его собственная критика — принципиально и открыто публицистическая и что именно этот тип критики он считает наиважнейшим в русской литературе. На примере Белинского, наследником и продолжателем которого он был, критик «Современника» разъяснял особенности такого типа критической деятельности. «Развитие русской литературы,— писал он,— было для нее (критики

Белинского.— И. П.) выше увлечения самыми милыми именами, горячее желание развития жизни и просвещения в родной земле сильнее самой любви к русской литературе, которая была ей драгоценна именно потому, что есть двигательница жизни и просвещения». И далее следует характерное пояснение самого метода публицистического подхода к литературе: «для истинного критика рассматриваемое сочинение очень часто бывает *только поводом к развитию собственного взгляда на предмет*, которого оно касается вскользь или одно-сторонне» (III, 501, курсив наш. И. П.). Совершенно справедливо суждение М. Г. Зельдовича, что в приведенном высказывании Чернышевский своеобразно санкционировал публицистическую критику и что это было «одно из ранних программных заявлений революционной демократии 60-х годов о характере критики, которую Добролюбов назовет «реальной»¹.

Статьи Чернышевского о Пушкине были критическим откликом на появление анненковского издания произведений поэта, они вышли в свет в 1855 году с некоторым интервалом во времени: первая и вторая — февральском и мартовском, третья и четвертая — в июльском и августовском номерах «Современника». Чернышевский, как известно, не ставил перед собой цели литературно-критического анализа произведений поэта. Критик «Современника» сразу оговаривался, что в этой части он идет за Белинским, считая выводы и заключения его знаменитых статей о Пушкине вполне отвечающими истине. Однако по поводу указанных выводов и заключений он намерен был вести особую речь — со своими современниками. Принципиальной установкой его — отмечает Г. В. Макаровская — становится мысль, что очевидные истины «еще нуждаются в разъяснении и должны стать достоянием общественного сознания»².

Свою прямую задачу Чернышевский определяет, таким образом, за пределами литературно-художественной сферы. Эту последнюю автор «Сочинений Пушкина», вопреки собственному заявлению, не обходит. Особенно в двух первых

¹ Зельдович М. Г. Статьи Н. Г. Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи исследования и материалы. Саратов, 1965, вып. 4, с. 34.

² Макаровская Г. В. Пушкин в оценке Чернышевского. (Проблема историзма в литературно-критической концепции Чернышевского середины 50-х годов. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1978, вып. 8, с. 59.

статьях, представивших, по словам Е. И. Покусаева, «единственные в своем роде выступления Чернышевского, где он... детально рассматривал «историю развития произведений» поэта, процесс их постепенного созидания и обработки» и делал это «с необычайным профессиональным мастерством»³. Настоящая цель, однако, заключалась в другом. Чернышевскому требовалось с позиций современности высказаться о Пушкине как о родоначальнике русской реалистической литературы и «русской образованности»; сказать слово о его творчестве, а, вместе с тем, и о русской общественной жизни в связи с его творчеством. Такой разговор намеренно ставился в публицистическую плоскость. «Чернышевский стремится охарактеризовать идейную эволюцию Пушкина в ее отношении к эпохе поэта и, в частности, к общественному мнению этой поры»⁴. И может быть более всего стремление Чернышевского в 1855 году связано было с поисками путей от литературных вопросов, о которых еще можно что-то говорить, к вопросам социальной жизни, находившимся под официальным запретом. Отсюда его слова в заключительной части работы: «...мы живем в ретроспективное время. Если не говорить о Пушкине, то о чем же говорить ныне в русской литературе? Правда, можно очень справедливо возразить на это: да зачем же говорить о русской литературе? Но такое возражение было бы очень прискорбно, потому что оно ведет к вопросу: о чем же говорить?» (II, 515).

Публицистический характер наиболее ярко сказался в третьей и четвертой статьях работы — «после того, как по напечатании двух статей о Пушкине, в течение последующих месяцев, с марта по июль включительно, развернулся полемический фронт выступлений против Чернышевского — статьи Дружинина, Дудышкина и Григорьева...»⁵. Но дело, бесспорно, не только во фронте против Чернышевского. Очень важно обстоятельство, подчеркнутое Д. К. Мотольской: «Отрезок времени, отделявший третью и четвертую статьи от первых двух — существенная веха на пути «самоопределения» различных идеологических тенденций. Именно в эти месяцы (в мае — июне) 1855 года фактически начался процесс размежевания в литературной среде, группировавшейся вокруг «Со-

³ Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и творчества. 5-е изд., испр. и дополн. М., 1976, с. 107.

⁴ Зельдович М. Г. Указ. соч., с. 23.

⁵ Макаровская Г. В. Указ. соч., с. 62.

временника», стали уточняться и определяться идейно-эстетические позиции тех, кто составлял так называемый «круг» «Современника»⁶. Накал борьбы в сфере социально-эстетической, конечно же, способствовал привнесению определенных акцентов в работу Чернышевского. Он давал новые стимулы для раскрытия критикам-демократам своих гражданских позиций. Следует сказать только, что нет оснований для утверждений об отсутствии тематической преемственности между двумя первыми и последующими статьями «Сочинений Пушкина». Такая преемственность существует и лежит она как раз в области чисто публицистического освоения темы «пушкинского» и «гоголевского» в русской литературе.

Взгляды Чернышевского на Пушкина восходят, как известно, к точке зрения Белинского 40-х годов. Критик «Современника» в принципиальных своих суждениях и выводах опирался на своего великого предшественника и знакомил своих читателей с его высказываниями, представляемыми, зачастую, в широком контексте. При всем этом пафос суждений Чернышевского о великом поэте заметно отличен от пафоса статей «Сочинения Александра Пушкина» Белинского. В исследовательской литературе давно отмечено, что эти последние в статьях Чернышевского прочитаны и интерпретированы тенденциозно: упор сделан на некоторые положения Белинского, представившие критику наиболее важными. Прежде всего на такие, как «Пушкин — поэт формы» и «Гоголь выше Пушкина»⁷.

Указанная тенденция обусловила в статьях Чернышевского явный перевес публицистической задачи над задачей художественной оценки. Это бросилось в глаза многим современникам и — что особенно характерно — не вполне удовлетворило Некрасова, выступавшего в то время в качестве литературного критика, автора печатавшихся в «Современнике» «Заметок о журналах», которые заняли видное место в истории русской литературно-публицистической критики и явились своего рода вершиной его собственного творчества в

⁶ Мотольская Д. К. Работа Н. Г. Чернышевского над анненковскими «Материалами для биографии А. С. Пушкина». — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, Л., 1963, т. 245, с. 261.

⁷ Смысл, вкладываемый в эти формулы Белинским и Чернышевским, в специальной литературе интерпретирован основательно и достаточно бесспорно (см.: Соловьев Г. А. Эстетические воззрения Чернышевского. 2-е изд. дополн. М., 1978, с. 236—237; Он же. Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М., 1974, с. 228).

этом жанре⁸. Некрасов, будучи редактором журнала и старшим товарищем Чернышевского, проявил особую заинтересованность в работе «Сочинения Пушкина» — по ходу ее печатания.

Этот вопрос специально рассмотрен М. Блинчевской⁹. Она обратила внимание главным образом на то, что автографы статей в ряде принципиальных положений отличаются от печатного текста и что, судя по всему, это результат не столько каких-то иных причин, сколько вмешательства Н. А. Некрасова, сумевшего убедить Чернышевского в необходимости изменить некоторые из его суждений о Пушкине.

Обратимся к указанным «исправлениям». В автографе статьи второй говорилось: «Придут времена, когда его (Пушкина. — *И. П.*) произведения останутся только памятниками эпохи, в которую он жил; но когда придет это время — мы еще не знаем». Фраза была заменена призывом: «Будем же читать и перечитывать» Пушкина, связываемым исследовательницей со вставкой, сделанной, на ее взгляд, не без участия Некрасова еще в рукописи первой статьи взамен зачеркнутого текста: «Творения Пушкина... будут жить вечно, вместе с ними незабвенною навеки останется личность Пушкина». В автографе третьей статьи, где освещался вопрос об оценке творчества Пушкина современной ему критикой, Чернышевский в большей мере, чем это видно из печатного ее текста, «подчеркивал элементы критического отношения к Пушкину в статьях издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого и особенно высоко оценивал в этой связи критику Н. И. Надеждина»¹⁰.

Обосновывая собственный подход к творчеству Пушкина, Чернышевский обращался к современной поэту критике, выделяя в ней Полевого и Надеждина. Он рассматривал этих ранних критиков Пушкина как бы на фоне пушкинских статей Белинского, что предопределяло общий тон его выступлений. Но тут было одно весьма любопытное обстоятельство. Особый момент взаимопонимания молодого критика «Современника» и демократической критики 20—30-х годов начинался главным образом со взглядов на «Евгения Онегина». В

⁸ См. об этом: Блинчевская М. Я. Некрасов и молодой Чернышевский (по страницам «Заметок о журналах» 1855). — Русская литература, 1972, № 3, с. 101.

⁹ См.: Блинчевская М. К истории печатания в «Современнике» статей Чернышевского о Пушкине. — Вопросы литературы, 1966, № 12.

¹⁰ Там же, с. 241.

оценке этого произведения у Чернышевского оказалось гораздо больше близости с Полевым и Надеждиным, чем с Белинским. Роман в стихах Пушкина расценивался им (как в работе «Сочинения Пушкина», так и в более поздних выступлениях) лишь с точки зрения признания в нем чисто исторического значения¹¹.

Если в статьях «Сочинений Пушкина» Чернышевский в целом идет от мысли, что в разборах пушкинских произведений, сделанных в «Телеграфе» и «Телескопе», «было более верного и дельного, нежели пустого и придиричвого» (II, 478), то такое заключение касалось почти всего того, что Полевым и Надеждиным говорилось об «Онегине». Удивление и благоговение к Пушкину в «Телеграфе» — отмечал критик — продолжалось «до появления VII главы «Евгения Онегина»... Здесь же с грустью говорится о том, что блестящий талант Пушкина запутался среди отношений, не благоприятствующих его развитию» (II, 480).

Критический отзыв Полевого о VII главе, а вместе с тем — и о главах предшествующих, приведен Чернышевским без возражений по его сути. В центре цитируемого отзыва оказалась характерная для издателя «Телеграфа» мысль о слабости Пушкина в сравнении с Байроном, а также о естественности мелкотемья в русской литературе, поскольку русские люди «еще дети и в гражданском быту и в поэтических ощущениях». «Гостинные, девы и модники — герои деревень, городов и балов! Какой подвиг взглянуть на них сардонически!» — вот господствующая мысль в «Онегине», которую, быть может, сам творец сего романа худо поясняет себе, ибо иначе он увидел бы, что тесниться вокруг нее в семи стихотворных главах утомительно и для него и для читателей» (II, 488—489). В рассмотренном М. Блиневской рукописном тексте третьей статьи Чернышевский не видел в таком отзыве Полевого ничего несправедливого¹².

Большая выдержка из статьи о «Евгении Онегине» Н. И. Надеждина, «статья, заканчивающейся выводом, что «для гения не довольно создать «Евгения», тоже не вызывает у Чернышевского желаний возражать по существу сделанных

¹¹ См., к примеру, в книге для юношества «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения»: «Главное достоинство «Евгения Онегина» кроме превосходных стихов, состоит в том, что он чрезвычайно верно изображает нравы русского общества. Теперь мы имеем довольно много произведений, более или менее отличающихся этим достоинством.» (III, 334).

¹² См.: Вопросы литературы, 1966, № 12, с. 241.

критиком заключений. Слово здесь предоставлено было — справедливо говорит М. Г. Зельдович — «самому Надеждину» и его «осуждающие» выводы продемонстрированы в их «природном виде»¹³. Признавая далее, что в суждениях «Телескопа» о Пушкине много ошибочного, критик «Современника» как бы отдает формальную дань господствующей точке зрения на Надеждина. Обращаться к анализу таких ошибок или, хотя бы, к конкретному указанию на них он не считает нужным. У него задача другая — подчеркнуть литературно-общественное значение надеждинских статей, их общий и важный для своего времени смысл. «Надобно заметить, — пишет он, — что, говоря о Пушкине, Надоумко и «Телескоп» имели в виду не столько отдельного поэта, сколько представителя русской литературы, и потому высказывали по поводу его произведений то, что должно было разуметь о целой литературе. Здесь дело шло, собственно говоря, не об авторе «Евгения Онегина», а об умственной жизни нашего общества в ту эпоху...» (II, 495).

В оценке Пушкина как представителя «целой литературы» определенного исторического периода Надеждин, на взгляд Чернышевского, весьма значительная фигура. Он одним из первых увидел недостаточность «умственной жизни нашего общества в ту эпоху»; указал на поверхностность и несерьезность отношений общества к литературе, что выразилось в непонимании смысла народности; осудил господствовавшее в то время самообольщение мнимыми успехами; а вместе с тем, — очень резко и определенно стал говорить о связи, существующей между низким уровнем развития литературы и обычным объектом ее тогдашнего изображения — пустой и бессодержательной светской жизнью.

Это был, бесспорно, чисто публицистический подход к теме: важнейшие акценты связывались с полемическим характером выступления. Чернышевский начинал решительно отстаивать «гоголевское» направление, выступая против «пушкинского», поднимаемого на щит таким рупором либерально-дворянских идей, как А. В. Дружинин. Этот знаменитый спор, как известно, не был специфически литературным¹⁴. И если Дружинин в тот момент высокомерно третировал современную Пушкину критику, а в противовес писателям гоголевского направления, односторонне-сатирически, на его взгляд, от-

¹³ Зельдович М. Г. Указ. соч., с. 27.

¹⁴ См. характеристику этой полемики, сделанную Е. И. Покусаевым. Покусаев Е. И. Указ. соч., с. 105.

ражающим жизнь, выдвигал пушкинского «Онегина», в котором светло и гармонично изображен повседневный русский быт, то Чернышевский не мог не выступить со своими контраргументами именно по этим вопросам¹⁵. Благодаря его выступлению, Полевой и Надеждин раскрывались как ранние представители русской демократической мысли, отдавшие на строгий и принципиальный суд как искусство, так и социальную практику дворянского общества. Суждения о бессодержательности и пошлости жизни русского дворянства, о ничемности обычных героев и героинь дворянской литературы — «модников и дев» городов и деревень, о «прихотливой резвости вольного воображения, порхающего легкокрылым мотыльком по узорчатому, но бесплодному полю светской бездушной жизни» в произведениях, описывающих барскую жизнь, — все эти суждения, встреченные Чернышевским на страницах пушкинских статей «Телеграфа» и «Телескопа», зазвучали у него во всю силу и в контексте своего времени. Но был это, разумеется, разговор не о произведениях Пушкина, а по поводу их.

В аспекте такого подхода роман в стихах Пушкина не мог раскрыться Чернышевскому в подлинном его значении и масштабе. Суждение наподобие того, что «Евгением Онегиным» в нашей литературе начинается новый фазис ее развития и что это было первое произведение, взятое из национальной жизни (см. IV, 150), здесь, в сущности, ничего не меняло. В общей системе представлений Чернышевского мысль о «Евгении Онегине» не только корректировалась положением «Пушкин — поэт формы», «поэт-художник», но как бы даже бесспорным образом подтверждала такое положение. Во многом в силу этого, то есть в силу недооценки роли романа в стихах Пушкина в становлении русского реализма и русской общественной мысли, и сам автор «Евгения Онегина» не раскрылся ему в значении вечно живого и пророческого явления национальной культуры, в каком он раскрылся Белинскому¹⁶. Не раскрылся, кроме всего прочего потому,

¹⁵ См. об этом в статье М. Г. Зельдовича. Зельдович М. Г. Указ. соч., с. 19—20.

¹⁶ «Придут времена, когда его (Пушкина — И. П.) произведения останутся только памятниками эпохи, в которую он жил...» (II, 905) прямо противоположно известному заключению Белинского о времени, когда Пушкин делается в России «поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М., 1955, т. VII, с. 579).

что вопрос о художественности Пушкина (точнее — о ее значении) в выступлениях Чернышевского уже не играл той роли, какую он играл в статьях Белинского.

Выдвинув на первый план задачи социально-ориентационные, Чернышевский заботился в первую очередь о том, чтобы в творчестве великого поэта и в характере его гражданского поведения отметить те черты, в которых в прошлом была своя сила и достоинство, но что стало обнаруживать явную ограниченность в условиях новой эпохи. Пушкин — поэт, вышедший из дворянства и обозначивший собственным творчеством высший взлет русской дворянской культуры, оказался, при публицистическом к нему подходе и в полемике с такими его защитниками, как Дружинин, очень «удобным» для суда над дворянской интеллигенцией, ее идеалами и жизненной практикой. А без такого суда русский разночинец эпохи Чернышевского не мог решить вопроса о своем социально-политическом и нравственном самоутверждении.

Идя от признания в художественной литературе важнейшего средства формирования общественного мнения, способного быть регулятором социальных отношений и орудием воздействия на политическую структуру, Чернышевский великолепно понимал разницу в том, каким было общественное мнение в годы Пушкина, то есть — в начале дворянского этапа освободительного движения в России, и каким оно стало позднее, в последекабристский период, когда на арену общественной деятельности вышел разночинец. Критик-демократ знал цену независимой, идущей от общественного сознания мысли, уважал честные гражданские убеждения. Никогда не ставил он в один ряд беспринципных, социально дезориентированных литераторов типа Сенковского с писателями пушкинского круга¹⁷. Однако он считал необходимым во всеуслышание говорить о том, что понимание общественного сознания как сознания узкого круга образованных людей, — то понимание, которого сформировалось в декабристские годы и виднейшим представителем которого был Пушкин, — стало обнаруживать свою несостоятельность уже в ближайшее последекабристское время. И деятельность на такой основе, искавшая себе опоры в некоторых тенденциях творчества великого поэта, исторически исчерпала себя.

¹⁷ В этом отношении чрезвычайно показательна та характеристика, которую Чернышевский дал писателям пушкинского окружения в статье «Сочинения Пушкина», если сопоставить ее, скажем, с характеристикой О. И. Сенковского в «Очерках гоголевского периода».

Пушкин, рассматриваемый критиком через призму проблем эволюции и роста русского общественного самосознания, интересовал его, главным образом, как человек и великий художник, который стоял у истоков суверенной русской мысли, но, как полагал Чернышевский, отчасти в силу ограниченности и элитарности представлений своей среды, а отчасти — и по особенностям своей натуры, не смог постичь духа времени. В условиях начавшейся новой эпохи, выступавший под знаменем растущих демократических сил, Пушкин, на взгляд критика-демократа, сыграл роль предшественника Гоголя, писателя, выразившего национальное самосознание в широком смысле слова, давшего новой русской литературе подлинное гражданское содержание. Сам же Гоголь оказался неспособным понять демократическую журналистику последекабристского времени, потерял в последние годы жизни любовь широкой публики, охладевшей к нему, и — на почве неумения найти общий язык с молодым поколением, а также кастового самолюбия, не терпящего мелких обид, наносимых приятельскому кругу, — вошел во вражду с органами ранней русской демократической мысли — «Московским телеграфом» и «Телескопом», с их издателями и критиками-публицистами Полевым и Надеждиным.

Используя анненковские материалы для биографии поэта, Чернышевский обратился к исследованию социально-психологических причин разлада и вражды Пушкина с этими последними. Формирование у великого поэта в последекабристские годы идеологических позиций, представлявшихся критику замкнутыми и не имеющими выхода в широкую сферу (а, следовательно, и не способными «одействовать всеобщее»), на выявленной основе казалось совершенно закономерным. Пушкин «имел в характере расположение любить и уважать предания, любил старину, был, если можно так выразиться, в душе до некоторой степени старинный человек»; «до конца своей жизни он «не переставал показывать в себе бывшего члена «Арзамаса». «Пушкин навсегда сохранил... почтение как к лицам, признанным авторитетами в среде его, так и к самому способу действия во имя идей, обсужденных целым обществом... да и к одному личному мнению, становившемуся наперекор мнению общему, уже никогда не имел уважения».

Здесь надобно искать причину нелюбви его к журналистике, влиянием которой заменилось впоследствии влияние литературных обществ, в особенности к «Московскому телеграфу».

фу». Пушкин «не мог привыкнуть к новому порядку вещей, когда журнал приобрел свой голос в суждениях о литературе, не служа выражением мнения тесного кружка людей, коротко знакомых, имевших одни привязанности, не замечавших или щадивших слабости каждого члена своего общества, а сделавшись органом независимого мнения, образовавшегося или начавшего образовываться в массе публики» (II, 441—442).

Цитаты из статьи «Сочинения Пушкина» в высшей степени характерны, если иметь в виду ту особенность подхода Чернышевского к великому поэту, которая вытекала из выдвинувшейся в середине 50-х годов перед революционной демократией задачи — «выяснения отношений» с декабризмом. Предчувствуемая критиком «Современника» новая волна освободительной борьбы требовала не только наследования традиций предшественников, но и суда над этими последними — над недостатками и ограниченностью социальной позиции декабристской эпохи. В. И. Ленин скажет: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа»¹⁸. Чернышевский как ближайший преемник подвижников Сенатской площади начинал с сознания именно этой слабости декабристского движения. Вел он речь, однако, не о прямых участниках революционных кружков (подобная акция была бы, кроме всего прочего, практически невозможной), он говорил о выразителе их идей в литературе, их певце, спасшемся после крушения «корабля». Излишне говорить, как много все это значило для начинающего вождя революционной демократии.

Передовая мысль декабристской поры формировалась в узких кружках. Она не проявляла настоящего интереса к массовому сознанию и выходила к общественному мнению своей эпохи как мысль «образованного общества», вызвавшегося представлять всю нацию; представлять без какого-либо расчета на те отклики со стороны широкого круга соотечественников, которые служили бы привлечению масс к участию в общих делах и проблемах и явились бы почвой для формирования действительно широкого общественного мнения. Чернышевский раньше других понял ограниченность и дворянскую (классовую) сущность подобных взглядов в литературе и журналистике. Подходя к проблеме публицистически, Чернышевский подчеркнул ограниченность социальной позиции Пушкина, оставляя в стороне собственно художественную значимость его творчества.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

A764223

В таких условиях создалась чрезвычайно характерная ситуация, предопределившая оценку критиком «Современника» трагедии «Борис Годунов». Она вызвана была — как то отмечается в работе Г. В. Макаровской — полимическим противостоянием Чернышевского Анненкову. П. В. Анненков в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» говорил, что со времени «Бориса Годунова» поэт ушел в себя, оставил общественные вопросы» и находил вполне утешение в собственной духовной жизни». «По Анненкову, зрелость и отказ от увлечений молодости,— а среди них были и вольнолюбивые стихи,— находились у Пушкина в прямой связи»¹⁹. Имея дело с таким утверждением, Чернышевскому важно было показать (без всякой проверки фактов и анализа текстов), что указанный период стал началом отхода Пушкина от передового движения эпохи и что это драматически отразилось на дальнейшей судьбе великого поэта, творчество которого, по мнению критика, стало ослабевать идейно и терять значение для современников. С опорой на Белинского критик-демократ оправдывал публику за холодное ее отношение к знаменитой трагедии, в которой будто бы нет живой поэтической идеи и хороши только частности (см: II, 514).

Развивая такие взгляды, Чернышевский преследовал определенные положительные цели, поскольку пропагандировал искусство, связанное с освободительной борьбой народа, волнуемое живыми сиюминутными проблемами времени. Но зато он был несправедлив по отношению к Пушкину, не увидев того, что великий поэт в своем зрелом творчестве (в данном случае — в трагедии «Борис Годунов») не уходил от задач, решавшихся декабристами, но, выдвигая вопрос о власти и народе, о роли народа в общественных движениях, выходил к раздумьям о причинах слабости декабризма. Такая тенденция критика-публициста увела его от объективной оценки и — что особенно показательно — не позволила ему увидеть в «поэте-художнике» Пушкине того, кто в осмыслении русского исторического опыта мог дать новому поколению, идущему вслед за декабристами, более, чем кто бы то ни было. Такой взгляд на Пушкина был результатом критического разбора Чернышевским полемических столкновений конца 20 — начала 30-х годов между Пушкиным и писателями его круга, с одной стороны, и Полевым, издателем «Московского телеграфа», с другой. Цитируя Анненкова, ос-

¹⁹ Макаровская Г. В. Указ. соч., с. 87.

вещавшего указанную полемику с нейтральных позиций, он — в скобках по тексту — делает попутные уточняющие характеристики (подчас довольно язвительного свойства) и дает тем самым понять, что его собственная позиция заключается в стремлении к демократизации литературно-общественной жизни, к усилению прямоты и нелицеприятя журнальной критики, общему повышению ее идейности, укреплению литературы и журналистики как органов передового и широкого общественного мнения. В условиях начавшейся борьбы с «пушкинским» направлением все это носило смысл разговора об истоках «аполитичного» и камерного «чистого искусства» и о социальной сущности этого понятия. Пушкин здесь фигурировал, главным образом, как носитель общественного сознания, формировавшегося на уровне кружков.

«Все болес оскорбляло Пушкина,— приводит Чернышевский слова Анненкова,— то уничтожение авторитетов и литературных репутаций (*незаслуженных, прибавим мы*), которое происходило от немедленного приложения вычитанных (*и большей частью справедливых*) идей к явлениям отечественной словесности. Несмотря на ловкость и остроумие, с какими иногда (большей частью) производились эти опыты, Пушкин не имел к ним ни малейшего сочувствия. Притом «Московский телеграф» был совершенною противоположностью духу, господствовавшему у нас в эпоху литературных обществ... С его появления журнал приобрел свой голос в деле литературы. Расположение литературных обществ к своим сочленам (т. е. превозношение похвалами *всех бездарных знакомых*) сделалось тогда достоянием истории. Пушкин сохранял убеждения старого члена литературных обществ. К новому порядку вещей, где личное мнение (*напротив, общественное мнение, которым только и поддерживается журнал, а не пересуды и похвалы тесного кружка приятелей, как прежде*) играло такую роль, он уже не мог привыкнуть всю жизнь» (II, 488, см. и дал.).

Так Чернышевский, в ходе борьбы за принципы революционной демократии, выдвигал и заострял проблему усиления социально-оценочных и социально-ориентационных функций литературы и журналистики. Литературная критика и журналистика — утверждал он — обязаны быть органами широкого и независимого общественного мнения, а не литературных кружков и приятельских объединений; необходимыми качествами их должны стать высокая требовательность и борьба с самодовольством и успокоенностью; литературная

критика не есть дело избранных, служителей «чистого искусства», но поприще общественной деятельности, плодотворное и полезное лишь в условиях уважения и доверия к нему со стороны массы читателей; последние же завоевываются в честном и открытом состязании мнений. Обо всем этом говорилось убежденно и страстно, то есть на подлинном языке выступления публицистического.

Не может быть ни малейшего сомнения, что постановка указанных задач имела глубоко актуальный для своего времени смысл. Отношения литературные не только помогали раскрывать сущность и характер современной социально-политической борьбы, но являлись также, по условиям цензурного режима, единственными отношениями, анализируя которые можно было выходить к запретным в самодержавной России разговорам о такой борьбе. Не случайной была и сама переоценка опыта прошлого, то есть первых шагов русской независимой мысли, на материале обращения к особенностям гражданской позиции Пушкина. Но нельзя не видеть, что применительно к великому русскому поэту суждения Чернышевского и здесь были не всегда объективными.

Причины этого не так уж трудно понять. Увидев в Полевом раннего представителя демократического, а в Пушкине по преимуществу дворянского общественного мнения, Чернышевский игнорировал сложности и противоречия в позициях сторон и явно взял сторону издателя «Московского телеграфа». Такая тенденция в разговоре о Пушкине обозначилась в целом ряде моментов. Она сказалась в сгущении красок, в выпрямлении сложностей, в отступлении от историзма суждений и оценок. Конечно же, беспристрастный подход должен был бы сказать автору «Сочинений Пушкина», что оскорбление великого поэта в выступлениях Полевого — не уничтожение «незаслуженных авторитетов и литературных репутаций», что Пушкин никогда не благоволил к превозношению журналистами «всех бездарных знакомых»²⁰ и что, наконец, его неудовлетворенность журналами типа «Московского телеграфа» имела отнюдь не только отмеченные в статье основания. Пушкина коробила здесь недостаточность эстетического вкуса литературно-критических выступлений, отсутствие настоящего понимания художественных произведений и процессов происходящих в современной литературе, а вместе с тем —

²⁰ Такие взгляды на писателей пушкинского круга развивал, замечтим, кстати, Н. И. Надеждин в ранних его выступлениях. (См.: Вестник Европы, 1830, № 7, с. 196—197).

стремление демонстрировать (в борьбе против дворянской мысли) показное плебейское верноподданничество, казенный патриотизм, претивший гражданско-этическим представлениям, выработанным в декабристской среде.

Выйти к уяснению указанных особенностей позиций Пушкина Чернышевскому, разумеется, было не просто. Во многом потому, что проблема декабризма, как справедливо заметила Г. В. Макаровская, не подкреплялась в его сознании «достаточным для позитивного ее решения составом фактов»²¹. Однако не только поэтому. Работу Чернышевского «Сочинения Пушкина» нельзя зачислять в разряд обычных работ историко-литературного характера, то есть таких, которые решают чисто научные проблемы. В ней господствует публицистический подход, сказавшийся не только в отмеченных выше моментах, но и в общем заключении о месте Пушкина в русской литературе. Оно не было таким, каким выступало у Белинского, хотя основные положения и взяты критиком у своего предшественника. Белинский собственное заключение о «Пушкине — поэте формы» высказал в середине 40-х годов — в то время, когда стал считать, что жизнью современной ему поэзии сделалось «страстное мышление, полное вражды и любви», которое гармоничному Пушкину — как по его натуре, так и по дворянскому образу мысли — являлось чуждым. Отсюда — утверждение, что жизнь опередила поэзию Пушкина и требование к повышению «субъективности» художественного творчества. Все это шло, однако, у Белинского рядом с глубоким и разносторонним анализом произведений поэта, с признанием его безусловной гениальности и того, в конечном счете, что Пушкин — явление вечно живое, о котором каждая последующая эпоха будет говорить свое особое слово. Так в глубоких и пронзительных суждениях о конкретных образах и картинах и о смысле целого в произведениях великого поэта Белинский, именно как *литературный критик*, преодолевал односторонности своих публицистических заключений и связанного с ними просветительского взгляда на искусство²².

²¹ Макаровская Г. В. Указ. соч., с. 87.

²² Г. В. Макаровская пишет об этом так: «Признав, что «время опередило поэзию Пушкина» и что современному читателю Гоголь и Лермонтов скажут больше, чем Пушкин, Белинский делает из этого вывода такое множество исключений, что в целом они приобретают в его статьях вполне самостоятельное значение» (Макаровская Г. В. Указ. соч., с. 71).

У Чернышевского подобной возможности «исправлять» публицистику литературно-художественной критикой было гораздо меньше. Это было обусловлено и характером подхода к художественной литературе как к специфическому средству идейной борьбы, и особенностями исторической ситуации, остротой социального конфликта. Стремясь дать новый революционно-демократический взгляд на литературные явления, Чернышевский воспринимал творчество Пушкина по преимуществу в узком плане его отношений к живой социально-политической борьбе своего времени, а кроме того — в отражении этой борьбы, сделавшейся историческим фактом, в социально-эстетическом противоборстве новой эпохи. Это двойное наложение тенденций было крайне неблагоприятным для объективных суждений о великом поэте и его творчестве. Чернышевский выходил к вопросу о месте Пушкина в русской литературе своим путем. С самого начала, с первой своей пушкинской статьи, он отбирал и обобщал выработанные ранее знания. И отбор этот — в чем не может быть сомнений — являлся тенденциозным, то есть работающим на социально-политические концепции формирующейся русской революционной демократии. Сам такой переход от индивидуальных характеристик к предельно обобщающей генерализации, — пишет М. Г. Зельдович, — является закономерным процессом с его важными приобретениями и неизбежными утратами, определяемыми «единством и взаимосвязью темы публицистической... и собственно литературной, если угодно — подчинением последней публицистическому замыслу»²³.

Очевидно, из этого и следует исходить, имея дело не просто с литературной критикой, но с критикой особого, публицистического типа.

Н. А. ПОПКОВА

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА 1820—1830 годов

В истории русской критики, которой Чернышевский занимался в середине 50-х годов, особая роль принадлежала, по его мнению, Н. и Кс. Полевым, их журналу «Московский те-

²³ См.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1968, вып. 5, с. 30.

телеграф». Как известно, разъясняя направление и смысл деятельности Н. Полевого, Чернышевский выступил прямым продолжателем идей некрологической статьи Белинского о Н. Полевом (1846 г.)¹. Белинский видел в Н. Полевом одного из первых представителей демократической России, даровитого, энергичного разночинца, купеческого сына, который на поприще журналистики осмелился оспорить первенство литераторов-дворян.

Белинский понимал, что своей статьей открывает новую тему в истории русской общественной мысли: «...голос наш, упредивший другие суждения, не будет бесполезен для тех, которые возьмутся судить о Полевом...»². Он считал необходимым обратить особое внимание на предубеждения, сложившиеся вокруг имени Н. Полевого в журналах тех лет. «Загляните в современные «Московскому телеграфу» журналы, — и вы подумаете, что Полевой не умел иначе говорить, как страшными ругательствами, что журнал его был складочным местом полемики дурного тона, брани, дерзостей, лжей. Но пересмотрите «Московский телеграф» хоть за все время его существования, — и вы увидите, что всегда, в жару самой занальчивой полемики, он умел сохранять свое достоинство, уважать приличие и хороший тон и что в самых любезностях его противников было больше грубости и плоскости, нежели в его брани»³.

Белинский отчетливо сознавал социально-психологическую сторону полемики Н. Полевого с литераторами-дворянами: «Они не шутя считали себя неизмеримо выше Полевого, и с важностью ловили и высчитывали его обмолвки, промахи, ошибки, не понимая, что их преимущество над ним состояло только в том, что они спали, а он жил и действовал...»⁴. Самообразование, страстное желание деятельности спасло его «от школьных предрассудков, от педантизма и образовало из него публициста, которому нужно иметь дело не с аудиторией, а с обществом»⁵. Тенденцию общественного служения искал в традициях русской журналистики и Чернышевский, вступая на путь публициста. Связь со статьей Белинского в его первых работах в «Современнике», когда

¹ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1953—1959, т. IX, с. 671—696.

² Там же, с. 696.

³ Там же, с. 688.

⁴ Там же, с. 691.

⁵ Там же.

речь шла о Н. Полевом, часто в ответственных оценках совпадает едва ли не буквально.

«До «Телеграфа» в нашей журналистике уклончивый тон принимали за одно с вежливым: старались как можно меньше говорить о писателях и сочинениях, а если говорили, то с тем, чтобы хвалить общими избитыми фразами. Полевой показал *первый*, что литература — не игра в фанты, не детская забава, что искание истины есть ее главный предмет, и что истина — не такая безделица, которую можно было бы жертвовать условным приличиям и приятным отношениям»⁶. Это рассуждение Белинского чрезвычайно близко высказываниям Чернышевского о Н. Полевом в статьях «Об искренности в критике», о сочинениях Пушкина или в «Очерках гоголевского периода русской литературы». Все, что написано Чернышевским о Н. Полевом в 1855—1857 гг., создалось им как особая глава в истории демократизации русской критики и общественной мысли.

«Московский телеграф», как видно из третьей статьи о Пушкине, пересматривался Чернышевским из номера в номер. В особенности его занимали те сочинения, в которых Н. и Кс. Полевые стремились осмыслить собственную миссию в литературе как представителей разночинческой массы. Мимо внимания Чернышевского не прошло также одно из программных выступлений журнала — статья Кс. Полевого «Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года», помещенная в «Деннице» и «Северных цветах»⁷.

Вступив в спор с И. Киреевским, назвавшим три периода в русской литературе именами Карамзина, Жуковского и Пушкина, Кс. Полевой указывал, что эта периодизация охватывает сравнительно узкий круг явлений, пусть и значительных: «Мы никак не можем согласиться с автором в *переходах* словесности от Карамзина к Жуковскому, а от последнего к Пушкину»⁸. Причина несогласия в том, что, следя за развитием поэзии, И. Киреевский, ограничив свои наблюдения историей духовной деятельности представителей передовой части дворянства, упустил из виду историю просвещения, деятелями которой часто были выдающиеся разночинцы. «Напомним автору о том, что упустил он из виду, увлекшись

⁶ Там же, с. 689.

⁷ Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым, М., в Университетской типографии, 1830, ч. 31, № 2, с. 203—232. В дальнейшем: М. Т.

⁸ Там же, с. 205.

своим мечтательным делением»⁹. Далее следовало рассуждение о проблемах народного просвещения и образования: «У нас были давным-давно Академии и Университеты, а не было народных школ, и когда в высшем обществе нашем спорили о софистических задачах Руссо и Гельвеция, мужики наши не имели понятия о необходимейших житейских отношениях... Около конца осьмнадцатого столетия, не ближе (после издания Высочайшей грамоты дворянству), начал образовываться у нас класс средних между *барином* и *мужиком* существ, то есть людей, которые везде составляют истинную прочную основу государства»¹⁰. Это была любимая и, можно сказать, глубоко выстраданная мысль Н. и Кс. Полевых. «Из среды сего-то класса вышел Новиков, о котором г. Киреевский говорит с должным уважением, но не совсем справедливо»¹¹. Оценивая деятельность Новикова, Кс. Полевой как бы определяет, к какой ветви культуры принадлежит «Московский телеграф». Именно это самосознание различия важно Чернышевскому. «Подвиг его,— писал Кс. Полевой о Новикове,— ум и умение действовать незабвенны, и память достойного согражданина будет долго жить... Главную заслугу Новикова полагаем мы не в том, что он увеличил число читателей «Московских ведомостей» и издал несколько полезных книг, но в удивительном влиянии, какое имел он на окружавших его: он первый создал, отдельный от светского, круг образованных молодых людей среднего состояния, к которому принадлежал и Карамзин»¹². Свою деятельность Н. и Кс. Полевые осмысливали как общественное служение вослед Новикову.

Чернышевский рассматривал полемику между «Телеграфом» и «Литературной газетой» как спор между признанными авторитетами представителей дворянской культуры, сделавшими так много для русской литературы, но не желавшими уступить место новым историческим силам, разночинцам, которые пришли в литературу и журналистику, чтобы делом и талантом доказать свое право на почетное место в русской культуре. Ряд важных фактов и обстоятельств из этой полемики был известен Чернышевскому далеко не в полном объеме или не известен совсем, не были учтены им в полной мере условия идеологической борьбы, в которых действовала «Ли-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 206—207.

¹¹ Там же, с. 207.

¹² Там же.

тературная газета, но для уяснения позиции «Московского телеграфа» Чернышевский сделал очень много. Он не только впервые рассмотрел взгляды издателя «Московского телеграфа» последовательно и основательно, но и сделал их, как он сам выразился, «опорой собственных своих заключений» (II, 477). В этой связи Чернышевскому представлялось важным подчеркнуть мысль Н. Полевого о необходимости признания демократической литературы и демократического читателя, которая звучала в его статьях. Нельзя не отметить, что возможности для цитирования издателя «Московского телеграфа» были ограничены цензурными условиями середины 50-х годов, но в арсенале Чернышевского-критика было немало приемов, с помощью которых он обходил цензурные препон и привлекал внимание читателей к тому или иному эпизоду литературной и общественной жизни.

Заслугой «Московского телеграфа» Чернышевский считал выражение им «общественного мнения, которым только и поддерживается журнал» (II, 486), а также постоянство в оценках творчества Пушкина. Несмотря на явно несправедливые по отношению к Н. Полевому выступления, журнал продолжал рассматривать поэтические произведения его (Пушкина — Н. П.) с беспристрастием и отдавать полную справедливость их достоинства (II, 490). Пушкин «был душой, он составлял главную силу всей партии, враждовавшей против «Телеграфа» (II, 487), но журнал последовательно и достойно отдавал ему полную дань уважения. Внимательно рассматривая ход развернувшейся полемики, Чернышевский отмечает факты, не оправдывающие приверженцев Пушкина, сторонников и сотрудников «Литературной газеты», и подтверждающие «скромность, деликатность» «Московского телеграфа», его желание избежать ссоры. В силу цензурных условий 1855 года, которые не позволяли перепечатать многие материалы, помещенные в «Московском телеграфе» 1830-х и последующих годов, Чернышевский дает краткие характеристики мнений о Н. Полевом О. Сомова, Вл. Измайлова, П. А. Вяземского, неукоснительно указывая при этом, где они помещены. Указание номера и соответствующей страницы журнала было у Чернышевского своеобразным обходным приемом «скрытого цитирования». Каждый желающий мог обратиться непосредственно к указанным источникам. Именно на это и рассчитывал Чернышевский.

Чернышевский последовательно прослеживает материалы, характеризующие кастовую замкнутость, высокомерие врагов

Н. Полевого — О. Сомова, Вл. Измайлова, П. А. Вяземского, и сочувственно выделяет статьи Н. Полевого, в которых тот с достоинством образованного демократа-труженика дает им отповедь, защищая интересы демократической части общества. На резкие противоречия между дворянством и третьим сословием Чернышевский указывает с помощью ссылки на журнальные обозрения, помещаемые в «Северных цветах». Так, в упомянутом Чернышевским «Обзоре российской словесности за 1827 год» О. Сомов отозвался о «Московском телеграфе» не только «очень холодно», но и подчеркнуто скупю; не только двусмысленно писал о его «разнообразии», пожелав журналу «лучше обработанного слога и поболее умеренности в суждениях»¹³, но и поместил в довершение «Московский телеграф» в перечне современных журналов под № 16 между увядшим при Каченовском «Вестником Европы» и «Дамским журналом» Шаликова, делая попытку убедить читателя в незначительном весе «Московского телеграфа» в русской журналистике.

В «Обзоре российской словесности за 1828 год» для «Московского телеграфа» у О. Сомова места не нашлось совсем. В последующем «Обзоре российской словесности за первую половину 1829 года» бесспорным достоинством «Московского телеграфа» О. Сомов признает лишь библиографию, которая «весьма полна, о всех почти книгах, выходящих в России, сообщаются в ней скорые и удовлетворительные известия»¹⁴. О. Сомов вынужден признать, что этим «отделением издатель приобрел неотъемлемое право на благодарность читающей нашей публики»¹⁵. Однако стремление Н. Полевого поднять «умственную образованность» русских читателей неизменно раздражает О. Сомова. Еще с большей неприязнью, «запальчиво и оскорбительно» написана статья Вл. Измайлова «О новой журнальной критике» (II, 484). В ней недвусмысленно звучит желание одернуть Н. Полевого, напомнить, что нет у него «прав», «литературного титула», «заслуг и способностей, в республике наук признанных»¹⁶.

Ответ Н. Полевого и на этот раз, замечает Чернышевский, был тверд, но сдержан. Возражая против «табеля о рангах в критике»¹⁷, Н. Полевой не искал поводов разжигать поле-

¹³ Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827, с. 19.

¹⁴ Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829, с. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828, с. 251.

¹⁷ М. Т., 1829, ч. 25, № 1, с. 107.

мику, а «старался избежать ее» (II, 490). Среди враждебных Н. Полевому изданий Чернышевским чаще всего упоминается «Литературная газета», «беспощадно и очень неразборчиво разившая издателя «Телеграфа» (II, 484). Имелись в виду намеки на «кулеческую» предприимчивость Н. Полевого, которой противопоставлялась «чистота» целей сотрудников Дельвига: «Цель нашей газеты не деньги, а литература»¹⁸.

Поставив вопрос, в чем же «надобно искать причин» полемики «Телеграфа» и «Литературной газеты», Чернышевский выдвигает важное положение: «Обыкновенно во всем обвиняют издателя «Телеграфа», совершенно оправдывая приверженцев Пушкина, тем более самого Пушкина. Факты не подтверждают такого приговора, составленного исключительно на основании авторитета самого Пушкина» (II, 482).

Пушкина и сам Чернышевский ставит выше тех резких выпадов «Литературной газеты» против «Телеграфа», в которых были заметны сословные предрассудки. На борьбу с Полевым увлекли этого «великого противника благородные побуждения безграничной, бескорыстной преданности друзьям» (II, 485). Вместе с тем, отделяя Пушкина от его литературного окружения (что делал и Белинский в рецензиях на пушкинский «Современник»), Чернышевский за внешними поводами литературных столкновений, а иногда и авторских самолюбий, всегда видит социальные истоки наблюдаемого явления.

Чтобы подтвердить свою мысль фактами, Чернышевский и обращается к указанию тех страниц «Телеграфа», цитация из которых по цензурным условиям была невозможна. Речь шла о рецензии Н. Полевого «Новые альманахи»¹⁹, в которой содержалось исполненное замечательной энергии и силы обвинение литераторам-дворянам, с предубеждением и высокомерием отнесшихся к его деятельности. «Мы, чтобы не увеличивать число цитат, ограничимся одною ссылкой на «Московский телеграф» (1830 года) часть 31, стр. 79», — писал Чернышевский (II, 482). На указанной им странице содержалось начало публицистического ответа Н. Полевого П. А. Вяземскому. К 1855 году бывший вольнодумец стал автором стихотворения «Святая Русь», прославлявшего самодержавие, составителем записки о цензуре, в которой проводил мысль о том, что среднее сословие враждебно дворянской государст

¹⁸ Литературная газета, 1830, т. 2, № 56, с. 164. В дальнейшем Л. Г.

¹⁹ М. Т., 1830, ч. 31, № 1, с. 75—87.

венности, что во главе прессы должны стоять образованные дворяне. Чернышевский указывал читателю на документ, относящийся к сравнительно ранним годам деятельности П. А. Вяземского и все же рассказывающий о начале его эволюции в сторону реакции и охранительной идеологии. Ситуация идейного столкновения Н. Полевого и П. А. Вяземского, отстаивающего свои дворянские привилегии перед разночинцем и прикрывавшего свою сословную неприязнь словами об «аристократии дарований», имела особое значение в 1855 году.

«Кн. Вяземский, который в течение нескольких лет столь деятельно участвовал в «Телеграфе», позднее «весьма не благоволил к изданию «Телеграфа» (II, 485). Среди «памятников его вражды» к Н. Полевому Чернышевский упоминает «Письмо к А. И. Г-ой», из которого приведена «знаменитая фраза»: «с некоторого времени журналы наши так грязны, что читать их не иначе можно, как в перчатках» (II, 485)²⁰. Названы им также и «статьи, помещенные в «Литературной газете», но заглавия их — «О духе партий: о литературной аристократии»²¹ — Чернышевский не приводил, видимо, потому, что тема, которой он прямо не мог касаться (оппозиция среднего сословия и дворянства), была в них обозначена с особой резкостью. П. А. Вяземский объявлял Н. Полевого бездарным завистником, писал о разнице образования, полученного на медные гроши или на ассигнации, заявлял о ничтожности исторического сочинения Н. Полевого, «писанного в конторе «Телеграфа», упрекал за подписку «на книги, еще не написанные»²², и т. д. Здесь полностью проявился тот неуважительный тон полемики, который Пушкин, при всех принципиальных его несогласиях с Н. Полевым, осуждал в том же 1830 году во второй статье об «Истории русского народа»²³.

В указанном Чернышевским выступлении Н. Полевой открыто пошел против своих врагов. Замечательно, что писал он от имени демократической, разночинческой части образованного общества. Н. Полевой сказал об О. Сомове все, что думал: «Его обозрение литературы прошлого года есть полное собрание мнений устарелых, характеристик неверных и

²⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1827—1851, т. II, с. 142; М. Т. 1830, ч. 31, № 1, с. 79.

²¹ Л. Г. 1830, т. I, № 23, с. 182—183.

²² Л. Г. 1830, т. I, № 31, с. 250—251.

²³ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М., 1956—1958, т. 7, с. 136—140.

мыслей самых обыкновенных»²⁴. Н. Полевой отнимает у своих противников их претензии на то, что они стоят выше полемики и борьбы мнений: «Всего забавнее, что и г-н Сомов и г-н Киреевский бранят полемику, а сами в то же время так бранятся, что только в некоторых полемических статьях «Галатей» и «Вестника Европы» можно найти этому примеры»²⁵. Наставления кн. Вяземского (а в обращении к Н. Полевому он постоянно придерживался менторского тона) издатель «Телеграфа» объявляет годными только «для 1-го класса уездного училища»²⁶. П. А. Вяземский искал обвинений, ставящих под сомнение не только литературную, но и нравственную репутацию Н. Полевого. В своем ответе Н. Полевой вооружился объективными критериями — в его пользу говорили содержательность и разнообразие материалов журнала, трудолюбие и талант издателя. «Журналистам грозят обзором их нравственности, хотят доказать, что они оскорбляют честь современного общества. Зачем же стало, м. г.? — пишите, обличайте; увольте только нас от оскорбительных и слишком феодальных общих выражений, которые в мирной республике науки и словесности не годятся. ...Пишите яснее; грозы вашей никто не пугается; но только позвольте вперед вам припомнить, что времена удивительно переходчивы; что теперь требуют, не знаменитости, а дела; что от блаженного 1820-го года, когда на коленях стояли перед авторитетами старой памяти, прошло десять лет, а в сии десять лет Россия шагала во всех отношениях, и политическом и литературном, и теперь в литературе многое разгадано, со многого сорвана маска; многим гораздо выгоднее теперь сидеть тихонько с листочком, выдернутым из старого лаврового венка, нежели шуметь и указывать знающим более их...»²⁷.

Упомянутый Чернышевским отрывок затрагивал больные места и в общественной ситуации 1855 года. Конечно, эпизод, на который он хотел обратить внимание читателя, — лишь часть полемики «Московского телеграфа» и «Литературной газеты», еще не изученной в полном объеме. Но он проливает свет на те страницы истории русских разночинцев, первооткрывателем которых явился Чернышевский, подойдя к этой полемике с той стороны, которой до него никто не касался.

²⁴ М. Т., 1830, ч. 31, № 1, с. 77.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 81.

СПОР ДОБРОЛЮБОВА И ЧЕРНЫШЕВСКОГО С ГЕРЦЕНОМ О РОБЕРТЕ ОУЭНЕ

В 60-е годы XIX в. между петербургским и лондонским революционными центрами существовали разногласия, обострившиеся в 1859—1861 годах — период назревания революционной ситуации в России. По каким вопросам шли споры, отчасти можно судить по статьям Добролюбова и Герцена о Роберте Оуэне, которые с этой точки зрения до настоящего времени не рассматривались.

Статья Добролюбова «Роберт Оуэн и его попытка общественных реформ» была опубликована в «Современнике» (1859, кн. I, отд. I) одновременно со статьей «Литературные мелочи прошлого года» (кн. I, отд. III и кн. IV, отд. III). Как известно, «Литературные мелочи...» вызвали резкие выступления Герцена и Огарева против «Современника» и его вождей, Чернышевского и Добролюбова. Спор шел о том, целесообразны ли попытки «образованного меньшинства» оказывать «словом» давление на «верхи», и может ли «слово» при сложившейся в России исторической ситуации играть какую-либо существенную роль в борьбе революционеров с самодержавием. Признавая за «словом» огромную силу, но считая невозможным использовать его в России для «громкого призыва к деятельности... широкой и самобытной»¹, приносящей пользу «делу», Чернышевский и Добролюбов разрабатывали, по-видимому, иную, чем Герцен, программу практической деятельности. Документов, подобных «Записке о тайном обществе» (1857) или «Идеалам» (1859), которые составлялись Герценом и Огаревым в Лондоне, Чернышевский и Добролюбов не оставили, но, пользуясь эзоповским языком, они в подцензурных статьях пропагандировали свои взгляды и выражали свою точку зрения по программным вопросам, вопреки всем цензурным рогаткам.

Статья Герцена «Роберт Оуэн» впервые опубликована в «Полярной Звезде» (1861 г., кн. VI). «Статья эта из лучших моих статей, — писал Герцен, — вещь смелая и, сколько кажется, удачная»². Хотя статья Герцена появилась на два года позже статьи Добролюбова, сопоставление статей приводит к

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М.—Л., 1962—1964.
² Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1954—1965, т. XI, с. 688;
 т. XXX, с. 87.

выводу, что Герцен в 1861 г., отстаивая свою программу, вступил в спор с основными положениями Добролюбова. По-видимому, вопросы, затронутые Добролюбовым, по-прежнему оставались предметом спора между Петербургом и Лондоном, что доказывается спорами Чернышевского с Герценом в 1861—62 гг. по тем же вопросам. Обе статьи содержат элементы полемики, Герцен прибегает с этой целью к диалогу с неким оппонентом, Добролюбов дает понять, что его суждения о Р. Оуэне находятся в «резком» противоречии со всем, что обыкновенно принимается за истину в нашем обществе». Говоря о «нашем обществе», Добролюбов, несомненно, имел в виду не официальную Россию, а революционные круги.

Обратимся к статьям Добролюбова и Герцена и сравним, как каждый из авторов оценивал систему общественного переустройства и практическую деятельность Р. Оуэна и какое это имело значение для вырабатываемой ими тактической программы.

О системе общественного переустройства

Добролюбов. Р. Оуэн — основатель «разумной системы» общественного устройства, которая поражает «смелостью и широтой воззрений». Он дал миру «маленькое понятие о том, что может совершить на пользу человеческих обществ»; то, что сделано, «ничего не значит в сравнении с тем, что замыслено им» для того, чтобы «произвести счастье на земле не только для настоящих, но и для будущих поколений». Из «Манифеста» Р. Оуэна «довольно ясно видно, какое значение, какие обширные размеры имеет эта система, на каких смелых и совершенно самостоятельных началах она основана»⁴. Что при этом имелось в виду, становится ясным из дальнейшего анализа Добролюбовым «разумной системы».

Герцен. Р. Оуэн представляет «исключительное явление». Появление таких людей доказывает «возможность человека развиться до разумного понимания», но этим не решается вопрос, «может ли это исключительное развитие сделаться общим?». «Р. Оуэн был прав перед разумом; выводы его были логичны и, еще больше, были практически оправданы», но «он «воображал, что достаточно людям указать на отжившую нелепость, чтобы люди освободились, — и ошибся».

³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т., т. 4, 1962, с. 47.

⁴ Там же, с. 34—37, 46—47.

«Это дело времени, когда-нибудь люди поймут». — «Я не знаю». — «Нельзя не думать, чтоб люди никогда не дошли до понимания собственных выгод!» — «Однако до сих пор было так». — Зато будущее их!» — «Как случится!»⁵.

О деятельности Р. Оуэна и ее результатах

Герцен. Р. Оуэн — «святой старик», «второй чудак, который скорбел о мытаре и жалел о падшем». Он был филантропом, не принятым и отвергнутым миром. Опыт общественного переустройства Р. Оуэна — «неосуществимая утопия», он «был сумасшедшим... потому что, зная очень хорошо, что живет в доме умалишенных и окружен больными, он шестьдесят лет говорил с ними, как со здоровыми». «Усилия Оуэна, его слова, его учение — все исчезло в болоте мешанства», а самого проповедника добра и справедливости «исподволь затащило в плом»⁶.

Добролюбов. «Наивны и даже безумны» были только первые попытки Р. Оуэна воздействовать на «сильных мира» и добиться таким путем, чтобы «лентяи и плуты не имели возможности обогащаться за счет чужого труда». Справедливо считая нелепыми условия жизни, созданные для массы тружеников, Р. Оуэн «сам был нелеп», воображая, что «освященные веками нелепости можно разрушить экспромтом» или полагаясь на «сильных мира». «Наивный упрямец никак не хотел убедиться, что подобное предприятие безумно и что вообще против интересов сильных мира идти никогда не следует, «потому сила»⁷. Не рассчитывать на «сильных мира» и не действовать «экспромтом» — тактика, которой придерживались Чернышевский и Добролюбов. Так, в романе «Пролог» в «Дневнике Левицкого за июнь 1857 г.» Чернышевский-Волгин убеждает начинающего свою общественную деятельность Добролюбова-Левицкого в том, что «безрассудно говорить что-либо серьезно» при существующем характере национального устройства, «писать не о мелочах» — все равно, что «бить в стену» и сознательно избрать «путь к погибели». «Безрассудство не гражданская доблесть. Она глупость», — таково убеждение Чернышевского-Волгина, склоняющего Добролюбова-Левицкого к иного рода деятельности, чтобы

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XI, с. 231, 232, 243.

⁶ Там же, с. 207, 216, 230, 242.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, с. 26.

подготовить «серьезное время», т. е. революцию в России (XIII, 243)⁸. Чернышевский и Добролюбов, как отсюда следует, намечали в 1857 году свою программу, что «делать».

Добролюбов сосредоточил внимание на новом периоде жизни и деятельности Р. Оуэна, когда тот после 1830 года «явился уже почти исключительно в союзе с работниками» и «принял личное участие в судьбе рабочего класса», он вел «неутомимую» пропаганду и встал во главе некоторых предприятий, в которых рабочее сословие вступило в борьбу с хозяевами». Добролюбов привел ряд фактов, доказывающих, что, обратившись к пропаганде среди рабочих, Р. Оуэн осуществил некоторую долю своих намерений и, что самое главное, вырабатывал «здравые» «истинные понятия» в сознании рабочих, чему Добролюбов придавал важное значение и с чем связывал «неизбежные изменения» в будущем⁹.

Эта сторона деятельности Р. Оуэна не интересовала Герцена и не обратила на себя его внимания. Р. Оуэн, писал Герцен, в конце своей жизни, как и в начале ее, оставался «апостолом между фабрикантами», «великим святым и оскорбленным», он ничего не достиг из того, что проповедовал, задолго до смерти Оуэна его начинания уже были отвергнуты, забыты и «трагическая тень его отступала все дальше и дальше»¹⁰.

Добролюбов заканчивал статью призывом продолжить дело, начатое Р. Оуэном, «мечтателем и романтиком», и тогда «дерзкая химера» — преобразовать целый мир на основе добра и справедливости — осуществится. Слова «мечтатель и романтик» в данном случае означали человека в высшей степени бескорыстного, готового отказаться от всех благ мира во имя идеала: «Овен мог обогатиться филантропией — и растратил свое состояние на бедных; мог сделаться другом и любимцем всех партий — и ожесточил их всех против себя; мог дойти до степеней известных — и вместо того потерял всякое уважение к себе в высшем обществе; мог получить в свою власть целый край, отказавшись от одной из основных своих идей — и не получил ничего, потому что прежде всего требовал гарантий для свободы этой самой идеи»¹¹.

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1939—1953. Здесь и далее том и страница этого издания указываются в тексте.

⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, с. 34, 42—43.

¹⁰ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XI, с. 210—211.

¹¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, с. 47.

К такого рода «мечтателям» относился и Добролюбов. С горькой иронией писал он о «благоразумных противниках», которые с «полным правом» могли назвать Р. Оуэна «близоруким мечтателем» за «претензии преобразовать мир по своим идеям, доказать, что все ошиблись, а он один нашел правду! Это уж такая дерзкая химера, которой благоразумные противники Оуэна даже в толк взять никак не могут. И благо им, что не могут!»¹².

В данном случае Добролюбов защищал от «некоего оппонента» не только Р. Оуэна, но и свои позиции, как бы исключительны и новы они ни были. Попытка Р. Оуэна воспитать «разумное сознание» в рабочих — эти «смелые и совершенно самостоятельные начала», видимо, интересовали Добролюбова. Можно думать, что он их учел, разрабатывая свою программу практической деятельности, так как писал, что не «нашел удобным сделать полное и подробное обозрение разумной системы», что «заставило бы пуститься в общие теоретические соображения», которые потребовали бы «долгих и подробных распространений, а отчасти и умолчаний», поскольку новые принципы расходятся с «истиной», принятой большинством участников движения¹³. Из этих слов следует, что Чернышевский и Добролюбов, в отличие от большинства участников подполья, выработали к 1859 г. новую тактику, что обострило разногласия.

О чем шел спор, можно судить по отношению Добролюбова и Герцена к воспитательной системе Р. Оуэна.

Герцен. Главной ошибкой Оуэна и причиной его неудач являлась попытка «водворить новый порядок воспитанием». «Ахиллова пята Оуэна... в том, что он хотел «воспитать людей в другой экономической быт», но это сделать невозможно: «разумное сознание и нравственная независимость вообще несовместны с государственным бытом»¹⁴.

Добролюбов солидаризировался с высказыванием Р. Оуэна: «Человек во всех своих действиях зависит от окружающих его обстоятельств. Полной, абсолютной свободы не существует и никогда не существовало... Изменение человеческого характера возможно, следовательно, только при перемене той общественной обстановки, в которой живет человек. Эта последняя перемена должна быть совершена по-

¹² Там же, с. 46—47.

¹³ Там же.

¹⁴ Герцен А. И. *Собр. соч.* в 30-ти т., т. XI, с. 220, 226, 244.

средством улучшения материального быта масс и посредством воспитания новых поколений на совершенно новых началах»¹⁵. Герцен этого не отрицал, но надежды выработать «разумное сознание» воспитанием казались ему наивными и не ведущими к цели¹⁶.

Чернышевский и Добролюбов считали, что воспитание «разумного сознания» в массах — одна из первоочередных задач, от решения которой зависит, будет ли революция стихийной или сознательной и принесет ли она народу победу. Эту точку зрения Добролюбов отстаивал в статье «Литературные мелочи...». «Молодые», «свежие», «живые» силы русского общества поняли глубже, чем «старшие», новые вопросы, писал Добролюбов. «Молодые» отзываются на требования жизни «делом», а не «фразой», «на первом плане всегда стоит у них человек и его прямое существенное благо». «Стремление людей новых, ставших гораздо ближе к жизни и к людям, естественно принимает характер более мягкий, осторожный, более шадящий, нежели бьющий. Не мудрено-разумеется, проскакать во всю конскую прыть по чистому полю: но ежели вам скажут, что на дороге в разных местах лежат и спят ваши братья, которых вы можете растоптать, то, конечно, вы поедете несколько осторожнее. Руководствуясь только принципом, требовавшим скорейшего прибытия к цели, можно бы, конечно, сказать: «А кто им велит спать на дороге? Сам виноваты, если будут растоптаны!» Но человек новых стремлений отвечает на такое замечание: «Разумеется, они глупы... Но что же делать, если они так глупы? Надо над ними остановиться, пробудить и вразумить их»¹⁷. Пробудить народ, научить его действовать сознательно — «гигантская задача» (III, 657), которую поставил перед революционерами Чернышевский. Этим вопросам он посвятил статью «Не начало ли перемены?» (1861), в которой развил «общие теоретические рассуждения в гипотетическом духе»: возможны ли улучшения общественной жизни в ближайшее время, если иметь в виду революционные преобразования.

Анализируя рассказы Н. Успенского о народе, Чернышевский дал понять, что народ темен, забит, не знает своих прав и не умеет защитить себя. Невежество и апатия не исключают «наклонности к другому порядку жизни, хотя бы он и не

¹⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, с. 20—21.

¹⁶ См.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XI, с. 220.

¹⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, с. 74.

был хорошенько известен», а недовольство и потребность изменить положение так велики, что стихийное выступление, или, по выражению Чернышевского, «взбрыкивание» даже «самой смирной лошади», возможно. Вопрос в том, принесет ли это народу пользу или вред.

С точки зрения Чернышевского, стихийное выступление народа нежелательно, оно напоминает сонного человека, который в своих действиях бывает похож на сумасшедшего, он плохо соображает, что делает, и вряд ли добьется желаемых результатов: если и стонит надоевшую муху, то она вскоре «опять садится на место, с которого слетела». Неосторожное обращение с сонным — опасная вещь, так как может привести к «переломанным оглоблям и усталости самой лошади».

Чернышевский выдвигал перед революционерами задачу — пробудить народ ото сна, научить его понимать «данное стечение обстоятельств» и уметь «соображать способы удовлетворения осознанных потребностей». Достигнуть этого можно просвещением народа: «без грамотности ничего хорошего быть не может,— писал Чернышевский,— как доказывают почти все приверженцы народных школ,— люди, пользующиеся полным нашим сочувствием» (VII, 887). Как и Добролюбов, Чернышевский дал понять, что речь идет о новой программе, за претворение которой в жизнь взялись люди «энергичного ума и характера», совсем недавно о них не было «ни слуху, ни духу», а теперь они выступили на первое место, так как «обстоятельства требовали людей иного характера, чем прежние деятели». В отличие от прежних, новые молодые люди «могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу» и «не ввязываются в дела, пока не стоит в них ввязываться» (VII, 855—889).

Известно, что Чернышевский высоко оценил опыт пропагандистской деятельности Р. Оуэна — «истинного реформатора», «мыслителя, действительно великого», у которого «были сподвижники и остаются продолжатели, достойные стоять с ним рядом и по гениальности и по благородству стремлений» (VII, 30). По мнению советского ученого, говоря о последователях Р. Оуэна, Чернышевский мог иметь в виду молодого Ф. Энгельса¹⁸. Пропагандистской деятельности Р. Оуэна среди рабочих Энгельс придавал важное значение, он писал: «Переход к коммунизму был поворотным пунктом в

¹⁸ См. Полевой Ю. З. Маркс и Чернышевский. — История СССР, 1978, № 5, с. 53.

жизни Оуэна. Пока он выступал просто как филантроп, он пожинал только богатство, одобрение, почет и славу... В результате неудачных опытов в Америке, в жертву которым он принес все свое состояние, Оуэн обратился прямо к рабочему классу, в среде которого он продолжал свою деятельность еще тридцать лет. Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна»¹⁹. Подобное суждение было высказано в 60-е годы Добролюбовым и Чернышевским.

«Фон всего революционного мышления 60-х годов, — как свидетельствует участник революционной организации Ишутина-Худякова П. Ф. Николаев, — ожидание крестьянской революции, которая произойдет «естественно, сама собой». «Все готово», «все сделано», остается только «бросить искры в готовый для горения материал». Ввиду «близкого радикального переворота» заниматься «мелочами», например, вопросами «общественного преподавания», «школы» — не важно». «И только один человек, — пишет П. Ф. Николаев, имея в виду Чернышевского, — составлял исключение из всей массы тогдашних деятелей, подвергая общественное направление скептическому анализу, в чем его великая общественная заслуга»²⁰.

П. Ф. Николаев также делит участников подполья 60-х годов на «большинство» — сторонников немедленных действий и противников «школы» — и «меньшинство» во главе с Чернышевским, вырабатывающим новую тактику.

В годы первой революционной ситуации Герцен был противником «школы» и поддерживал идею немедленного крестьянского восстания. В статье о Р. Оуэне он обосновал свои позиции теоретически. Герцен исходил из признания тождественности процессов развития природы и истории, придавая при этом решающее значение элементам случайности и стихийности. История, как и природа, писал Герцен, «слагается из бездны случайностей», «у них нет ни программы, ни заданной темы», сознательного начала ни в природе, ни в истории не существует. Социализм — такая же естественная потребность людей, как голод или жажда. Помочь достигнуть гармонический быт может каждый, «каждый может вставить

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 20, с. 274. См. также: Подмарков В. Г. Роберт Оуэн — гуманист и мыслитель. М., 1976, с. 94—100.

²⁰ Лит. наследство. М., 1977, т. 87, с. 411, 415, 417.

свой стих», быть «поэтом», «творцом» истории, но при непременном условии: надо выработать «реальное воззрение», понять «общий смысл того, что делается около нас».

Как в истории, так и в деятельности революционеров, Герцен, по выражению Чернышевского, допускал «идею произвола» (VII, 616).

На вопрос, который неоднократно задавали Герцену Чернышевский и Добролюбов, что надо «делать», Герцен в статье «Роберт Оуэн» отвечал «готовой карты истории нет, каждый должен искать, что «делать», а «возможностей, эпизодов, открытий масса». Цель может быть достигнута, если 1) не исходить из абстрактного понятия «прогресса» как «какого-то беспрерывно растущего... в бесконечность золотого тельца» (в пример Герцен привел Англию, которая, «несмотря на огромное развитие промышленности, капиталов, машин и усиленной производительности... делается все более голодной») и 2) учитывать сложившийся веками жизненный уклад той или иной страны. «Карта истории», по мнению Герцена, сложилась следующим образом: японцы и китайцы остановились в своем развитии, так как нашли «гармоническую форму» своего быта; Европа идет к мещанству; испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русские, возможно, достигнут «высшего состояния», «если не свернут на буржуазную дорогу». Зависит это «от нас с вами», надо действовать, а не сидеть сложа руки, но не забывая, что «переменить можно только узор ковра»²¹. Исходя из «реального воззрения», Герцен сосредоточил внимание на крестьянстве и крестьянской общине — веками сложившемся и, как казалось Герцену, устойчивом институте. «Работать» означало для Герцена — помочь России вступить на путь «общинного социализма», используя для этого, если окажется возможным «верхи», но больше Герцен рассчитывал на стихийное выступление масс и творческую активность революционеров. По словам В. И. Ленина, «демократ все же брал в нем верх»²². Революция в случае неудачи реформы — «символ веры», «практический артикул», «правило поведения» Герцена, начиная с 1857 года²³. Программные документы Герцена и Огарева — «Записка о тайном обществе» (1857) и в особенности «Идеалы» (1859) — наце-

²¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XI, с. 240, 245, 246, 249, 250, 253.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259.

²³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XVIII, с. 455—456, 469.

ливали на крестьянское восстание ²⁴. В августе 1861 г. в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» Герцен призывал крестьян подняться против помещиков. В «Полярной Звезде» (1861 г., кн. VI), где печаталась статья об Оуэне, помещены «Примечания Пушкина к истории Пугачевского бунта» и «Общие замечания». Как указал Н. Я. Эйдельман, публикация содержит некоторые странности: «Общие замечания» помещены внутри «Примечаний», слова «Весь черный народ был за Пугачева» выделены особо, а в «любопытном послесловии» приведены слова Пушкина как бы и от лица редакторов «Полярной Звезды»: «Ой да работка! Один всевышний да будет помощник! Однако работаю и работать буду до положения риз. Твори бог волю свою» ²⁵. Герцен готов поддержать народ в случае, если народ «бросится к топору» ²⁶. «Восстание неизбежно», я так и жду, что будет бунт», «нельзя без нового Пугачева» ²⁷, — неоднократно повторял Герцен, одновременно выступая против «просветительских иллюзий», считая, что русские вопросы нельзя решать «школой»: «как будто мы научили народ праву на землю, общинному владению», надо не столько учить народ, сколько «учиться у народа» ²⁸.

Чернышевский и Добролюбов стояли на иных идейных позициях и разрабатывали иную программу. Не естественные законы, как думал Герцен, а «материалистические условия быта играют едва ли не первую роль в жизни (III, 357) — таково основное положение материалистической философии истории, к которому пришел и которое отстаивал в эти годы Чернышевский. Социализм неизбежен не в силу естественных стремлений человека к «гармонической жизни», а как закономерный результат «развития производительных процессов» (IX, 424, 222). Для Добролюбова деятельность Оуэна важна и ценна прежде всего своей практической стороной, как реальное подтверждение возможности переустройства буржуазного общества в социалистическое представителями

²⁴ Рудницкая Е. Л. Огарев в русском освободительном движении. М., 1969, с. 157, 159, 164.

²⁵ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М., 1973, с. 254—256.

²⁶ См.: Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964, с. 122—123.

²⁷ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XXVII, кн. 1, с. 200. т. XIV, с. 27, 143.

²⁸ Там же, т. XVI, с. 28, 76.

самых трудящихся классов на основе развитого капитализма уровня производства.

«Народ еще только готовится вступить на историческое поприще», писал Чернышевский (VII, 666), готовится начать новые битвы за социализм, а успех «дела» будет зависеть от «силы распространяющегося просвещения» (IX, 833). Чернышевский обращал внимание на увеличивающееся с развитием капитализма число пролетариев и выражал уверенность в его окончательной, путем тяжелой борьбы достигнутой победе на том основании, что растет их сознание о своих силах и проясняется понятие о своих потребностях — мысль, которую подчеркнул В. И. Ленин²⁹.

Ту же мысль высказал Добролюбов в статье о Р. Оуэне: с ростом пролетариев развиваются его «истинные понятия о своем положении», они «наконец получают силу и достигнут цели».

Видимо, в силу этих убеждений Чернышевский и Добролюбов высоко оценили агитацию среди рабочих, начатую Р. Оуэном.

В отличие от Герцена, Добролюбов и Чернышевский не отделяли Россию от Запада. В экономическом движении Западной Европы, где действует «закон конкуренции» (IV, 744) «начинаем принимать участие и мы», — писал Чернышевский (IV, 341), и «это несомненно и несколько не прискорбно для нас», — отмечал Добролюбов³⁰. Капитализм породил страдания пролетариата, но Чернышевский не сомневался, что «эти страдания будут исцелены, что эта болезнь «не к смерти, а к здоровью... и врачевание этих страданий требует долгого времени и великих усилий» (IV, 341).

С этих научных позиций, сделав «громадный шаг вперед против Герцена»³¹, Чернышевский продолжил после Добролюбова полемику с Герценом. В статье «Апология сумасшедшего» (1861) он выступил против «мечты» Герцена об особом, отличном от Запада историческом пути России, чему могут будто бы помочь революционеры, если они не будут сидеть «сложая руки». Мечты эти появились «от отчаяния», Чернышевский «чужд их», он считает, что русскому народу надо «трудиться вместе с другими над приобретением новых благ». Для этого прежде всего нужно просвещение народа на уровне

²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 581.

³⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 5, 1962, с. 470.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

Запада. И хотя это дело «долгое и трудное», но оно будет выполнено, и тогда «историческое дело двинется и у нас вперёд вместе с авангардом» (VII, 617). «Действующее поколение нашего времени,— писал и Добролюбов,—... не возлагает на себя несбыточных надежд, не думает, что может по произволу переделать историю»³².

Герцен отрицал «прогресс» и ссылался при этом на «китайскую неподвижность». Чернышевский ответил Герцену: «это заблуждение», проистекающее от неправильного понимания законов человеческого развития. Китай, Индия, древнеперсидские цивилизации в прошлом дали многое для развития европейской цивилизации, что открывается по мере развития науки, а современный Китай испытывает влияние европейской культуры. Что касается обнищания масс в Англии — другой пример, который привел Герцен в доказательство отсутствия «прогресса», — то Чернышевский писал: во всей предыдущей истории «во многом был прогресс (в развитии науки, техники — Е. Г.), но в общей сложности жизнь не улучшилась, а ухудшилась, регресс первенствовал, но «с точки зрения процесса переработки нравственной и общественной жизни, которая, по существу, только еще началась, прогресс осуществляется и прежде всего в странах, охваченных «исторической жизнью» — в Голландии, Англии, Франции (IX, 884—897). В особенности в этом смысле Чернышевский выделил Англию, где «рабочий класс приобретает все большее влияние на ход дел»³³. «Рабочий класс,— говорил Чернышевский,— вносит в борьбу такую цельность и страстность, которая для большинства из нас просто непостижима: эта-то страстность и ускоряет поступательное движение нации»; политическую активность рабочих Чернышевский объяснял тем, что «им нечего терять в имущественном отношении»³⁴.

Возникает вопрос, не оказали ли эти теоретические позиции какого-либо влияния на программу практической деятельности, которую разрабатывали Чернышевский и Добролюбов? Приведем некоторые наблюдения, связанные с поставленным вопросом.

Критически относясь к идее «нового Пугачева», Чернышевский, рассуждая по прежнему правилу «в гипотетическом духе», в статье «Не начало ли перемены?» дал понять, что

³² Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 4, 1962, с. 75.

³³ Чернышевский Н. Г. Статьи, документы, воспоминания 1828—1928. М., с. 89.

³⁴ Там же, с. 89.

считает возможным в ближайшее время повторение исторических событий, подобных «эпохе одушевления русского народа в 1812 году». По воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева, в Петербурге к концу 1861 г. царило всеобщее ожидание чего-то крупного, даже в ближайшем будущем»³⁵. Текст прокламации «Барским крестьянам», как установила академик М. В. Нечкина, Чернышевский создал зимой 1861 г., до опубликования «Положений» 19 февраля³⁶. В. И. Ленин считал Чернышевского главой революционеров 1861 года³⁷. Чернышевский и Добролюбов в эти годы победу революции считали возможной только в случае успешного выступления ряда стран Европы³⁸, о чем Чернышевский ясно сказал в «Прологе», отвечая на вопрос, когда же придет «серьезное время»: «вероятнее всего во Франции подымется буря, и пойдет по остальной Европе, как было в 1848 году», на сей раз «надобно думать... захватит Петербург и Москву» (XIII, 244). «Революция невозможна без «самобытного воздействия народной жизни», — писал Добролюбов³⁹, но «с потерей внешней возможности для такой деятельности, мы умрем»⁴⁰. В 1860 году в Италии Добролюбов устанавливал контакты с революционной армией Гарибальди (в связи с чем, возможно, В. Обручев намекал Добролюбову в письме от 14 (26) июня 1860 г. на «первый роман», к которому страна собирается приступить⁴¹. В Петербурге среди простонародья ходили слухи, что победа наступит, когда в Россию «придет Гарибальди»⁴². Чернышевский и Добролюбов, как можно думать, рассчитывали в 1861 г. на всенародный подъем, «направленный искусной и сильной рукой революционеров» (VII, 882—883) и поддержанный извне революционными силами Европы.

³⁵ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. СПб., 1905, ч. 1, с. 188, 228.

³⁶ Нечкина М. В. Чернышевский в годы революционной ситуации (анализу источников темы). — Исторические записки, 1941, с. 10, 27—28.

³⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 179; См.: Новикова Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М., 1981, с. 4, 252—253.

³⁸ См.: Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975, с. 51, 56—57.

³⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 9, 1964, с. 408.

⁴⁰ Материалы для биографии Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах. М., 1890, т. 1, с. 525.

⁴¹ Заветы, 1913, № 2, с. 89.

⁴² Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. М., 1974, вып. 45, с. 34.

Стихийное крестьянское восстание, ожидаемое весной — летом 1863 г., на победу которого рассчитывали Герцен и Огарев, Чернышевский в 1862 г. считал необходимым «отвратить» (X, 92). Весной 1863 г. в романе «Что делать?» он предсказывал неудачу восстания и гибель революционеров (XI, 145). Эта мысль была повторена в ответах следственной комиссии 16 марта 1863 г.: «Я поручил Михайлову сказать Герцену, что из этого (агитации в пользу восстания — Е. Г.) не может выйти ничего хорошего, ни с какой точки зрения, что это повело бы только к несчастью самих агитаторов» (XIV, 726). План дальнейшей деятельности он считал возможным построить только исходя из *длительного* характера предстоящей борьбы. Чтобы подготовиться к «серьезному времени», которое «так или иначе придет», писал Чернышевский, надо «подавить честолюбие и юношеское нетерпение», — работать «ровно и постепенно», «без экзальтаций» (XIII, 54, 133, 140, 244). Этот план отстаивал Добролюбов в статье «Литературные мелочи...», где писал: «Молодое действующее поколение не умеет блеснуть и шуметь», оно пришло к выводу, что «надрывание себя» — лишь признак «нервного расстройства»; в отличие от прежних молодых людей, рассчитывающих на быструю победу, как некоторые шахматные игроки, которые «желают сделать своему противнику знаменитый трехходовый мат», нынешние молодые люди «хотят вести правильную, серьезную игру... и потому подвигаются понемножку, заранее обдумав план атаки... они также добьются своего шаха и мата, но их образ действий вернее, хотя вначале игра и не представляет ничего блестящего и поразительного»⁴³. Poleмизуя с противниками новой программы, Добролюбов призывал «оставить смелые рассуждения о бесполезности тихого шага» и помочь работе по «расчистке болота»⁴⁴. Рекомендуя И. И. Бордюгову «читать, читать и читать» пятый том Шлоесера, он писал ему в конце июля 1859 г.: «Это блаженство — читать его рассказ... Ни признака азарта, никакого фразерства... все спокойно, ровно, умеренно. Прочитаешь его и увидишь, что Н. Г. (Чернышевский — Е. Г.) вышел из его школы»⁴⁵. Осуществлялась ли эта программа? И как именно?

⁴³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4, 1962, с. 74—75.

⁴⁴ Там же, с. 337.

⁴⁵ Материалы для биографии... т. 1, М., 1890, с. 522. Подчеркнуто Добролюбовым. См.: Козлова М. Е., Плимак Е. Г. Явление чрезвычайно важное и любопытное (Об «Исторической библиотеке» Чернышевского). — История СССР, 1978, № 5, с. 72—88.

В наиболее зашифрованной части дневника Левицкого за июль — август 1857 г., когда он ведет переговоры в провинции на Волге с некой Мэри (Марией Дмитриевной), связанной с революционными кругами во Франции, и богатым русским Илатонцевым, который сочувствует движению и финансирует революционеров, есть следующая запись: «Толковали часа два... о деле... о какой-то глине и фарфоре... о мальчишке Андриюше, которого надо отправить в училище» (XIII, 327), Чернышевский и Добролюбов, по-видимому, предпринимали в 1857 г. шаги по организации «школ» с целью революционной пропаганды. Как вести дело по организации школ, артелей, рабочих ассоциаций, как использовать с этой целью легальные возможности, в частности, благотворительные общества, которые в России разрешалось открывать женщинам («женское дело»), как использовать легальные организации для прикрытия подпольной деятельности по созданию централизованной подпольной организации, в которую входили бы и «швей» — трудящиеся слои городского населения — Чернышевский в зашифрованном виде изложил в романе «Что делать?», где не личные вопросы, а «мастерская» составляла главную сторону истории самой Веры Павловны» (IX, 128) и должна была стать «лицею всевозможных знаний» (курсив наш — Е. Г.).

План, разработанный Чернышевским, вызвал напряженные споры и разделил участников подполья, по выражению Герцена, на два полухора⁴⁶: на «большинство» — сторонников подготовки крестьянского восстания в ближайшие годы, и «меньшинство», настаивавшее на необходимости прежде «расчистить болото» и «работать без экзальтации», т. е. преждевременных и неподготовленных выступлений, компрометирующих и губящих, по убеждению Чернышевского и Добролюбова, само «дело»: «От Гракхов до Бабефа, одна и та же история... и после, все она же... Этот жалкий 1848 год» (XIII, 218).

Существо споров по тактическим и организационным вопросам проанализировано Чернышевским в романе «Что делать?», о них идет речь в статьях Добролюбова и Герцена о

⁴⁶ В 1860 г. в статье «От редакции (предисловие к «Письму из провинции»)» Герцен писал: «Один полухор говорит, что вопрос об общинном владении решен всеми в русском смысле, а другой полухор уверяет, что он должен быть решен в английском смысле, и не сомневается в том, что он доказал несостоятельность общинного вопроса» — Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. т. XIV, с. 242.

Р. Оуэне. Особенно важны в связи с этим выступления Д. И. Писарева и А. И. Герцена, выразивших свое отношение к плану Чернышевского. В статье «Мыслящий пролетариат» Писарев отметил, что роман «Что делать?» только «внешнею формой» похож на другие семейно-бытовые романы⁴⁷. Главное его значение Писарев видел в «практическом» описании, как создавать «мастерские», о чем в романе сказано «очень ясно» и «подробно». «Специалист по части социальной ломки», Чернышевский создал план, в котором «самые лютые ретрограды не сумеют найти ничего мечтательного и утопического». От отдельных фактов «деятельного добра» в настоящем этот план ведет к «высшим теоретическим комбинациям» и является залогом успеха «дела» в будущем. Примерно в таких же выражениях оценивал Чернышевский деятельность Добролюбова: «Его суждения и намерения всегда были определены до конкретности, и при всей беспредельности своей теоретической программы, он все силы свои обращал на выполнение той части ее, которая могла быть осуществлена непосредственно, чтобы эта частная перемена служила средством для осуществления дальнейших замыслов» (X, 11). Полемизуя с Герценом, Писарев отметил: «Свистуны, нигилисты, мальчишки» создали «свой план» освобождения «миллионов трудящихся» и «не только в России»⁴⁸, что совпадает со словами Рахметова о «мастерских», как таком практическом начинании, которое благотворно для человечества» и «дела прогресса» (XI, 218).

В период первой революционной ситуации Герцен и Огарев плана Чернышевского не приняли. Они считали «ложным» направление деятельности Чернышевского и Добролюбова и обвиняли их в незнании русской жизни: «за городской чертой для них начинаются чужие края», они хотят «буржуазии» и «приписаны к научным фабрикам и схоластическим заводам». Эти «западные теории социализма» — «утопия», «схоластика», они не связаны с «фактами русской жизни» и потому могут существовать лишь на бумаге, последовательно западных теорий — «доктринеры», «книжники революции» и «народ не с ними»⁴⁹.

⁴⁷ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т. М., 1956, т. 4, с. 9. Ср. с отзывом П. А. Ровинского в кн.: Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979, с. 381—382.

⁴⁸ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 4, с. 14, 26.

⁴⁹ Герцен А. И. Собр. соч., 1958, т. XIV, с. 116—118; т. XVI, 1959, с. 29, 146, 161, 320; Огарев Н. П. Памяти художника.— Полярная звезда, 1859, кн. V.

После неудач движения 60-х гг., когда, как писал В. И. Ленин, начался мучительный, трудный переход Герцена от иллюзий «надклассового», буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»⁵⁰, когда он пришел к решению ликвидировать «лондонскую фирму», Герцен в 1867 г. признал, что «за семь лет до этого» прав был Чернышевский, разрабатывавший «теорию западного социализма», идеалы которой были «в совокупном труде, в устройстве мастерской». Эти «начала практического применения и исполнения» имели «историческое значение». В своей деятельности, писал Герцен, Чернышевский опирался на «городскую» среду, которая состояла «из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции» и пропагандировала «работничью артель». Герцен заявил о готовности идти «вместе с работничьей артелью» навстречу «той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»⁵¹.

В 1865 г. учениками и последователями Чернышевского Ишутиным и Худяковым была создана подпольная организация, которая действовала по разработанной Чернышевским программе⁵²: открывались школы, издавались популярные сочинения для народа, организовывались торговые и промышленные заведения, рабочие и сельскохозяйственные ассоциации, артели, легальные и полунелегальные организации — «Комитет грамотности», «Общество женского труда», «Общество взаимного вспомоществования». Под прикрытием грамотности, как доносил тайный агент III отделения, «проводятся идеи политические и социальные самого опасного характера», общество раскинуло свою деятельность по всей России, ставя себе целью «организовать обширный заговор», используя артели как «средство революционной пропаганды даже в рабочем классе»⁵³. По свидетельству участника движения Н. А. Вормса, «устраивая ассоциации, заводя школы, развивая народный ум и указывая ему надлежащие пути», члены

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257. См.: Нечкина М. В. Конспиративная тема в «Былом и думах». — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963, с. 275—298.

⁵¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. XIX, 1960, с. 193—195 (курсив наш. — Е. Г.).

⁵² О связи Чернышевского с революционной организацией Ишутина-Худякова см.: Гитлиц Е. А. Чернышевский и Вторая революционная организация Ишутина-Худякова (По материалам беллетристики Чернышевского).

⁵³ Лиг. наследство, 1957, т. 67, с. 690.

подпольной организации «работали тихо и незаметно, но бодро, верно и неуклонно идя к своей цели», и только некоторые из них «пошли ложным путем, играя в таинственные заговоры... и ставя на карту свое и иное дело?» При этом Вормс отметил, что он не в праве выдавать дело и говорить о том, как велись мастерские, ассоциации, бесплатные школы, какие допускались ошибки и вырабатывались новые воззрения и обозначались новые пути, поскольку эта тайна революционного подполья⁵⁴. Она остается нераскрытой до настоящего времени.

И Чернышевский и Добролюбов понимали, что предложенная ими новая программа не сразу будет понята. Но они были уверены в правильности избранного ими пути. Добролюбов в статье о Р. Оуэне выражал готовность отстаивать свои взгляды даже в том случае, если «он один нашел правду»; Чернышевский писал о Волгине: «Его время еще не пришло, они еще не понимают его мыслей.— Придет его время, тогда заговорят о нем... Он раньше всех понял, что нужно для пользы народа» (XIII, 90). Идеи Добролюбова, говорил Чернышевский, будут понимать и воспринимать через пятьдесят лет⁵⁵.

Но и в 60-е годы «совершенно новые начала», которые пропагандировали Чернышевский и Добролюбов, приобретали все больше последователей.

По свидетельству участника революционного движения 60—70-х гг. А. Тверитинова, в кругах революционной молодежи Герцена считали «социалистом-фантастом», Чернышевского — «социалистом-ученым», программа которого приобретала все больше последователей⁵⁶. Эkleктизм Герцена, — писал участник революционной организации Ишутина-Худякова П. Ф. Николаев, — непосредственно предшествовал научному мышлению Чернышевского. Изучение молодежью политической экономии — «новейшей из наук» — возвращало от эkleктизма к «истинным научным методам» и «служило переходом к Марксу, Лассалю и Н. Г. Чернышевскому»⁵⁷.

Программа, которую в споре с Герценом в 60-е годы отстаивали Чернышевский и Добролюбов, явилась в 70—80 го-

⁵⁴ Белый террор или выстрел 4 апреля 1866 года. Рассказ одного из сосланных под надзор полиции. Лейпциг, 1875 (Международная библиотека, т. XI, с. 6—7).

⁵⁵ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников, 1961, с. 327.

⁵⁶ См.: Тверитинов А. Воспоминания. СПб., 1906, с. 26.

⁵⁷ Лит. наследство. М., 1977, т. 87, с. 410.

ды XIX в. «основой и трамплином» для сближения их учеников и последователей с марксистским учением⁵⁸. Учителем русских революционеров, вступивших в 1870 г. в I Интернационал, К. Маркс считал Чернышевского, учение и труды которого доказывают, что Россия «начинает участвовать в общем движении нашего века»⁵⁹.

А. Ф. СЕДОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ НЕКОТОРЫХ МОТИВОВ «ЧТО ДЕЛАТЬ!» В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Интересующая нас проблема имеет свою историю в литературоведении¹.

То, что Достоевский полемизирует с Чернышевским — ясно уже первым исследователям этой проблемы. Однако само понимание характера этой полемики изменилось. От отождествления автора и героя «Записок из подполья» — к их размежеванию и далее к установлению сходства и отличия в позициях, от констатации полемичности «Записок из подполья» по отношению к роману Н. Г. Чернышевского — к пониманию этого обстоятельства, что бунт подпольного парадоксалиста направлен «против всевозможных просветительских и рационалистических систем, таков путь исследовательской мысли»². В. А. Туниманов констатирует: «Достоев-

⁵⁸ Марков И. Г. Материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе в Виллюйской библиотеке Чернышевского. — В кн.: Краеведческая библиотека и пропаганда якутской литературы. Якутск, 1974, с. 23.

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 428.

¹ Комарович В. Л. Мировая гармония Достоевского. Атеней, 1924; Ветринский В. Е. Н. Г. Чернышевский. Пг., 1923; Бельчиков Н. Ф. Чернышевский и Достоевский. Печать и революция, 1928, № 5; Дороватовская-Любимова В. С. Достоевский и шестидесятники. — В кн.: Достоевский. М., 1928; Пруцков Н. И. Идеи социализма в русской классической литературе. М., 1969; Назиров Р. Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья». — В кн.: «Достоевский и его время», 1971; Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854—1892. Л., 1980. Этот перечень можно было бы и продолжить. Можно было бы подключить сюда и А. Григорьева, и Н. Михайловского, и Н. Стрехова, и Д. Мережковского, для которых полемика Достоевского с Чернышевским в данной повести была очевидной, а также тех современных авторов, которые упоминают об этом (список бы получился очень солидным).

² Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854—1862. Л., 1980, с. 277.

ский с уникальной виртуозностью совмещал и объединял различные идеи и «словечки» в такую систему формул, правил и категорий, в которой, к примеру, теоретик и социалист Чернышевский оказывался своеобразным союзником доктринера и гонителя нигилистов Каткова, — в том смысле союзником, что аргументация подпольного бунтовщика поражала некую систему идей и формул, заимствованных из разных источников, но поданных как единое и цельное мировоззрение («стена») ³.

И наконец, от признания полемики Достоевского неоригинальной и неглубокой литературоведение пришло к определению этой полемики как не всегда оригинальной и глубокой (речь идет здесь прежде всего о советском литературоведении).

Попытаемся проследить, как происходит трансформация мотивов романа Чернышевского в структуре произведения Достоевского и определить ведущие закономерности этого процесса, т. е. интерпретировать данную проблему не столько в идеологическом (этот аспект достаточно разработан в нашем литературоведении), сколько в эстетическом плане.

Методологической основой анализа является известное положение М. М. Бахтина, что «Достоевский никогда не создавал своих образов идей из ничего, никогда не «выдумывал их», как не выдумывает художник и изображенных им людей, — он умел их услышать или угадать в наличной действительности. Поэтому для образов идей в романах Достоевского, как и для образов его героев, можно найти и указать определенные прототипы» ⁴.

Анализ наш сознательно выдержан в рамках жесткой иерархической системы — от очевидных существенных аналогий к очевидным менее существенным, далее к возможным аналогиям и наконец — к типологическим схождениям.

Пожалуй, самый значимый образ в ряду очевидных аналогий — образ хрустального дворца как олицетворение воплощенного идеала, светлого царства будущего, в котором нет места эксплуатации человека человеком, побеждено страдание и царит всеобщая гармония. В четвертом сне Веры Павловны Чернышевский изображает несколько подобных дворцов и при этом усматривает в качестве реального прототипа их в современности здание всемирной лондонской выставки: «Но это здание — что ж это, какой оно архитектуры?»

³ Там же, с. 280.

⁴ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского, М., 1972, с. 151.

Теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее, — дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло, чугун и стекло — только»⁵. Изображая другое подобное здание, автор романа «Что делать?» отмечает его белые алюминиевые колонны (280) — деталь, поразившая современников.

В «Записках из подполья» интерпретация будущего дается самим героем, и Достоевский сразу же начинает с примечания, в котором настойчиво акцентирует различие героя и автора: «Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени»⁶.

Сопоставим восприятие героя «Записок из подполья» с собственно авторским восприятием данного образа, проанализировав «Зимние заметки о летних впечатлениях», в которых нашел свое место и образ «кристального дворца» (5, 69). Правда, аналогии с романом Чернышевского здесь менее очевидны, нежели в «Записках из подполья». По видимости, это впечатление от самого здания выставки. Но впечатление это явно осложнено образами будущего из романа «Что делать?»: «Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы, — не конец ли тут? не это ли уж, и в самом деле, «едино стадо». Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занять окончательно? Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить» (V, 69—70). Цитата, конечно, не доказательство, однако доказательства в данном случае заключены в цитате. Попробуем их выявить. Три повтора «в самом деле» отнюдь не случайны. Это указание на наличие «чужого слова». Вот они, эти «чужие слова» — «достигнутый идеал», «конец», «едино стадо», «полная правда». Ощущению присутствия здесь «чужого слова» способствуют вопросительные интонации фразы, заключение в кавычки одного из понятий.

Является ли это «чужое слово» словом Чернышевского? И да, и нет. «Достоевский, как правило, одновременно полемизирует с широким комплексом идей, представляющим со-

⁵ Чернышевский И. Г. Что делать? — Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1938, с. II. В дальнейшем в скобках в тексте указывается страница этого тома.

⁶ Достоевский Ф. М. Записки из подполья. — Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1973, т. 5. В дальнейшем цитаты из произведений Достоевского даются по этому изданию с указаниями в скобках тома (римская цифра) и страницы (арабская).

бой теоретическое или доктринерски теоретическое целое»⁷. Эти «комплексы идей» могут не представлять теоретического целого, а писатель их может таковыми воспринимать. Так, в данном случае Достоевский выступает и против различных теорий буржуазного прогресса, и против Чернышевского, и против русского западничества. Возможны и иные адресаты полемики.

Определим круг понятий, которые связывает Достоевский со зданием лондонской выставки: «буржуазный порядок в высочайшей степени», «кристальный дворец», «страшная сила», «едино стадо», «исполинская мысль», «победа, торжество», «достигнутый идеал», «полная правда», «пророчество из Апокалипсиса», «что-то о Вавилоне», «факт», «Ваал», колоссальная декорация (созданная гордым могучим духом)» (V, 69—70). Вырисовывается двойственное отношение писателя к данному образу — символу: с одной стороны — «исполинская мысль», с другой — «не обоготворить Ваала». Вторая тенденция, пожалуй, доминирует.

Тут же появляется воображаемый оппонент (обычный прием Достоевского), и аргументы, и манера спора которого соотносятся с автором романа «Что делать?»: «К тому же голод и рабство не свой брат и лучше всего подскажут отрицание и зародят скептицизм. А сытые дилетанты, прогуливающиеся для своего удовольствия, конечно, могут создавать картины из Апокалипсиса...» (V, 70). В чем мы увидели сходство вышеприведенного отрывка с манерой Чернышевского? В соединении просторечия и научной терминологии («голод не свой брат» — «скептицизм»), в хлесткой социальной характеристике («сытые дилетанты»). Почему же мы сказали тогда «соотносятся», а не «указывают»? А потому что облик воображаемого оппонента не персонифицирован. Это демократ вообще, а не Чернышевский, лучше даже сказать — в том числе и Чернышевский.

В этих же «Зимних заметках о летних впечатлениях» возникает образ муравейника как символ будущего в представлении социалистов. Пока этот образ не соотносится Достоевским с хрустальным дворцом, хотя соседствует с ним... хоть как-нибудь составить общину и устроиться в одном муравейнике...» (5, 69).

Хрустальный дворец является на страницах «Записок из подполья» в различных ипостасях. Прежде всего — в том зна-

⁷ Туvinманов В. А. Творчество Достоевского 1854—1862, с. 273.

чеви, в котором он функционирует у Чернышевского — в значении символа будущего общества, построенного на новых экономических отношениях: «Тогда-то, — это все вы говорите, — настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математической точностью, так что в один миг исчезнут всевозможные вопросы, собственно потому, что на них получатся всевозможные ответы. Тогда выстроится хрустальный дворец. Тогда... Ну, одним словом, тогда прилетит птица Каган» (V, 113). Герой воспроизводит чужие голоса и оговаривает это, но воспроизводит их уже издевательски и, самое главное, уже персонифицирует их. Персонифицирующие намеки на Чернышевского — «хрустальный дворец», «новые экономические отношения», «математическая точность» (не исключено, что имеется в виду эпилог «Что делать?»). Тон полемики становится более вызывающим, а далее прямо глумливым.

Для героя «Записок из подполья» светлое царство будущего — это царство скуки и благоразумия, которое противно человеческой природе. В своем воображении герой среди этого царства благоразумия рисует джентльмена с ретроградной и насмешливой физиономией, который непременно пожелает разрушить математически высчитанное здание Идеала.

Значения данного образа-символа продолжают варьироваться на протяжении повествования: «Не потому ли, может быть, он (человек — А. С.) так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит, это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить создаваемое здание?» (V, 118). Теперь здание (тот же самый хрустальный дворец) помещается в конце человеческой истории, образ осмысливается в контексте временного процесса.

Следом за этим происходит своеобразная деканонизация данного образа, намеченная еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Вот муравьи совершенно другого вкуса. У них есть одно удивительное здание в этом же роде, навеки церушимое, — муравейник» (V, 118). Это и пространственное умаление идеала, и вызывающее упрощение его структуры, собственно говоря это идейно-нравственное разрушение идеала Чернышевского. Орудие этого разрушения — смеховое, скажем так, карнавальное начало.

Это не последнее слово героя по отношению к зданию будущего. Данный образ-символ реализует в повествовании

и значение регламентации человеческой сущности: «Страдание, например, в водевилях не допускается, я это знаю. В хрустальном дворце оно и немислимо: страдание есть сомнение, есть отрицание, а что за хрустальный дворец, в котором можно усумниться?» (V, 119). Poleмика в теоретическом плане перемежается опять-таки с карнавальной деканонизацией, с глумлением: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать» (V, 120). Предполагаемые действия героя суть действия карнавального глумления. И далее хрустальный дворец уподобляется... курятнику — аналогия, произведенная по тем же принципам, что и аналогия с муравейником.

При всем этом герой «влюблен в мечту о хрустальном здании, но невозможность достижения этого идеала приводит к самоуслаждению от топтания мечты»⁵: «Не смотрите на то, что я давеча сам хрустальное здание отверг, единственно по той причине, что его нельзя будет языком подразнить... Я, может быть, на то только и сердился, что такого здания, которому бы можно было и не выставлять языка, из всех ваших зданий до сих пор не находится» (5, 120). Шкловский несколько логизирует, на наш взгляд, и, следовательно, упрощает психологию героя Достоевского. Герой и влюблен в мечту о прекрасном здании будущего, и глумится над ним, и жаждет идеала, и ненавидит его. Такие противоречия невозможны с точки зрения формальной логики, но в жизни встречаются сплошь и рядом, а в литературе (особенно у Достоевского) это обычное явление. Поэтому нельзя принять следующую формулу Шкловского по поводу отношения Достоевского к идеалу светлого будущего («хрустальное здание») — «анализ отчаяния, а не отказ» (на этой же странице). Уж если дело в формуле, то — и анализ отчаяния, и отказ, а главное — утверждение необходимости поисков истинного идеала.

И наконец, еще одна сторона исследуемого образа-символа, в которой органически соединены несоединимые с точки зрения формальной логики мотивы: «Я не приму за венец желаний моих — капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и на всякий случай с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске. Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь луч-

⁵ Шкловский В. За и против. М., 1957, с. 163.

шее, и я за вами пойду» (5, 120). Герой Достоевского путает адреса: хрустальное здание Чернышевского и доходный дом буржуазной цивилизации не имеют ничего общего. Но это с нашей точки зрения. С точки зрения героя (и, как мы уже убедились ранее, автора) — это явления одного порядка.

В литературе по данной проблеме многократно исследовалась аналогия столкновения Лопухова с «неким осанистым» и столкновения героя «Записок из подполья» с представителем офицером. Весь интерес здесь не в явно намеченном сходстве, а в различии мотивировок.

Однако вначале о сходстве. И в том, и в другом случае герои защищают свое личное достоинство.

Чернышевский

«Какой человек был Лопухов? — Вот какой: шел он в оборванном мундире по Каменно-Островскому проспекту (с урока, по 50 коп. урок, верстах втрех за лицеем). Идет ему навстречу некто осанистый, моцион делает, да как осанистый, прямо на него, не сторонится; а у Лопухова было в то время правило: кроме женщины ни перед кем первый не сторонюсь; задела друг друга плечами; некто, сделав полуоборот, сказал; «что ты за свинья, скотина», готовясь продолжать назидание, а Лопухов сделал полный оборот к некоему, взял некоего в охапку и положил в канаву, очень осторожно, и стоит над ним, и говорит: ты не шевелись, а то дальше протащу, где грязь глубже» (143).

Достоевский

«Осадил меня там с первого же шагу один офицер. Я стоял у биллиарда и по неведению заслонял дорогу, а тому надо было пройти; он взял меня за плечи и молча, — не предупредив и не объяснившись, — переставил меня с того места, где я стоял, на другое, а сам прошел как будто и не заметив» (V, 128).

«Я не уступил ни вершка и прошел мимо совершенно на равной ноге! Он даже и не оглянулся и сделал вид, что не заметил; но он только вид сделал, я уверен в этом... я достиг цели, поддержал достоинство...» (V, 132).

Теперь о разнице. У Чернышевского эпизод весь в прошлом, рассказан автором, сконцентрирован на небольшом отрезке времени, поступок героя спонтанный, оскорбления реальные и столь реально возмездие. У Достоевского эпизод хотя и в недалеком прошлом, но переживается героем и рассказывается им как происшедший недавно, чуть ли не сейчас. Эпизод этот растянут во времени, поступку героя предшествуют мучительные раздумья и колебания. Конфликт сконцентрирован в душе героя — офицер так и не понял, что оказался участником поединка, тут мы не поверим герою, который явно находится в самоослепении.

Но это еще не вся разница. Эпизод у Чернышевского кончается так: «Проходили два мужика, заглянули, похвалили: проходил чиновник, заглянул, не похвалил, но сладко улыбнулся; проезжали экипажи, — из них не заглядывали; не было видно, что лежит в канаве; постоял Лопухов, опять взял некоего, не в охапку, а за руку, поднял, вывел на шоссе, и говорит: «Ах, милостивый государь, как это вы изволили оступиться? Не повредились, надеюсь? Позвольте вас обтереть?» Проходил мужик, стал помогать обтирать, проходили два мещанина, стали помогать обтирать, обтерли некоего и разошлись» (143). Что нового вносит это окончание? Во-первых, эпизод словно бы театрализуется. Появляются зрители, которые по-разному реагируют на происходящее. Раек (мужики) аплодирует, партер (чиновник) морщится, ложи (экипаж) не воспринимают. Во-вторых, Лопухов, (совместно с народом) оказывается способным на сопереживание, он относится к пострадавшему как человек к человеку, завершая тем самым своеобразный урок своей жертве и... читателям романа. Для них поступок Лопухова — типовая модель поведения, своеобразная иллюстрация к тезису — защищая свое достоинство. Существенно и то, что эпизод этот дублирован историей с Кирсановым и дамой, которая отказывалась заплатить ему за работу. По форме это неудачная защита своего достоинства (Кирсанов денег так и не получил), но по сути, морально он победил, взял противника за горло (и в прямом и в переносном смысле).

Ничего этого у Достоевского нет. Герой его испытывает лишь нравственные страдания (правда, субъективно ощущает он их гораздо острее, нежели герой Чернышевского). И весь эпизод защиты собственного достоинства героем «Золоток из подполья» локализован в его сознании.

Каков смысл этой аналогии? Почему Достоевский столь

явно воспроизводит в памяти читателей данный эпизод из романа «Что делать?». Чтобы ответить на этот вопрос, проведем еще одно сопоставление.

Чернышевский

«Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватаящийся за него, так что оно не выскользнет из рук...» (144).

Достоевский

«Такой господин так и прет прямо к цели, как взбесившийся бык, наклонив вниз рога, и только разве стена его останавливает» (5, 103).

Отрывок из романа «Что делать?» — обобщение не поступков Лопухова и Кирсанова, прославление «людей этого типа», которые характеризуются «хладнокровной практичностью», «деятельной рассудительностью». Отрывок из «Записок из подполья» — предварительные размышления героя о природе человека, о мотивировках человеческих поступков — задолго до эпизода «поединка» с офицером.

Воспроизводя аналогичный эпизод в своей повести, Достоевский, на наш взгляд, пытался лишить эпизод романа «Что делать?» функции значимой модели поведения: писатель как бы говорил, что не все так просто и легко, как это представлялось героям Чернышевского, природа человеческой амбиции столь же психологическая, сколь и социальная.

Общим местом в литературе по данной проблеме является также аналогия взаимоотношений подпольного и Лизы — с одной стороны, и Кирсанова и Крюковой — с другой. В чем смысл аналогии? В пародировании? Противопоставлении? Да полно, а правомерна ли она? В уже упоминавшейся работе В. А. Туниманова впервые поставлен вопрос о правомерности подобной аналогии. Исследователь (с некоторыми оговорками, правда) подвергает сомнению продуктивность подобного сопоставления.

Мы склонны согласиться с В. А. Тунимановым. В тексте нет сигналов пародирования (и даже противопоставления) взаимоотношений героя «Записок из подполья» и Лизы и взаимоотношений Кирсанова и Крюковой. Это не значит, что там нет элементов пародии. Пародируется эпиграф; и пародируется, и опровергается. Вопрос о проституции широко об-

суждался тогда в прессе. Тематическое сходство в данном случае, видимо, не означает прямого взаимодействия. В. Шкловский пытался провести подобную аналогию, но сумел обнаружить лишь то, что и в том и в другом случае имели место две встречи героя и героини⁹.

Остаются возможные сопоставления.

Чернышевский

Достоевский

«Снится ей, что она заперта в сыром, темном подвале. И вдруг дверь растворилась...» (72).

«Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековую злость» (5, 104).

Налицо определенное сходство в идейно-нравственной интерпретации слов «подвал» и «подполье». Но и существенная разница: если у героя Достоевского «подполье» — его сознание, для Веры Павловны «подвал» — атмосфера стяжательства и моральной нечистоплотности, царящая в ее семье. Имело ли место влияние? Не исключено. Приблизительно аналогично будет выглядеть сопоставление интерпретаций героем «Записок из подполья» понятий «выгода» и «стена» с некоторыми мотивами романа «Что делать?».

Чернышевский

Достоевский

«Тогда злые увидят, что им нельзя быть злыми; и те злые, которые были людьми, станут добрыми: ведь они были злыми только потому, что им вредно быть добрыми, а ведь они знают, что добро лучше зла, они полюбят его, когда можно будет любить его без вреда» (125).

«И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно выгодного хотения?» (5, 118)

⁹ Там же, с. 161. Далее исследователь почему-то находит нужным повысить вдвое сумму гонорара, врученного подпольным Лизе (Там же, с. 162).

Кому возражает герой Достоевского? Многим, в том числе, видимо, и Чернышевскому. Poleмика здесь идет с целым комплексом идей (с Боклем, который назван, с Фурье, с Чернышевским и т. д.). Законы природы, на которые уповает в частности и Чернышевский, обуславливают победу «светлой красавицы» (в четвертом сне Веры Павловны): «Я заменяю всех, они исчезнут, я одна останусь царствовать над всем миром. Но они должны были царствовать прежде меня: без их царств не могло прийти мое» (273). Чернышевский славит закономерность, и его герои с радостью ей подчиняются и верят в ее торжество.

Герой Достоевского конкретизирует всеисилие закономерности в ярком и зримом образе: «Невозможность — значит каменная стена? Какая каменная стена? Ну, разумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика» (V, 105). В царстве закономерности человек неизбежно превращается в деталь какого-то громадного механизма, считает герой Достоевского: «...Если вправду найдут когда-нибудь формулу всех наших хотений... человек тотчас же, пожалуй, и перестанет хотеть, да еще, пожалуй, и наверно перестанет. Ну что за охота хотеть по табличке? Мало того: тотчас же обратится он из человека в органиный штифтик или вроде того...» (V, 114). Тут же полемика никак не персонифицирована, и адресована она самому широкому кругу мыслителей самого различного направления и Чернышевскому, и Каткову, и Писареву и пр.

Итак, трансформация мотивов романа Чернышевского «Что делать?» осуществляется в повести Достоевского с точки зрения героя, что позволяет писателю более свободно оперировать этими мотивами. Часто образы Чернышевского воспринимаются и воспроизводятся героем Достоевского в самых различных ипостасях, трансформация в этих случаях противоречива и многоакцентна. Достоевский иногда варьирует отдельные эпизоды сюжета «Что делать?», психологизируя и усложняя их, создает конкретные и зримые образы идей. Зачастую Достоевский полемизирует с целым рядом теорий и систем, и в этих случаях соотношения мотивов романа Чернышевского с мотивами «Записок из подполья» имеют гипотетический характер.

Один из героев романа Достоевского «Бесы» Степан Трофимович Верховенский читает «Что делать?» и писатель констатирует: «О, как мучила его эта книга! Он бросал ее

иногда в отчаянии и, вскочив с места, шагал по комнате почти в исступлении.

— Я согласен, что основная идея автора верна, — говорил он мне в лихорадке, — но ведь тем ужаснее! Та же наша идея, именно наша; мы первые насадили ее, возрастили, приготовили, — да и что бы они могли сказать сами нового после нас! Но, боже, как все это выражено, искажено, исковеркано! — восклицал он, стуча пальцами по книге» (10, 238). Думается, что именно эта горячая заинтересованность, странное слияние притяжения и неприятия определяют отношение Ф. М. Достоевского к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Во всех своих великих романах Достоевский так или иначе обращался к «Что делать?», продолжая диалог, который был начат «Записками из подполья».

Г. В. КРАСНОВ

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА, СОСТАВЛЕННАЯ ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Особое внимание Чернышевского к жизни и деятельности Н. А. Добролюбова известно: доверительное сотрудничество с молодым критиком в «Современнике», защита покойного Добролюбова в полемике с либеральной публицистикой, создание «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова», отражение личности Добролюбова в образе Левицкого из «Пролога», воспоминания о Добролюбове, написанные в сибирской ссылке, наконец, работа Чернышевского над биографией Добролюбова в 1888—1889 годы.

Возобновляя в 1886 г. свою работу над «Материалами...», Чернышевский колебался в выборе типа издания: или серия биографических очерков, рассказов «с выписками из писем Добролюбова» для журнала «Русская мысль», или публикация переписки «в цельном виде или в сокращении» с необходимыми комментариями, отдельной книгой (XV, 720). Чернышевский еще не знал, как сложатся его взаимоотношения с «Русской мыслью», направления которой он не разделял, и опасался, что редакция журнала будет оспаривать в той или иной форме его точку зрения. Но работа шла интенсивная, кропотливая и плодотворная.

Предварительно Чернышевский составил своего рода «летопись» жизни и деятельности Добролюбова, начиная с его отъезда из Нижнего Новгорода в Петербург в 1853 г. и кончая последним годом его жизни. Она зафиксирована на

12 листах, зашифрованных буквами АБ, ВГ, ДЕЖ, ЗИ, КЛ, МН, ОПР, СТ, У. Три листа не имеют такого шифра.

Летопись концентрирована по кругу знакомств Н. А. Добролюбова и родственных отношений. В центре анализа — поступление Добролюбова в педагогический институт, пребывание в нем и уклад семьи Добролюбовых на фоне нижегородского быта. Чернышевского интересует перелом в жизни Добролюбова, его разрыв с патриархальными привычками, верованиями, воспитанными духовной средой. Такое направление анализа диктовалось особенностями эпистолярного материала, бывшего в распоряжении Чернышевского. С другой стороны, Чернышевскому необходимо было показать, как складывался тип личности молодого критика, ее истоки.

Каждый лист «летописи» распадается на две половины. Левая — краткая цитация (чаще всего вольная) или аннотация переписки Добролюбова, фактическая часть. Правая — определение соответственно фактам мотивов деятельности Добролюбова, его поступков, перечень семейных событий, лиц из окружения Добролюбова. Это не обычная хроника жизни, внешних событий. Это скорее летопись поведения, человеческих отношений. Чернышевский в ответ на присылку материалов, касающихся Добролюбова, обещал А. Н. Пыпину, что он «будет перечитывать все сплошь и соотносить связь между фактами и намеками на факты...» (XV, 706). Эта задача была выполнена им в публикации «Переписки Н. А. Добролюбова с отцом и матерью» («Русская мысль», 1889, № 1 и 2) и в комментариях «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова, собранных в 1861—1862 годах» (М., Изд. К. Т. Солдатенкова, 1890, т. 1).

Летопись носит поисковый характер, она не предназначена для печати, в ней даны предварительные оценки, объяснения поступков Добролюбова, близких ему людей: «Советы отца не изнурять себя письмами», «религиозный образ мыслей Добролюбова», «склонность винить себя во всем», «печаль о матери до конца жизни» и т. п. Затем такого рода замечания будут уточнены и напечатаны как «примечания» в «Материалах...»¹. Многие вопросы, еще не уточненные в «летописи», впоследствии будут сняты.

Летопись опирается на широкий круг источников: пе-

¹ «Примечания» — один из важных жанров в трудах Чернышевского. Ср. его «Примечания» к «Основаниям политической экономии» Дж. Милля.

реписка Добролюбова, воспоминания о нем, собственные разыскания Н. Г. Чернышевского. Укажем на некоторые из них. Чернышевский сообщает адрес первой петербургской квартиры Добролюбова: Новая улица, д. 160. Именно о ней писал Н. А. Добролюбов Ф. В. и М. И. Благообразовым 26 сентября 1853 г.: «...если бы Вы жили, например, в Новой улице..., где я жил в Петербурге до поступления в институт, за Александра Невскую Лаврою...»². Этот факт биографам Добролюбова до сих пор оставался неизвестным.

Комментируя письмо Добролюбова к дяде, В. И. Добролюбову от 5 (17) декабря 1860 г. из Генуи по поводу своей возможной женитьбы за границей и своих семейных обязанностей по отношению к сестрам и братьям, Чернышевский замечает: «Любовь в «Страделле». Алессандро Страделла — известный итальянский певец, скрипач, композитор XVII в. Его опера «Сила отцовской любви» была как раз поставлена при его жизни в Генуе. Жизни итальянского композитора была посвящена и русская опера Ф. Флотова «Алессандро Страделла» (1844).

Замечание Чернышевского открывает совершенно новый круг музыкальных интересов Добролюбова, не известный исследователям. Летопись Чернышевского является ценнейшим источником для биографии Н. А. Добролюбова и ее автора.

Кроме того, «Материалы...» летопись жизни и деятельности Добролюбова стали в то время признанным достижением русской филологической науки. Ср. «Материалы для биографии А. С. Пушкина», собранные П. В. Анненковым. Не случайно Чернышевский намеревался после «Материалов...» «также выбрать и издать материалы для биографии Некрасова» (XV, 743).

Страницы овоеобразной «летописи» жизни и деятельности Добролюбова, составленной Чернышевским, публикуются по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (фонд Н. А. Добролюбова, ед. хр. 154). Первый лист опубликован нами в статье «Н. Г. Чернышевский как биограф Н. А. Добролюбова»⁴. В настоящей публикации он воспроизведен с уточнениями.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М.—Л., 1964, т. 9, с. 58.
³ См.: Золина Н., Леонтьев Н. Добролюбов в Петербурге. Л., 1971, с. 192.
⁴ См. в кн.: Чернышевский и его эпоха. М., 1979, с. 34.

Лист АБ

«Студент, с которым ехал (Д<обролюбов>), был Журавлев; он был послан в Ак<адемию> на казен<ный> счет.

Студент, посоветовавший поступить в п<едагогический> и <институт> был Ал<ександр> Ив<анович> Чистяков.

5 человек из приехавших в Ак<адемию> поступили в п<едагогический> и <институт>.

Мучился он, что поступил в Ак<адемию> по протекции.

Хозяйку звали Елена Васильевна. Письмо окт<ябрь> 1 <18>53). Уже есть следы недовольства институтским обедом⁷.

Много денег не нужно. 6 окт<ября> <18>53 <года>.

Отец находит, что и <институте> мало времени для занятий; он старается успокоить⁸.

В октябре <18>53 <года> уже ходил в нее.

Хочет просить товарищей собирать песни. Спрашивает о сборнике арзам<асских> пословиц Подсосова.

⁵ Вероятно, факультет, на который поступил он, назывался историко-филологическим (примеч. Н. Г. Чернышевского).

⁶ Тот ли, который писал заявление старосте <?> курса по поводу письма о сечении Давыдова? (примеч. Н. Г. Чернышевского).

⁷ Письмо от 11 июня <18>54 писано опять о ней (примеч. Н. Г. Чернышевского).

⁸ Но в след<ующем> письме согласился с ним: мало (примеч. Н. Г. Чернышевского).

Поездка в Пет<ербург> в 1853 <году>.

Педаг<огический> инст<итут>. Поступление в него⁵. Чистяков⁶.

Характер.

Квартира по приезде в Пет<ербург>. Эта квартира была в Новой улице, 160.

Деньги.

Занятия в инст<итуте>. Распределение дня в п<едагогическом> и <институте>.

Публ<ичная> библиотека.

Занятия русск<ой> прост<онародной> словесностью.

Болезнь Н<иколая> А<лександровича> 28 д<екабря> <18>53 <года>.

Похвала Срезневскому (декабрь 1 <18>53) и занятия его лекциями.

Похвалы Давыдову (9 я<нваря> <18>54).

«Вчера (8 янв<аря> <18>54) Нивочке и Анночке минуло, кажется, 1,3 лет».

«Прошу Нин<очку> и Ан<ночку> записывать сказки и песни няни» (9 я<нваря> <18>54 года).

«Накануне дня моего рождения 23 янв<аря> получил я», то есть, что такое 23 янв<аря> — канун или день рождения?

«Учился играть на фортепиано, но не умел играть легко».

Лист ВГ

«Александр Ив<анович> был членом консистории с 1842 года, был в 1853 году представлен к наперстному кресту⁹. Иеремия хотел определить в его (Никольскую)

⁹ В 1853 году был более сед, чем Филарет, имевший тогда 69 лет (примеч. Н. Г. Чернышевского).

Болезнь.

Срезневский. Характеристика Срезневско<го>.

Давыдов.

Лета сестерь и братьев. «Десятилетний» Володя (письмо 13 сент<ября> <18>58 <года>).

Песни, сказки. Просит Лавровского и других семейных товарищей собирать 2 окт<ября> <18>53 и 10 дек<абря> <18>53 года.

День рождения Н<иколая> А<лександровича>. «В самый день твоего рождения бог дал мне дочь Антонину. В<арвара> В<асильевна> 5 ф<евреля> <18>55 <года>».

Александр Иванович. Он колебался о вере в загробную жизнь. Смерть его. Тяжелый ли харак-

церковь другого священника; прихожане поддержали просьбу Ал<ександра> Ив<анови>ча не делать этого; Иеремия досадовал, но отказался от своего намерения.

Прутченко вступился тогда за Ал<ександра> Ив<анови>ча; Иеремия впоследствии стал выказывать расположение к Ал<ександру> И<ванович>у, но остался неприязнен к Пр<утчен>ко.

Орфография Ал<ександра> И<ванови>ча¹⁰ и характер его слога.

В<асилий> И<ванови>ч получил чин в конце <18>53 <года>.

Прием в педагог<ический> институт был тогда раз в два года.

От субботы до среды почта из Москвы в Нижний не ходила; вероятно, она ходила только два раза в неделю.

Письма получались на пятый, на шестой день; но могли доходить и на четвертый день (два дня езды на лошадях между Москвой и Ниж<им>, и один день из М<осквы> в П<етербург>.

тер имел он? — Вопрос по поводу слов Д<обролюбо>ва: «если бы меня не давили в детстве».

У Ал<ександра> Ив<анови>ча была лошадь. Прислуга была, няня и работница. Ал<ександр> И<ванович> скончался 6 авг<уста> <18>54 <года>, как упоминает Ф<авста> В<асильевна>¹¹ в письме 10 авг<уста> <18>55.

Василий Иванович¹². В <18>58 году ему было 28 лет, письмо его от 27 сент<ября> <18>58 <года>.

Педагог<ический> инст<итут>.

Почта в Нижний.

¹⁰ Отец Н. А. Добролюбова — А. И. Добролюбов.

¹¹ Ф. В. Благообразова — тетка Н. А. Добролюбова.

¹² В. И. Добролюбов, — дядя Н. А. Добролюбова.

Перешел из первого курса на второй четвертым, перешел бы и выше, если бы не новые языки.

«Могу Вам, папаша, обещать не более, как получение мною при окончании курса серебряной медали. Больше здесь не добьешься, хоть лоб разбей» (<18>53, 1 окт-<ября>»).

Лист ДЕЖ

«Я крепко занимался только первый месяц».

Егор Егорыч Эвениус и Лендеман вылечили Зин<аиду> Вас<ильевну>¹³ после родов Васеньки¹⁴.

В Н<ижегородских> Г<убернских> в<edomостях> «была статья о смерти З<инаиды> В<асильевны>¹⁵.

Р<адонежский> — сын рыбнииск<ого> протоиерея (испытавший подобн<ые> потери — принял жив<ое> участие в его печали о смерти матери.

Шеглов ободрял его пораженного отчаянием при известии о смерти матери.

16 апреля 40-й день смерти З<инаиды> В<асильевны>.

Уопехи в Пед<агогическом> инст-<итуте>.

Ход занятий.

Врачи, лечившие семейство.

Статья «нижегородских губ<ернских> в<edomостей> о смерти З<инаиды> В<асильевны>.

Радонежский.

Шеглов, Дм<итрий> Федорович.

День смерти З<инаиды> В<асильевны>.

¹³ Е. Е. Эвениус лечил архиерея (примеч. Н. Г. Чернышевского).

¹⁴ Э. В. Добролюбова — мать Н. А. Добролюбова.

¹⁵ Этот некролог в газете не появился. См. комментарий в кн.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 9, с. 535.

Именины Д<обролюбо>ва были
9 мая.

«С детства думал я посвятить
русс<кой> слов<есности> и в
школе, и на службе, и в обществе».

Сличение перевода Шершеневи-
ча с подлинником (в первом курсе),
успех работы.

Приписка.

У бабушки были неприятности с
З<инаидой> В<асильев>ной.

Архиерей хотел отдать Катю в
монастырь.

«Единственное близкое мне се-
мейство здесь — Галаховы¹⁸ (20
а<преля> <18>55 <года>).

Рудольф Павлович и Амалия
Богдановна.

«Даю много уроков» (8 ап-
р<еля> <18>56 года.

«Поблагодари от меня за Ваню
Марью Дмитриевну» — жену
М<ихаила> Ив<анови>ча²⁰ (10
а<вгуста> <18>56 <года>).

День именин Н<и-
колая> А<лексан-
дровича>.

Любовь к литера-
туре.

«Энеида».

Советы отца не
изнурять себя пись-
мами.

Бабушка¹⁶.

Катя¹⁷.

Галаховы.

Реннекампы.

Уроки¹⁹.

¹⁶ «Ты знаешь св<ою> бабушку; она и теперь ни во что не входит»
(В<арвара> В<асильевна> 15 мая <18>54 года) (примеч. Н. Г.
Чернышевского).

¹⁷ Она уехала в Симбирск во вторник, 11 числа янв<аря> 1855
<года> (примеч. Н. Г. Чернышевского).

¹⁸ Галахова звали Сергей Павлович. Имя Галаховой — Наталья Алек-
сеевна (примеч. Н. Г. Чернышевского).

¹⁹ Счет этих уроков (25 марта <18>56 <года>) (примеч. Н. Г.
Чернышевского).

²⁰ М. И. Благообразова.

Возвращаясь из Нижнего в 18>57 <году>, хотел жить в до-
Сергея Павловича Галахова в
Шестилавочной, пока не устроит-

Квартира в доме
Галахова.

Лист 3И

«Одно из преимуществ П<едаго-
гического> и<нститут>а над
<уховной> академ<ией> то,
в нем студенты не вольнодум-
цы, как в д<уховной> а<ка-
дем>ии.

Мнение о себе сравнительно с
товарищами.

Энергия в затруднит<ельных>
случаях. Любовь к близким.

Отец не отпустил в Каз<анский>
ун<иверситет> по недостатку
средств.

Поступление в п<едагогический>
и<нститут> не огорчило ли мать
так, что ускорила ее смерть. При-
миряться ли она с этим его ослу-
шанием?

«Не могу перечитывать писем
отца и матери» (умерших); это сли-
шком тяжело.

С февраля <18>55 <года> по-
лучаю от уроков по 30 р<ублей>
в месяц; это началось несколько
раньше, а прежде было на 8 р<уб-
лей> меньше.

В феврале <18>56 года послал
Ничочке 25 р<ублей>²².

Религиоз<ный>
образ мыслей Д<об-
ролюбо>ва.

Мнение о самом
себе. «Я деревян-
ный».

Характер²¹.

Желание ехать в
университет.

Склонность винить
себя во всем.

Любовь к отцу и
матери.

Уроки. Денежные
расчеты перед кани-
кулами.

Посылка денег се-
страм.

²¹ Речь идет о В. В. Колосовской — тетке Н. А. Добролюбова.
²² «Я деревянный». (Примеч. Н. Г. Чернышевского).

Досада на В<арвару> В<асильев>ну²³ за ее мнение, что он «гнушается» родными.

Почему не поехал он на эти каникулы. Каникулы <18>56 <года> он жил у Срез<невского>.

Просьба об увольнении из п<едагогического> и<нститута> (письмо к Кате 23 н<оября> <18>55 <года>).

«По-немецки знаю плохо» (апрель <18>56 <года>).

Со смерти матери не было у него радостных дней (16 мая <18>61 <года> Неаполь).

Очень нуждался в начале <18>55 г<ода> (20 а<вгуста> <18>55 <года>).

Буринский был почтмейстер.

Лист КЛ

«Как идет день в начале <18>56 <года>».

Надежда получить за литер<атурную> работу 150 р<ублей>.

Почему не поехал в Н<ижний> на каникулы <18>56 <года>.

Отношение к В<арваре> В<асильев>не.

Работы для Срез<невского>. Сличение списков Амартола.

Намерение выйти из п<едагогического> и<нститута>, чтобы скорее стать полезным для сестер.

Немецкий язык.

Печаль о матери до конца жизни.

Очень нуждался в начале <18>55 г<ода>.

Буринская С. И.

Дело по поводу юбилея Греча²⁴.

Как идет день. Дунечка²⁵.

«Собеседник».

Каникулы <18>56 <года>.

²³ В августе <18>56 года снова столько же (примеч. Н. Г. Чернышевского).

²⁴ Это «дело» изложено Добролюбовым в письме к М. И. Благодерову 18 июня 1855 г. из Петербурга.

²⁵ Авдотья Степановна, племянница Александра Дмитриевича Улыбышева? (Ф<авста> В<асильевна>, 5 мая <18>56 года (примеч. Н. Г. Чернышевского).

Послал 100 р<ублей> М<ихаилу> Ив<ановичу> (1 октября <18>56 <года>).

Вражда Давыдова (апрель <18>57 <года>).

Болезнь; покупка шубы в октябре <18>57 <года>. Уже несколько месяцев постоянно болен (апрель <18>58 <года>).

Письмо к М<ихаилу> И<вановичу> 4 апр<еля> <18>58 <года>, сен<тябрь>.

Известие об этом получил в Риме. Письмо из Неаполя 4 мая <18>61 <года>.

Екатерина Петровна умерла раньше марта <18>57 <года>.

По смерти Захарьевой Лизу взял к себе М<ихаил> И<ванович>, а по смерти его жены взяла Лизу Ант<онина> А<лександровна> 27.

Директор нижегородского дворянского института (?).

Ректор семинарии.

В ноябре (<18>53) в п<едагогическом> и<нституте> начинались репетиции.

Отдал Срезневскому пословицы (4 и<юбря> <18>53 <года>).

Подарок М<ихаилу> Ив<ановичу> чу.

Давыдов.

Простуда, покупка шубы.

Нина не плоха ли к братьям?

Смерть В<арвары> В<асильев>ны.

Смерть Захарьевой.

Лиза ²⁶.

Сперанский.

Антоний.

Курс ученья в п<едагогическом> и<нституте>.

Сборник пословиц ²⁸.

²⁶ Лизу Захарьева взяла еще при жизни Ал<ександра> Ив<ановича>. Письмо Н<иколая> А<лександровича> к Щеглову 25 июля <18>54 <года> (примеч. Н. Г. Чернышевского).

²⁷ А. А. Добролюбова (в замужестве Кострова).
²⁸ В этом сборнике было несколько сот пословиц. Кроме того, у Добролюбова было собрание провинциальных нижегородских слов, 400 (примеч. Н. Г. Чернышевского).

М<ихаилу> А<лексеви>чу²⁹ пишет (4 н<оября> <18>53 года): «не смейтесь над чувствами мамыши».

Насмешки М<ихаила> Ал<ексеви>ча. Едкое письмо к М<ихаилу> А<лексеви>чу. Осторожность, с какой подготавливали Н<иколая> А<лександрови>ча к извещению о смерти матери.

Пишет статью о иезуитах (январь <18>56); просит у М<ихаила> А<лексеви>ча указание источников: «Всегда мне хочется собрать все».

Статья о иезуитах. Характер литератур<ной> работы.

Лист МН

«От денег Николаева отказываюсь за себя и за братьев» (18 сент<ября> <18>51 <года>).

Отказ от денег в пользу сестер.

«На мне долгу в «Совр<ременник>е» около 4.000»; он уменьшится³⁰.

Долг «Современнику».

Ей платили пенсию; ныне она умерла: 7 июл<я> <18>57 <года>.

Ольга Афанасьевна.

«Я все расплачивался с долгами; но посылаю Анночке 20 р<ублей>. Думаю, что каждый месяц могу присылать по стольку». (30 н<оября> <18>57 <года>)³¹.

Деньги для Анночки.

²⁹ М. А. Костров.

³⁰ «По условиям, сообщенным от Ч<ернышевского> в этом (<18>61) году, долг будет покрыт и останется еще 2.000» (Рим, 17 апреля <18>61 <года>) (примеч. Н. Г. Чернышевского).

³¹ «Обещал и не посылал, посылаю теперь 100 р<ублей>». Письмо из С<тарой> Руссы 24 июля <18>58 года (примеч. Н. Г. Чернышевского).

В но<ябре> <18>57 <года>
он жил у Аничкова моста по Фон-
танке близ Екатер<ининского>
мист<итута> в доме Дебольцова.

Перед отъездом за границу полу-
чил известие о свадьбе Сонечки;
итак В<арвара> В<асильевна>
вышла замуж не позже 1860—17=
=1843 г.; у В<арвары> В<асилье-
е>вны были тогда еще дети: Ма-
шенька и Митроша.

Анючке могу послать (в прида-
нке) 500 р<ублей>, даже 1000; я
обещал ей по 20 р<ублей> в ме-
сяц и не посылал. (Письмо из Диеп-
па).

В последних числах авг<уста>
уюду из Диеппа. Из Флор<енции>
поехал в Вен<ецию>; «отсюда» —
из В<енеции> — поеду в начале
марта в Рим, оттуда — в Неаполь.

Я отвык от ваших обычаев.

Я рад, что вы переведены к Трои-
цк<ой> церкви. (Письмо 15 июня
<18>55 <года>) ³⁵.

Шемановский навестил родных
Д<обролюбо>ва в <18>55 г<о-
ду>.

Каникулы <18>55 <года>
полагал провести частью у Гал<а-
ковых>, но жил на даче Малоземо-
вых, готовя сына их в корпус, за
30 р<ублей>».

³² В письме 7 авг<уста> <18>57 <года> адрес: Итальянская, дом
Мюссарда (примеч. Н. Г. Чернышевского).

³³ Муж Сонечки был Николай Александрович (примеч. Н. Г.
Чернышевского).

³⁴ Л. И. Колосовский.

³⁵ Но в письме В<арвары> В<асильевны> от 9 апр<еля> 1856
<года> говорится о перевозке, устройстве жилища, продаже дома (примеч.
Н. Г. Чернышевского).

Квартиры ³².

Дочь В<арвары>
В<асильевны> Со-
нечка ³³, лета В<ар-
вары> В<асилье>
вны, другие дети В
<арвары> В<аси-
льевны>.

Деньги для Анюч-
ки.

Переезды за гра-
ницей.

Отвычка от поня-
тий родного круга.

Лука Иванович ³⁴.

Шемановский.

Галаховы.

Лист ОПР

«Могу ли поселиться у вас, если приеду на каникулы? Этот вопрос Л<уже> И<вановичу> и В<арваре> В<асильев> не не был сделан 16 февраля <18>56 <года>».

Работы для Срезн<евского> в каникулы <18>56 <года>.

Катя теперь (летом <18>56) на Серр<иевских> водах.

Кн. Трубецкая крестила у Вас<илия> Ив<ановича> (<18>56); она сама писала Н<иколаю> А<лександровичу> об этом.

«Мне помнится, что тебе уже 17 лет» (6 а<преля> <18>57 <года>); и так родилась в <18>40 году, как и Ниночка?

Она в детстве «была немножко в загоне», потому «выросла диконькая».

В <18>58 <году> желал поехать через год за границу (25 а<вгуста> <18>58 <года>).

Буду делать для них, что могу, но давать обещаний не хочу (25 а<вгуста> <18>58 <года>).

Живу с Некр<асовым> (25 а<вгуста> <18>58 <года>).

Я не мастер сердиться: товарищи говорят, «ты никогда не сердишься» (18 ф<евраля> <18>54 <года>) ³⁷.

Срезневский.

Катя.

Кн. Трубецкая ³⁶.

Анночка.

Мысли о поездке за границу.

Отношение к сестрам.

Квартира у Некрасова.

Характер.

³⁶ Пешурова и Софья Ал<ексеевна> приехали жить у Трубецкой 8 янв<аря> <18>54 <года>. (А<лександр> И<ванович> 11 янв<аря> <18>54 <года> (примеч. Н. Г. Чернышевского).

³⁷ Осмеяны (письмо к Щеглову 25 июля <18>54 <года> (примеч. Н. Г. Чернышевского).

Прежние религиозные убеждения рассеялись (3 а <вгуста> <18>56 <года>).

Встреча с отцом в <18>54 <году>.

Смерть отца. «Семеро сирот осталось на моих руках».

Объяснение с Турчаниновым; письмо к нему в Ловиче 26 апр <еля> <18>59 <года>.

Из оставшихся в инст<итуте> на каникулы <18>56 <года> к интим<ому> кругу друзей Д<обролюбо>ва принадлежали Шемаи<овский>, Львов, Буренин, Сциборский.

Поездка в Н<ижний> по окончании курса.

Тяжел<ый> случай в жизни Тер<езы> К<арловны> в <18>58 <году>.

Весна <18>58 <года>; образ жизни и болезнь.

Цензурн<ая> реакция в <18>59 <году>.

Любовь к Анне Сократовне³⁹.

Новые убеждения.

Приезд домой в <18>54 <году>³⁸.

Смерть отца.

Турчанинов.

Львов, Буренин, Сциборский близкие приятели.

Поездка в Н<ижний> в <18>57 <году>.

Тяжел<ый> случай в жизни Тер<езы> К<арловны> в <18>58 <году>.

Образ жизни и болезнь в <18>57—<18>58 гг. до поездки в Руссу.

Ценз<урная> реакция.

Анна Сократовна.

³⁸ Или завтра еду, числа 23 или 24 я буду уже дома. Приписка к письму 11 июня. Приехал 24-го, кажется. Первое письмо к Малинову 25 июля <18>54 <года> (примеч. Н. Г. Чернышевского).

³⁹ А. С. Васильева, позже в замужестве Малиновская.

Ход воспитания.

Как разобрали сирот по смерти Ал<ександра> Ив<ановича>.

«Если бы меня не давили в детстве».

«Если бы я женился за границей, то мог ли я устроиться с семьей толково? (Генуя, 5 д<екабря> <18>60 <года>).

В Париже (в октябре?) чувствовал себя здоровым.

Распоряжение А<вдотьи> Як<овлевны> о Володе и Ване (начало <18>61 <года>).

Хочу жить скромно (по возвращении в Ро<ссию> и т. д. (апр <ель> <18>61 <года>).

Думал, остался должен Ш<армер>у 150 р<ублей>.

Письмо ко всем семин<арским> товарищам через Лаврского 25 авг<уста> <18>53 <года>.

В п<едагогическом> и<нститу-те> хотел учиться рисовать, но не годился учитель. Выставка. (2 окт <ября> <18>53 <года>).

Сборник передан; советы Срезн <евского> (18 ф<еврاليا> <18>54 <года>).

Ход воспитания.

Как разбирали сирот по смерти А<лександра> Ив<ановича>.

Стеснение развития в детстве.

Любовь в «Страделле».

Ход последн<ей> болезни.

Авд<отья> Як<овлевна>⁴⁰.

План жизни.

Шармер.

Семинарск<ие> товарищи. Лаврский Валериан Викторович⁴¹.

Искусства.

Лаврский. Сборник слов.

⁴⁰ Л. Я. Панаева

⁴¹ В <18>56 <году> Лаврский был в Каз<анской> акад<емии> «Ваши верования тверды» (примеч. Н. Г. Чернышевского).

Разговор с Лаврским накануне смерти отца. «Мое желание вступить в жизнь исполнялось ужасным образом» (3 августа 1856 года).

«Мне мало детства, как Шиллеру богов Греции» (3 августа 1856 года).

Я доволен своей новой жизнью. «Вышел я на бой без заносчивости, но и без трусости, гордо и спокойно» (3 августа 1856 года).

Рассказ о поездке в Нижний в 1854 году.

Ване в сентябре 1854 года будет три года.

Письмо к Щеглову от 9 августа 1854 года.

Кажется, я должен буду расстаться с педагогическим институтом, буду уездным учителем; но быт устрою братьев и сестер лучше. «К счастью, я деревянный, иначе я бы непременно разбился» (9 августа 1854 года).

Лист V

«В начале мая (1859) думаю переехать на дачу вместе с Чернышевскими».

Оценка ее (письмо к Златовратскому) 9 июля 1857 года.

Разговор с Лаврским накануне смерти отца.

Сожаление о детстве.

Чувство по разрушении религиозных надежд.

Поезда в Нижний в 1854 году.

Ваня. Лета его.

Смерть отца⁴².

Анна Сократовна.

Институтская борьба.

⁴² «Хоронили отца 8 августа; я не пролил ни одной слезы, дьяконам хохотали, неся гроб» (примеч. Н. Г. Чернышевского).

«Быть может брошу литературу <ую> деятельность» — вероятно, тут много действовала тоска от несчастия <ого> случая в жизни Т <ерезы> К <арловны>. (Письмо к Злат <овратскому> 1 авг <уста> <18>58 <года>).

Пробыл в Мо <скве> 11—15 авг <уста> <18>58 <года>.

Книги уложены по поводу сборов к переезду (17 июня <18>59 <года>).

Письмо о нем Некрасову.

Письмо к Пешуровой из С <тарой> Руссы (8 июня).

Был болен, когда прочел о смерти Юленьки.

Сестры и братья редко видели бабушку прежде.

Около времени, когда кончилась тревога Ф <австы> В <асильевны> за М <ихаила> И <вановича> (осень или конец лета <18>55 <года>), Н <иколай> А <лександрович> получал 8 р <ублей> в месяц за уроки.

У меня неприятности в инст <иту>те > (6 ф <евраля> <18>55 <года>).

Золотуха у нас наследств <ен>ная > болезнь.

Письмо, начатое 20 апр <еля>, отправляется 25-го (1855 года) потому, что не было денег на конверт.

Тяжел <ое> расстройство души.

Поезда из Руссы в Москву.

Переезд с квартиры Некр <асова> на другую ⁴³.

Колбасин.

Обзор жизни.

Болезнь его, смерть Юленьки.

Бабушка ⁴⁴.

Уроки во второй половине <18>55 <года>.

Дело по поводу юбилея Греча.

Золотуха.

Недостаток денег в первые месяцы <18>55 <года>.

⁴³ Новая квартира: Моховая, дом Гутковой (16 авг <уста> 1859 года) (примеч. Н. Г. Чернышевского).

⁴⁴ К <атерина> А <лександровна> (6—10 я <нваря> <18>55 <года>): «Мы заходили к бабушке». Это другая бабушка, — вероятно, та, которую звали «слепа я б <абушка>» — вероятно, неродная б <абушка> (примеч. Н. Г. Чернышевского).

Небольшой остаток денег хранился у Гал<аховых>.

Сойду с ума (20 апр<еля> <18>55 <года>).

Она послала ему 15 <рублей> (его письмо 12 июня <18>55 <года>). Получил он в начале мая.

Обещание Федотия Симб<ирского> отправить Катю на Серг<иевские> воды (12 июня <18>55 <года>).

Каникулы <18>55 года жил на даче у начальника Отделения, давал уроки его сыну. Буринская — приятельница его жены.

Галахов ездил в Нижний летом <18>55 <года> ревизором.

М<ихаил> И<ванович> получил первый чин 27 авг<уста> <18>55 <года>; посылает М<ихаилу> И<вановичу> 100 р<ублей> (1 октября <18>56 <года>)⁴⁵. Это не деньги ли за статью о «Собеседнике?»

Галаховы!

Тяжелая печаль.

Пособие Ф<австы> В<асильев>-ны.

Катя. Серг<иевские> воды.

Каникулы <18>55 <года>.

Галахов.

М<ихаил> И<ванович> первый чин.

Лист без буквенного обозначения

«Она обиделась письмом от 7 авг<уста> <18>57 <года>. Попроси прощения у нее, Михаил Ив<анович>».

Посылает ей 25 р<ублей> (4 апр<еля> <18>58 <года>).

Обида Ф<австы> В<асильев>ны.

Марья Дмитриевна.

⁴⁵ Переписка прекращалась по досаде М<ихаила> И<вановича> на вмешательство в дело с <1 изб> на любовь. Свадьба М<ихаила> И<вановича> была 29 апр<еля> <18>56 <года>. (Анна А<лександровна>, 4 мая <18>56 <года>) (примеч. Н. Г. Чернышевского)

Отправьте его в Пет<ербург> с Павлом Федотычем Лебедевым или его с собою возьмет Черн<ышевск>ий.

Мать писала ему «Ник<олай> Алекс<андрович>».

День ее рождения — 26 сент<ября>? — (ее письмо 27 с<ентября> <18>53 <года>).

Имена и фамилии лиц, положение которых не мешало бы определить

Яков Иванович Пятов (А<лександр> И<ванович> 15 окт<ября> <18>53 <года>).

Платон Петрович. Александр Иванович прихожанин.

Ал. Ив. Щепотьев, откомандирован для разыскания разграбивших почту (З<инаида> В<асильевна> 6 ф<евраля> <18>54 <года>), его жена Анна Федоровна.

Шестаков, «поживает у нас» (А<лександр> И<ванович> 11 янв<аря> <18>54 <года>). Где же он жил? В нижних комнатах флигеля, а Д<обролюбо>вы занимали только верхний этаж?

Нянюшка Наталья О<сиповна>.

Генеральша Панова.

Василий Федорович, семинарск<ий> священник.

С. А. Гребенщиков, купец (А<лександр> И<ванович> 11 янв<аря>

Ваня. Павел Федотыч Лебедев.

Старосветские формы обращения.

Зинаида Вас<ильевна>.

<18>54 <года>).

Вас. Флег. Целованьев, купец, живет внизу церковного дома (А<лександр> И<ванович> 11 января <18>54 <года>).

Макарий.

Андрей Иванович — проф. (А<лександр> И<ванович> 16 янв<аря> <18>54 <года>, приписка М<ихаила> Ал<ексеевича>).

Леонид Иванович (там же).

Протоиерей А. Г. Драницын.

Световидов И. И., Макарьевский протоиерей.

Фонтенелев, соборн<ый> священник.

Священник Смыслов.

Протоиерей Георгиев<кой> ц<еркви> Грацианов.

Прот<оирей> П. Лебедев.

Васил. Ив. Сахаров, ярмочн<ый> священник.

Амбелонов.
Тихомиров.
Добротворский.
Эльидифор Алексеевич,
миссионер.

Милорадовский и Востоков, члены консист<ории> (А<лександр> И<ванович> 6 ф<евраля> <18> 54 <года>).

Следующий безымянный лист

«Она с сыном Дмитрием живут уже месяц в Мо<скве>, он поправляется (А<лександр> И<ванович> 6 ф<евраля> <18> 54 <года>).

А. М. Прутченко.

Сын Б. Е. Прутченко жил в доме Анненковой, когда бывал в Пет<ербурге> (А<лександр> И<ванович> 27 ф<евраля>).

Анненкова — родственница Прутченко?

Крестная мать Н<иколая> А<лександровича> (А<лександр> И<ванович> 8 мая).

Елена Васильевна.

Кто? Живут вместе с Елиз<аветой> Вас<ильевной>? (А<лександр> И<ванович> 8 мая).

Николай Петрович и Александр Петрович.

У нее были постояльцы? Ф<авста> В<асильевна> 17 н<оября> <18> 54 <года>.

Дом Ф<австы> В<асильевны>.

«Я была у Труб<ецких> и Наталья А. (Алексеевна?) хотела быть у меня. Анночку она не видела, она теперь выздоровела (кто? Анночка? ⁴⁶, но все еще не выходит из комнаты; поэтому Галахова хотела быть у них (у Анн<очки> и Варв<ары Вас>ильевны?) сама» (Ф<авста> В<асильевна> 5 н<оября> <18> 55 <года>.

Наталья Алексеевна — кто? Сестра кн. Тр<убецк>ой? Галахова? Да, Галахова (Ф<авста> В<асильевна> 16 янв<аря> <18> 57 <года> ⁴⁷.

⁴⁶ Да, как видно по письму Ант<онины> Ал<ександровны> того же числа (примеч. Н. Г. Чернышевского).

⁴⁷ Ф<авста> В<асильевна> 25 сен<тября> <18> 56: «Я была у Тр<убецк>их по приезде Натальи Алексеевны (из Петербурга). Она сказала, что звала тебя с собою» (в Нижней на каникулы) (примеч. Н. Г. Чернышевского).

Была у З<инаиды> Вас<ильевны>; после смерти З<инаиды> В<асильевны> ей было плохо; она умерла в новый год (Ф<авста> В<асильевна> 19 янв<аря> <18>56 <года>).

Еле бродит (Ф<авста> В<асильевна> 19 янв<аря> <18>56 <года>).

Ее имя Варв<ара> Ал<ександр<ов>на, а Александр Дмитр<ич> — его так? (Ф<авста> В<асильевна> 5 мая <18>56 года).

Его тесть был духовный», «не сделает ли архиерей им (семейству его умершего тестя) милости: есть еще дочь невеста». Подразумевается: не зачислит ли места за нею архиерей (Ф<авста> В<асильевна> 5 мая <18>56 <года>).

Ант<онина> Алекс<андровна> писала — г. е. и Мих<аил> Ив<анович> писал гусными перьями (Ант<онина> А<лександровна> 19 марта <18>57 <года>).

Был в Петербурге, виделся с Н<иколаем> Ал<ександровичем>. Бывая в Пет<ербурге>, он виделся с Галах<овыми>. (Ант<онина> А<лександровна> 12 апр<еля> <18>57 <года>).

В сентябре <18>61 <года> ему было десять лет (Ф<авста> В<асильевна> 15 сент<ября> <18>61 <года>).

Бабушка слепая.

Ольга Афанасьевна, не она ли «твоя крестная мать»; которая «почти таскает ноги» (Ант<онина> А<лександровна> 12 апр<еля> <18>57 <года>).

Улыбышевы.

Василий Иванович.

Перья.

Садоков. Чиновник? Знакомый Галаховых.

Ваня.

«Не знаю, которая из теток любит ли тебя больше» (В<арвара> В<асильевна> 15 мая <18>54 <года>). Итак, кроме была еще не одна?»

Тетки — были еще, кроме Ф<австы> В<асильевны> и В<арвары> В<асильевны>?»

Заключительный лист

«Спрашивал Ант<онину> Ал<ександровну> о здоровье и про чем Н<иколая> А<лександровича> (Ант<онина> Ал<ександровна>, 4 мая <18>56 <года>).

Бабкина А. Е.

Умерла (Ант<онина> Ал<ександровна>, 4 мая <18>56 <года>).

Переpletчикова
П. Ф.

«Ныне (8 янв<аря>) Ниночки с Анночкой рождение (К<атерина> А<лександровна> 6—10 я<нваря> <18>55 <года>).

Рождение Ант<онины> и Анны А<лександровны>.

Перезезды Н<иколая> А<лександровича> за границей

1 июня <1860> Берлин.

11/23 Лейпциг. «Я за границей уже почти целый месяц», «через неделю буду в Интерлакене и проживу там целый месяц».

7 июня (26 мая) Дрезден. «Послезавтра еду отсюда в Прагу, пробуду там дня три-четыре, возвращусь сюда и останусь здесь день или два». «Поэтому, если до 12 числа получите письмо, пришлите сюда в отель Stadt Petersburg против Frauenkirche. «По всей вероятности я отсюда поеду не ранее 14 или даже 16 числа».

4/16 <июля> Каз<анскому> Должно быть еще не был в Праге. Интерлакен?

В<асилию> И<вановичу> 30/12 <июля> До 20 июля (ст. ст.) пишете в Интерлакен, потом «хоть в Париж» (я буду там в половине авг<уста> по нов. ст.).

15/27 июля. «Письма присыл<айте> в Интерл<акен>».

КОМПЛЕКТ «СОВРЕМЕННОКА» У ЧЕРНЫШЕВСКОГО В АСТРАХАНИ

Комплект «Современника» за 1847—1863 годы был подарен Чернышевскому А. В. Михайловым, московским адвокатом, приятелем А. В. Захарьина, знакомым М. Н. Чернышевского (XV, 950). 24 августа 1888 года Николай Гаврилович особым письмом благодарил А. В. Михайлова: «...Подарок Ваш дает мне возможность приняться за работы, которые были бы совершенно невозможны без него; это будут труды по истории русской журналистики в годы моего участия в ней» (XV, 743).

Некоторое время журналы находились у М. Н. Чернышевского в Петербурге, и Николай Гаврилович писал сыну 2 октября 1888 года: «...пришли мне мои вырванные из «Современника» статьи»; он просил также выслать журнал за 1854 и 1855 годы (XV, 750). Михаил Николаевич выслал в Астрахань целый сундук с «Современником», и 17 октября Чернышевский уведомил сына: «Благодарю тебя за присылку «Современника» 1847—1865 и ключа к сундуку, в котором присланы эти книги. Ключ я получил нынче; сундук уж давно что-то...» (XV, 751). Позднее пришли вырезки из журнала. 11 ноября Н. Г. Чернышевский сообщал: «Два дня тому назад я получил посланный тобою сборник моих статей. Я уже начал перечитывать их» (XV, 756).

Полученные вырезки и сами журналы пошли у Чернышевского в работу, он намерен был со временем подготовить для издания «собрание своих статей» (XV, 752, 756). М. П. Краснов сообщает о замысле Николая Гавриловича: «...Он предложил мне переписать дома некоторые статьи из «Полемических красот», оставляя при переписке большие поля. Надеюсь получить разрешение на издание своих сочинений, он предполагал начать выпуск именно с «Полемических красот», но со своими примечаниями, для облегчения пользования ими»¹. К. М. Федоров пользовался комплектом «Современника» (хранившимся под замком в сундуке) для составления полного списка сочинений Чернышевского².

¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, т. 2, с. 285.

² ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, № 497. Благодарю М. И. Перлер, указавшую нам на это письмо.

Замыслу писателя не суждено было осуществиться: он слишком был занят в это время работой над «Материалами для биографии Н. А. Добролюбова», а для заработка нужно было продолжать перевод «Всеобщей истории» Вебера.

Но комплект «Современника» все-таки не лежал даром. Н. Г. Чернышевский охотно общался с интеллигентной молодежью, делал попытки руководить чтением молодых людей, о чем имеются сведения в воспоминаниях Г. М. Ларина, К. П. Протасова, И. К. Курдова и др.³ В ряд таких свидетельств особо следует поставить ценное сообщение К. М. Федорова в письме М. Н. Чернышевскому от 11 декабря 1889 года. Оказывается, одному из знакомых молодых людей Н. Г. Чернышевский регулярно давал на прочтение годовые комплекты «Современника». В письме этом о Николае Гавриловиче говорится: «...«Современник» он сначала никому не давал и только в конце прошлого года и в начале нынешнего давал читать некоему г. Воздвиженскому, учителю Астраханского реального училища. Кроме него, он, кажется, никому не давал. Воздвиженский же брал у него не по одной книжке, а прямо целыми годами»⁴.

Разумеется, представляет интерес личность человека, с которым Чернышевский общался, на которого влиял идейно, предоставляя для чтения запрещенный правительством журнал, основывавшийся на революционно-демократических убеждениях его руководителей.

Ерминий Васильевич Воздвиженский, окончив Казанский университет, с августа 1885 года был учителем русского языка и словесности в Астраханском реальном училище. Он являлся также секретарем педагогического совета и библиотекарем⁵. Важна и общественная деятельность Е. В. Воздвиженского: участвовал в работе Петровского общества исследователей Астраханского края и со временем был избран в состав его совета⁶. В Петровском обществе он, несомненно, общался с выступавшим там с докладами П. М. Никольским, высланным после каракозовского процесса в Астрахань под надзор полиции как участник «Земли и воли». П. М. Николь-

³ См. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 2, с. 276—277; Огонек, 1939, № 2, с. 7; Волга, 1971, № 10, с. 177.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, № 497.

⁵ Березин Т. Историческая записка об Астраханском реальном училище за 25 лет его существования (1877—1902). Казань, 1902, с. 53, 61.

⁶ Извлечение из отчета о состоянии Астраханского реального училища за 1881. Астрахань, 1892, с. 37.

ский относился к числу немногих особенно близких знакомых Н. Г. Чернышевского в Астрахани, запросто бывал в его доме⁷. Воздвиженский был также секретарем распорядительной комиссии народных чтений, которые проводились в праздничные дни в вечернее время в зале реального училища с 1886 года⁸. Дело это было тогда не простое — власти препятствовали работе молодых интеллигентов в народе, брали под надзор организаторов чтений и лекторов. Чернышевский же одобрительно относился к деятельности молодых учителей, пожертвовал книги и деньги для учрежденной ими народной библиотеки, которая помещалась в реальном училище⁹.

Можно думать, Воздвиженский был интересен Чернышевскому не только сам по себе, но и как человек, представлявший передовую общественность города. В то время, когда особенно ощущался гнет самодержавной реакции, молодым людям нелегко было познакомиться со взглядами революционеров-демократов 60-х годов. В Астраханской общественной библиотеке имелся комплект «Современника» лишь за 1855 год¹⁰, главные же общественно-политические труды Чернышевского публиковались в журнале позже. Да и небезопасно было спрашивать в библиотеке запрещенный правительством журнал.

Таким образом, приоткрывается еще одна малоизвестная сторона жизни Чернышевского в последние годы. Доверяя Воздвиженскому годовые комплекты «Современника», писатель, сохранивший до конца своих дней революционные убеждения, мог рассчитывать на то, что дух журнала будет в какой-то мере усвоен и другими молодыми учителями, вместе с которыми Воздвиженский устраивал чтения для народа. Можно сказать, что в данном случае Н. Г. Чернышевский действовал как пропагандист революционно-демократических идей.

Кроме того, этот эпизод из истории общественно-политической жизни свидетельствует, что журнал «Современник» не

⁷ См.: Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978, с. 192.

⁸ Краткий исторический очерк десятилетнего существования в Астрахани народных чтений. 1882—1892 гг. Астрахань, 1892, с. 5, 18.

⁹ Подробнее о народных чтениях и кружке учителей см.: Травушкин Н. С. Люди и книги русской революции. Краеведческие очерки. Литературное краеведение. Астрахань, 1971, вып. VIII, с. 13—16; Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки, с. 287—293.

¹⁰ Каталог Астраханской общественной библиотеки. Астрахань, 1891, с. 405.

потерял пропагандистского значения. Журнал хранили, передавали из рук в руки, обращались к заложенному в нем идейному наследию, которое воспринималось и в 80-е годы как нужное, актуальное.

Б. М. ТЕРЕХОВ

НИЖЕГОРОДСКИЕ ПОЧИТАТЕЛИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Скорбная весть о кончине в Саратове Чернышевского была получена в Нижнем Новгороде 18 октября 1889 года. И, хотя имя писателя произносилось с опаской, нижегородская прогрессивная интеллигенция живо откликнулась на это событие. Она не могла обойти молчанием смерть человека, с которым многие были лично знакомы, встречались, беседовали, переписывались, к которому приезжали в Петербург, Астрахань, Саратов. Да и сам Николай Гаврилович семь раз был на нижегородской земле.

Общественные деятели Нижнего Новгорода — секретарь статистического комитета, член ученой архивной комиссии, известный краевед Александр Серафимович Гацисский и член городской управы, доктор прав Александр Александрович Савельев — решили организовать собрание нижегородской интеллигенции, посвященное памяти Чернышевского¹. Вечером 18 октября на самой окраине города в маленьком особнячке Савельева под № 47 на Тихоновской улице² (теперь улице Ульянова) собравшиеся почтили ушедшего из жизни мыслителя, составили и подписали телеграмму на имя жены умершего: «Примите глубокую скорбь об утрате великого писателя и человека». Под телеграммой подписались 77 человек. В Саратов были отправлены также два венка на могилу. Вместе с тем собравшиеся решили ряд вопросов, связанных с проведением поминок, организацией фонда Чернышевского при Литературном фонде, сбором пожертвований на надгробный памятник в Саратове³.

Кто же были те люди, которые сочувствовали освобожденным идеям Чернышевского?

¹ Цесский и Ветринский В. Е. Помянки в Нижнем по Чернышевскому. — Нижегородский листок, 1911, 17 октября.

² Справочная книга по Нижегородской губернии на 1889 год.

³ Нижегородский листок, 1911, 17 октября.

Теперь список подписавших телеграмму полностью опубликован⁴. Но нам, горьковским краоведам, список был известен раньше. Его напечатал еще до революции В. Е. Чешихин-Ветринский в упомянутой выше статье. Однако между этими двумя списками есть расхождения. Чешихин-Ветринский совсем не упомянул четырех человек: Пругавина, Позерна, Попова и Пастухова, вместо двух однофамильцев О. Шмидт указал только одного и добавил фамилию Н. Н. Фрелиха.

В сборнике «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» (М., 1982) большая часть фамилий расшифрована. Это писатели В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевский, Н. Ф. Анненский; присяжные поверенные А. И. Лапин, С. С. Баршев, С. Ф. Богородский; врачи Д. А. Венский, П. К. Позерн, П. П. Кашенко; статисты губернской земской управы П. Н. Неводин, Н. Н. Дрягин и многие другие — родные, знакомые, сослуживцы Гадисского, Савельева, Анненского, Короленко. В книге остались не расшифрованными более 20 фамилий.

Сообщаем дополнительные сведения о некоторых из них.

1. Багрянский Леонид Васильевич — статист губернской земской управы⁵. 2. Богданович Ангел Иванович, публицист и критик, друг В. Г. Короленко⁶. 3. Елпатьевская Людмила Ивановна — жена врача и писателя С. Я. Елпатьевского⁷. 4. Зверев Дмитрий Иванович — статист губернской земской управы, писатель⁸. 5. Кисляков Михаил Михайлович — сотрудник статистического отдела губернского земства⁹; 6. Лазаревский Федор Иванович — статист губернской земской управы¹⁰. 7. Попов Владимир Александрович — статист губернской земской управы, писатель¹¹. 8. Плотников Михаил Александрович (1864—1903) — статист губернской земской управы, писатель¹². 9. Романов Николай Васильевич (1864—1916) — статист губернского земства, революционер, член

⁴ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников/Сост. Е. И. Покусаев и А. Л. Демченко. М., 1982, с. 457 и по указателю имен.

⁵ Чешихин-Ветринский В. Е. Люди Нижегородского Поволжья. Пг., 1915, с. 4.

⁶ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1954—1956, т. 10, с. 626.

⁷ Там же, с. 642.

⁸ Там же, с. 644.

⁹ Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Предисловие к экономической части. Нижний Новгород, 1916.

¹⁰ Чешихин-Ветринский В. Е. Люди Нижегородского Поволжья, с. 24.

¹¹ Там же, с. 35.

¹² Там же, с. 34.

РСДРП. 10. Сипович Ярослав Грацианович — статист губернской земской управы¹³. 11. Силантьев Иван Осипович (1865—?) — статист губернской земской управы, народник, поэт-самоучка¹⁴. 12. Сибирцев Николай Михайлович (1860—1900) — почвовед, ученик Докучаева, заведующий естественно-историческим музеем¹⁵. 13. Соколов Андрей Дмитриевич — статист губернской земской управы¹⁶. 14. Ширяева Елена Григорьевна — поднадзорная¹⁷.

Необходимы уточнения и к расшифрованным в сборнике «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» фамилиям: Елпатьевский Сергей Яковлевич — врач, Венский Дмитрий Александрович — доктор медицины, Савельев Александр Александрович — доктор прав, близкий знакомый В. Г. Короленко, Лошкарев Николай Александрович — зять В. Г. Короленко.

20 октября инициативная группа в составе А. А. Савельева, А. С. Гацисского, братьев В. Г. и И. Г. Короленко, Н. Ф. Анненского, П. К. Позерна, Н. М. Сибирцева, С. С. Баршева, А. А. Ольхина и П. П. Розанова снова провела совещание на квартире Елпатьевского в доме А. Я. Березиной на Б.-Покровской улице № 61 (теперь улице Свердлова)¹⁸. Было отмечено, что проведение поминок по Чернышевскому следует отложить до более благоприятного времени.

Спустя 20 дней нижегородцы организовали обед по случаю годовщины Казанского университета, и здесь был проведен сбор средств в фонд Чернышевского. Гацисский и Щербаков внести по 11 рублей, Богоявленский и Баженов по 5 рублей, Килевейн — 2 рубля, Позерн — 3 рубля и Анненский — 24 рубля. Среди пожертвователей находим фамилии, которых нет в телеграмме: учитель С. В. Щербаков, врач А. Я. Богоявленский и председатель Нижегородской губернской земской управы А. В. Баженов.

Вскоре последовал новый сбор средств в фонд Чернышевского. Гацисский внес еще 10 рублей, муж и жена Савельевы — 5 рублей, Овчинников — 2 рубля, Меморский — 20 рублей, Розанов — 3 рубля и Олигер — 15 рублей. В списке две

¹³ Там же, с. 40.

¹⁴ Горький А. М. Собр. соч., в 30-ти т., т. 30, с. 763.

¹⁵ Чешин-Ветринский В. Е. Люди Нижегородского Поволжья, с. 40.

¹⁶ Там же, с. 41.

¹⁷ Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 30, с. 795.

¹⁸ Нижегородский листок, 1911, 17 октября.

новые фамилии: писатель М. Овчинников и нотариус А. А. Одыгер.

Наконец 9 марта 1890 года были проведены поминки, на которых присутствовало около 1000 человек. В своей речи А. С. Гацисский, председательствовавший на поминках, принес извинения перед собравшимися в запоздалом проведении поминок по великому писателю. Он объяснил, что организовать поминки в октябре 1889 года над открытой могилой Николая Гавриловича не удалось. Возможно, на поминках выступили братья Короленко, А. В. Захарьян. Поступили и пожертвования от разных лиц в сумме 53 рубля 60 коп. и от В. Г. Короленко — 59 рублей. Эти деньги в сумме 200 рублей Гацисский переслал в Литературный фонд, а 38 рублей 60 коп. направил в Саратов на устройство надгробного памятника Чернышевскому.

Так нижегородская интеллигенция почтила память великого мыслителя и писателя-революционера.

И. А. ИВАНЧУК

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Исследователи научной деятельности Н. Г. Чернышевского определили огромный вклад его в развитие многих наук: философии, политической экономии, эстетики, литературоведения. Значительно менее изучено лингвистическое наследие великого критика¹.

Попытаемся представить основные аспекты языковедческой теории и научной методики, разработка которых Н. Г. Чернышевским явилась важным этапом развития русской лингвистической мысли.

Выдающиеся лингвистические способности Чернышевского широко известны. Изучив в детстве не только классические и западноевропейские, но и восточные языки, Чернышевский

¹ См.: Виноградов В. В. Взгляды Н. Г. Чернышевского по вопросам лексикологии. — В кн.: Виноградов В. В. История лингвистических учений. М., 1978; Василевская Е. А. Н. Г. Чернышевский и вопросы языкознания. — Научн. докл. высш. школы. Филологич. науки, 1978, № 4; Воронов Ю. С. В. И. Ленин и великие русские революционные демократы (Стилевые традиции). Саратов, 1979.

пронес через всю свою жизнь огромный интерес к живому слову, стремясь постигнуть законы его развития.

Среди произведений Н. Г. Чернышевского насчитывается только около двадцати самостоятельных лингвистических исследований, посвященных различным проблемам языкознания, но мысли о развитии языка, его истории, о связи истории языка с историей народа пронизывают все его творчество. Размышления о природе языка и его отношении к мышлению, экскурсы в историю языка встречаем почти во всех крупных работах Чернышевского, в том числе и в «Эстетических отношениях искусства к действительности» (1855), «Антропологическом принципе в философии» (1860).

Лингвистические интересы Чернышевского касаются прежде всего русской славистики, теории словарного дела, вопросов происхождения и развития национального русского и старославянского языков; перу Чернышевского принадлежат также серьезные работы по грамматике и словообразованию, рецензии на лингвистические издания, им разрабатываются вопросы методики преподавания русского языка.

Заканчивая курс обучения в Петербургском университете, Чернышевский занимается под руководством известного лингвиста И. И. Срезневского. В магистерской диссертации Чернышевский ставит новый в теоретическом и методологическом отношении эксперимент — составляет Словарь к Ипатьевскому списку древнерусской летописи².

Составление словаря к древнему тексту обнаруживает в авторе широкую эрудицию, тонкое чувство слова, большую начитанность в литературе древних эпох. Рукописи Чернышевского позволяют увидеть в студенте зрелого ученого-лингвиста. Заметки на полях и сноски — интереснейший образец формирования творческой мысли лексикографа. Чернышевский исследует все слова, встречающиеся в Ипатьевской летописи, за исключением служебных слов, частиц и собственных имен.

Толкования слов основаны на глубоких познаниях автора в области русского летописания. Интересно, например, толкование слова «Былинча». Отмечая, что слово «написано большою буквою», лексикограф высказывает предположение, что оно может быть собственным именем, подобным имени «како-

² Полный текст Словаря хранится в рукописи в Доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове. Ссылки на Словарь далее даются по тексту рукописи.

го-нибудь Черного Клобука», встречающемся в том же тексте. Однако, комментируя содержание контекста, в котором говорится о переговорах с половцами, Чернышевский допускает возможность сомнений в принадлежности слова к ряду собственных имен. Объективность, основанная на широкой начитанности в древних текстах, сочетается в его исследованиях с осторожностью и точностью квалификаций.

Построение словаря подчинено традиционному лексикографическому приему — корнесловному принципу расположения лексики. Показательно обширное словообразовательное гнездо слова «бить», «выбить», «убить», «избить», «побити», «поубити», «бой», «убиться», «побойще». В сопоставительной характеристике звеньев этого словообразовательного ряда проявляется внимание к исторической семантике слова. Так, по поводу соотношения глаголов «убить — избить» Чернышевский пишет: «избить» (обыкновенно — многих, а убить — одного), хотя бывает наоборот».

В процессе выявления семантической структуры слова Чернышевский уделяет внимание вопросам фразеологии (исследованию, например, подвергаются фразеологические единства типа: «бато́г божий» — (в знач. «наказание»).

Словарь Н. Г. Чернышевского полностью не закончен, в нем нет стройности и завершенности, но работа интересна в плане методологии: тщателен и кропотлив поиск значения слова, очень ценны опыты стилистической интерпретации исторического источника — попытка решения одной из самых сложных проблем лексикографии. После словаря, составленного Н. Х. Востоковым, это был первый словарь, представляющий лексическую систему древнерусского памятника. И. И. Срезневский так писал об этом труде Чернышевского: «Труд Чернышевского, знакомый уже читателям материал для словаря, печатаемый при известиях и теперь отдельно изданный в небольшом числе оттисков, заслуживает, без сомнения, признательности тех, которые знают, что только при помощи таких предварительных трудов может, наконец, осуществиться надежда на исторический словарь русского слова». В наши дни, когда большим коллективом Института русского языка АН СССР составляется русский исторический словарь и тем самым осуществляются замыслы филологов XIX в., единоличный опыт Н. Г. Чернышевского, собранные им материалы представляют особый интерес как отражение важного этапа в развитии исторической лексикографии.

К 1853—1855 гг. относится ряд исследований Н. Г. Чер-

Чернышевского по вопросам сравнительно-исторического языкознания и изучения русского языка.

Работая преподавателем словесности в Саратове и Петербурге, Чернышевский приступает к составлению учебного руководства по русской грамматике, стремясь освободить преподавание русского языка от догматизма и схоластики. Чернышевский дает исторический комментарий к своим урокам. Урок за уроком раскрывая перед учениками тайны родного языка, Чернышевский иллюстрирует их примерами из классической русской литературы.

В «Грамматике» Чернышевского искусно сплетены вопросы методики, риторики, педагогики и политики. Со страниц «Грамматики» звучат крылатые и поныне слова: «Хороша жизнь, но самое лучшее счастье не пожалеть, если надобно, и самой жизни своей для блага людей».

Широкое освещение в трудах Чернышевского находят вопросы истории языка, происхождения и развития языков, связанных с коренными вопросами идеологической борьбы со славянофильством («Национальная бестактность» (1861 г.), рецензия на книгу О. Водянского «О времени происхождения славянских письмен»).

Сложный вопрос поднимает Чернышевский в работах «О классификации людей по языку», «О различии между народами по национальному характеру». Чернышевский признает общие исторические закономерности образования языков, обусловленные историей развития общества, его народа. От вопросов развития национальных языков Чернышевский переходит к проблемам общественной борьбы. Он рассматривает смысловую сторону языка как отражение действительной жизни, решительно борется с идеалистическими принципами творчества, провозглашая единство языка и мышления. Так, напр., в работе «Национальная бестактность», анализируя язык львовской газеты «Слово», отделившейся от языка малороссов, Чернышевский пишет: «Наши малороссы уже выработали себе литературный язык, несравненно лучший; зачем отдаляться от них? разве он так далек от языка русинов, что им лужно писать другим наречием? Но если так, — уже не малороссы; вы, как и лужичане, — отдельное племя». Упорно, бескомпромиссно борется Чернышевский за

чистоту языка: — Зачем вы придумываете себе особенное ломаное наречие, отделяясь от общей малоросской литературы? Эти маленькие части больших народностей что-нибудь значат в чем бы то ни было — в литературе ли, в политической ли жизни — только тогда, когда держатся в одном целом с остальными частями своего народа»⁴.

В работах «О классификации людей по языку», «О различии между народами по национальному характеру» Чернышевский обращается к вопросам социолингвистики. Язык признается Чернышевским одним из наиболее важных проявлений национальной специфики народов и приравнивается по своей значимости к национальным формам гражданственности: «Язык составляет едва ли не самую существенную черту различий между народами... Каждый из народов Западной Европы имеет особый язык и особый национальный патриотизм»⁵.

Н. Г. Чернышевский подчеркивает первостепенное значение общественного сознания как показателя уровня развития народа: «Не в том главное дело, каковы формы языка, — пишет он, — а в том, каково умственное состояние народа, говорящего языком»⁶.

Смысловая сторона слова предстает у Чернышевского как отражение действительной жизни. Чернышевский последовательно борется с идеалистическим отождествлением языка и мышления. Глубоко проникает Чернышевский во взаимодействие языка и социального сознания, обращая внимание на идеологическую сущность содержательной стороны слова. Так, имея в виду статьи Бланка, известного своим лжепатриотизмом, Чернышевский пишет: «Как часто говорили об ожесточенной вражде и кровавых распрях и насильственных переворотах люди, всей целью жизни которых было всеобщее примирение, любовь и тишина! Слова еще ничего не значат, нужно знать, из каких стремлений возникают слова»⁷.

Чернышевский выступает против широко распространенного тогда, особенно под влиянием идеалистической концепции В. Гумбольдта, типологического противопоставления язы-

⁴ Там же, с. 786.

⁵ Чернышевский Н. Г. О различиях между народными по национальному характеру. — Там же, т. X, с. 890.

⁶ Чернышевский Н. Г. О классификации людей по языку. — Там же, с. 848.

⁷ Чернышевский Н. Г. Сочинения и письма Н. В. Гоголя. — Там же, т. IV, с. 629.

ков «высшего образования» языкам «низшего образования», которое явилось следствием реакционного учения о «высших» и «низших» расах.

Наблюдения, интересные для современной лингвистической науки, оставил Н. Г. Чернышевский и в области словопроизводства. Чернышевский вскрывает богатство словообразовательной структуры русского языка по сравнению со словообразовательными возможностями греческого, латинского и европейских языков.

Одним из преимуществ русского языка он называет богатство экспрессивных форм словопроизводства (уменьшительных и увеличительных имен) и многозначность экспрессивных суффиксов: «кроме значения уменьшения» уменьшительные от нарицательных имен имеют «еще значение привязанности или нежности»⁸.

Обращая внимание на глагол как основное средство выразительности языка, Чернышевский делает интересные выводы о разнообразии префиксальных образований, выражающих видовые различия и придающих «русскому глаголу такую живость и определенность оттенка в отношении к образу действия, какого не в состоянии выразить ни один язык из известных нам»⁹.

Глубокие познания в области языкознания дали возможность Чернышевскому объективно оценить труды многих современных ему лингвистов. Чернышевский известен как рецензент словарей, грамматик, учебных пособий по теории и истории языка: «Справочного энциклопедического словаря» под ред. А. Старчевского (1854 г.), «Высшего курса русской грамматики» В. Стоюнина (1855 г.), «Русской грамматики» И. Классовского, «Грамматики старославянского языка» П. Перевлесского и др.

Следует отметить особое внимание Н. Г. Чернышевского к языку литературы.

Очень существенны мысли критика о соотношении языковой формы и содержания.

Придавая первостепенное значение языку в художественном произведении, Н. Г. Чернышевский вместе с тем полемически выступает против апологетов языковой формы, подменяющих общественные цели и задачи литературы бес-

⁸ Чернышевский Н. Г. О словопроизводстве в русском языке.— Там же, т. 11, с. 815.

⁹ Там же, с. 816.

престанними заботами о красотах слога. Примерами такого пристрастия к «прекрасному языку», независимому от содержания, служат Чернышевскому французские писатели и прежде всего Жюль Жанен. «Сколько есть произведений, где содержание служит только либретто для музыки — слога»¹⁰, — с горечью пишет он.

Чернышевский последовательно выступает против слога, являющегося самоцелью, игрой красивых форм, проявлением вычурности и изысканности манеры писателя: «Забота о слове ведет к пустоте и ненатуральности содержания»¹¹. Однако гневные и страстные разоблачения Чернышевским забот о хорошем слогe не означают недооценки слога вообще. «Дурным слогом писать дурно, в этом не может быть никакого спора», — пишет критик, но ценность слога для него — не во внешних правилах расцветки речи изобразительными речевыми приемами, но в истинном, внутреннем, глубоком соответствии содержанию: «Слог дается вместе с поэтическим даром, с талантом рассказчика»¹².

Исходя из содержательной ценности слога, Чернышевский подходит к характеристике такой важной в литературно-общественной борьбе эпохи категории, как народность языка. Он обличает писателей, которые в погоне за успехом стремятся удивить читателя знанием «мужицкого языка»: «...Мужики у них заговорили так, что не употребляли ни одной фразы, которая имела бы смысл на обыкновенном русском языке», заменяя обыкновенные слова «заимствованными из «Словаря областных наречий»¹³.

Этой псевдонародности, погоне за диковинным своеобразием языка Н. Г. Чернышевский противопоставляет истинную народность, основанную на подлинной любви к народу, понимании и сочувствии его интересам. В качестве примера такой народности критик приводит произведения Григоровича: «Ново было то, что крестьянский быт описывался верно, без прикрас, что в описании был виден сильный талант и глубокое чувство, возвышающееся до самой патетической поэзии»¹⁴.

¹⁰ Чернышевский Н. Г. Правила русской словесности А. Дамского. — Там же, т. XVI, с. 173.

¹¹ Там же, с. 273.

¹² Там же, с. 273.

¹³ Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах августа. — Там же, т. III, с. 694.

¹⁴ Там же, с. 692.

Оценки языка отдельных русских писателей рассеяны во многих литературно-критических сочинениях. Эти отдельные тезисы и замечания, которые впоследствии станут общепризнанными положениями филологической науки: «Крылов должен быть считаем одним из предшественников Пушкина»¹⁵; «Язык Пушкина чрезвычайно много разнится от языка Жуковского и Карамзина. Наконец, Пушкин должен был бороться с приемами, которые были введены в привычку прежними стихотворцами, он должен был отбрасывать множество употребительных в тогдашнее время выражений, которые сами подвергались под перо и между тем уже не годились для его поэзии»¹⁶.

Перу Чернышевского принадлежат исследования языка и стиля многих писателей: Крылова, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Майкова, Толстого и др.

Особенно значителен вклад Чернышевского в изучение стиля Л. Толстого, специфику которого он афористически передал известной формулой: «метод диалектики души». С точки зрения своего понимания народности, Чернышевский оценивает мастерство воспроизведения Толстым крестьянской речи: «Он умеет переселиться в душу поселянина, — его мужик чрезвычайно верен своей натуре, в речах его мужика нет прикрас, нет риторики»¹⁷.

Интересные направления раскрывают работы Н. Г. Чернышевского по стилистике и теории перевода («Заметки о журналах» (1856 г.) «Капитал и труд» (1860 г.), «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1856 г.).

В своих литературно-критических статьях и рецензиях Чернышевский продолжал борьбу Белинского за содержательный, точный, реалистический стиль передовой русской литературы, в котором великий критик видел подлинный двигатель языкового прогресса.

Лингвистические труды Н. Г. Чернышевского оставили значительный вклад в истории русской языковедческой мысли. Они ценны для современных исследователей не только как свидетельство исторического этала развития науки. Разные аспекты языкознания: историческая лексикография и лекси-

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы, ст. 1.— Там же, т. IV, с. 18.

¹⁶ Чернышевский Н. Г. Сочинения Пушкина.— Там же, ст. II, с. 468.

¹⁷ Чернышевский Н. Г. Заметки о журналах. Рассказы графа Л. П. Толстого.— Там же, т. IV, с. 682.

кология, грамматика и стилистика, социолингвистика и общая теория слова — и сегодня должны развиваться с ориентацией на лингвистическое наследие Н. Г. Чернышевского.

Детальное рассмотрение названных в данной статье аспектов лингвистической деятельности Н. Г. Чернышевского будет содействовать освещению еще одной грани научного творчества великого критика.

Г. В. ЯКУШЕВА

ИЗУЧЕНИЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО В ГДР И ФРГ. 1945—1980

В демократической Германии, начиная с 1945 года, усилиями Г. Лукача, В. Дювеля, М. Вегнера и других продолжалась разработка образа Чернышевского — выдающейся и оригинальной личности, художника и критика, мыслителя и революционера.

С 1947 года все чаще стали появляться журнальные и газетные статьи, посвященные Чернышевскому — воспитателю поколения истинных революционеров, пролагателю путей к Великой Октябрьской социалистической революции, — статьи, особенно многочисленные в те годы, когда отмечалась та или иная «круглая» дата со дня смерти или рождения великого русского демократа¹.

В 1947 году в Берлине выходит с предисловием советского ученого Н. Бельчикова роман «Что делать?». В 1953 году под редакцией Вольфа Дювеля в Берлине публикуются отдельной книгой избранные эстетические и литературно-критические сочинения Чернышевского, в предисловии к которым Дювель подчеркивает классовый характер эстетики русского революционера-демократа². В том же году в книге «Мастера

¹ Kaiser Br. Der Erzieher echten Revolutionäre (Zum 60. Todestag Nik. Tschernyschewskis). — In: Neues Deutschland, 29.X.1949, S. 3; Meylan Fr. Nik. Tschernyschewski. — In: Die neue Gesellschaft, N 11, 1949, S. 830—831; Lukács G. Tschernyschewski und die Tragödie. — In: Aufbau, N 6/7, 1953, S. 563—578; Lukács H. W. N. G. Tschernyschewski (Ein Wegbereiter der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution in Russland). — In: Heute und Morgen, N 11, 1953, S. 694—699; Hartmann R., Lehrmeister einer revolutionären Generation. Zum 65. Todestag von Nik. Tschernyschewski. — In: Junge Welt, 29.X.1954, S. 4; u. a.

² Düwel W. Über den Klassencharakter der Ästhetik Tschernyschewskis. — In: N. G. Tschernyschewskij. Aus den ästhetischen und literaturkritischen Schriften. Dresden, 1953, S. 5—22.

критики», наряду с трудами Белинского и Добролюбова, публикуются и «Эстетические отношения искусства к действительности», которые предваряет, помимо общего введения к книге, специальный раздел, посвященный жизни и творчеству Чернышевского³.

Годом позже Вольф Дювель вновь издает диссертацию Чернышевского, в подробном предисловии к которой отмечает живую связь его борьбы и трудов, так же как и у Белинского и Добролюбова, с классовой борьбой в России 40—60-х годов XIX в., а в философском плане констатирует не только родство Чернышевского и Фейербаха, но и тот факт, что революционный демократ Чернышевский сумел шагнуть дальше немецкого мыслителя во взгляде на общественное развитие⁴.

Это же издание предваряет большая статья Георга Лукача «Введение в эстетику Чернышевского», где подчеркивается, что Чернышевский видел задачи искусства не в репродукции действительности, а в том, чтобы «объяснять» и «давать суждение»; анализируется полемика Чернышевского с идеалистической эстетикой и утверждается, что материалист Чернышевский поставил последнюю «на ноги», дав эстетическим проблемам новое освещение, выдвинув тезис об общественно-интересном в жизни как основном содержании искусства. Особо подробно останавливается Лукач на понятии «трагического» в эстетике Чернышевского, полагая, что «трагическое» у Чернышевского снимается принципом «разумного эгоизма», провозглашенным в романе «Что делать?»⁵.

Обстоятельный, аргументированный и острополемический анализ философских, социально-политических и эстетических взглядов и трудов Чернышевского был дан Георгом Лукачем в статье о международном значении русской революционно-демократической критики, написанной к 50-летию со дня смерти Чернышевского (1939 г.) и вышедшей в ГДР в книге «Русский реализм в мировой литературе» (1949 и 1952 г.)⁶,

³ N. G. Tschernyschewski. Leben und Schaffen.— In: Meister der Kritik. Belinski, Dobroljubow, Tschernyschewski, Berlin, 1953, S. 219—224.

⁴ Düwel W. Vorwort des Herausgebers.— In: N. G. Tschernyschewskij. Die ästhetischen Beziehungen der Kunst zur Wirklichkeit. Berlin, 1954, S. 5—33.

⁵ Lukács G. Einführung in die Ästhetik Tschernyschewskijs.— In: N. G. Tschernyschewskij. Die ästhetischen Beziehungen der Kunst zur Wirklichkeit. Berlin, 1954, S. 37—99.

⁶ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin, 1949 u. 1952.

а также в статье «Роман Чернышевского «Что делать?», написанной к 120-летию со дня рождения Чернышевского (1948 г.) и появившейся во втором издании упомянутой книги.

В статье «Международное значение революционно-демократической литературной критики» Г. Лукач, отмечая недостаточное знакомство западного читателя с трудами русских революционных демократов, оспаривает утверждение реакционных литературоведов о том, что классики русской литературной теории и критики — Белинский, Чернышевский, Добролюбов, — механически подчиняли литературу пропагандистским интересам сиюминутной политики и игнорировали какой-либо эстетический подход к ней. При этом автор статьи доказывает, что великие критики находились в оппозиции к двум, до сего дня господствующим литературно-критическим предрассудкам: к теории «искусства для искусства» и вульгарно-пропагандистским тенденциям.

Определяя место и роль русских революционных демократов, в том числе Чернышевского, в отечественной и мировой политической, социальной, философской, литературной истории, Г. Лукач выявляет, в полемике со многими западными интерпретаторами Чернышевского, творческий, а не эпигонский характер усвоения им философии Фейербаха (философа, который, — замечает автор статьи, — не смог к тому же оказать столь длительного влияния на идеологическое развитие своей родины и оставить в нем такие глубокие следы, как, например, Чернышевский в России, — в чем Лукач видит особенность позиции Чернышевского, наряду с другими революционными демократами, в духовной ситуации XIX века).

Обращая внимание на «прорыв» Чернышевского (как и Добролюбова) за границы механистического материализма, к пониманию противоречивости общественного развития, Георг Лукач в то же время выявляет большую, чем у «старых» просветителей XVIII века, глубину и историчность взгляда Чернышевского на проблему освобождения народных масс и осуществление «царства разума». Не игнорируя при этом «многочисленных противоречий» Чернышевского, не достигшего высот диалектико-материалистического мировоззрения, Лукач подчеркивает, однако, «продуктивный», обращенный в будущее характер этих противоречий.

Чернышевский, утверждает Лукач, был прежде всего революционером, и именно пафос демократической революционности определил рассмотрение им литературы с точки зрения необходимости перестройки человеческих отношений. Однако

публицистическая» критика Чернышевского и его сторонников, говорится в статье, никак не исключала критерия «художественности» как такового. Неслучайно даже идейные противники вынуждены признавать, что научная концепция истории русской литературы (периодизация, оценка значимости писателей) принадлежит именно «публицистическим» критикам и, в частности, не кто иной, как Чернышевский, впервые дал тончайший и точный, до сего дня актуальный анализ первых работ Льва Толстого.

Вводя русских революционно-демократических критиков в контекст развития мировой критики и публицистики, Г. Лукач проводит, с одной стороны, аналогии между ролью Белинского, Чернышевского и Добролюбова в идейно-политическом развитии России и ролью Лессинга в Германии, Дидро во Франции, а с другой стороны, противопоставляет русских революционных демократов приверженцам субъективистской критики от Сент-Бева до Ницше и далее, вплоть до эстетствующих литературоведов современности.

Лукач считает также, что эстетические критерии Чернышевского, в отличие от субъективистских критиков вполне приложимы к великим образам прошлого (Гамлету, Дон Кихоту, Фаусту), ибо все долговечные литературные типы явились результатом восприимчивости писателя к тому, что больше всего волнует общество. Обнаружение связи политической позиции с общественной жизнью Лукач признает важной заслугой Чернышевского и раскрытие критиком (не подвластным ни «теории среды» И. Тэна, ни биологизму Э. Золя, ни псевдо-психологическому субъективизму, ни механическому социологизму) единства всех проявлений человеческой психики (в частности в статье «Русский человек на rendez-vous») — одним из основных принципов «большой литературы».

В статье «Роман Чернышевского «Что делать?» Георг Лукач, не считая русского революционера писателем «по званию», ценит в его романе традиционное для русской литературы обращение к живейшим вопросам современности, рассматривает «Что делать?» как одно из первых произведений, изображающих подпольную борьбу в России, и проводит многочисленные проекции от романа Чернышевского на художественные открытия советской (М. Горький) и мировой литературы. Так, Г. Лукач говорит о публицистическом стиле Чернышевского, ставшем столь продуктивным в литературе XX века, о полемической самоиронии автора «Что делать?», типологически сближаемой Лукачем с парадоксализ-

мом Б. Шоу; о роли размышлений, которым Чернышевский отвел решающую роль в художественном выявлении человеческой индивидуальности, — как это на более высоком уровне таланта происходило у Гёте и Толстого, Бальзака и Достоевского, в «интеллектуальном» романе Томаса Манна.

Подчеркивая особую значимость произведения Чернышевского для воспитания поколений русских революционеров (что, по мнению Лукача, сопоставимо с воздействием романов Руссо в XVIII веке на воспитание Марата, Робеспьера и др.), Г. Лукач объясняет масштабы влияния романа прежде всего тем, что в нем высвечены частные судьбы и духовная жизнь с точки зрения высокой моральной позиции, отвечавшей прогрессивным устремлениям общества.

Находя в романе «Что делать?» проявление утопического социализма и просветительского «культа разума» (теория «разумного эгоизма»), Г. Лукач в то же время отмечает оптимистический взгляд Чернышевского на природу человека. Это обстоятельство, а также теплота, деликатность и такт в отношениях между героями романа «Что делать?» (типическими и одновременно идеальными образами), противостоят, по мысли Лукача, «психологической тонкости» декаданса (ведущей к изъятию спонтанного брутальности и моральной неполноценности) не как недостаток художественности, а как принципиальная мировоззренческая позиция Чернышевского, не приемлющего нигилистического аморализма.

При всей прямолинейности отождествления Г. Лукачем глубин человеческой психики с непременным аморализмом, нельзя не отметить здесь своевременного прозорливого отмежевания Чернышевского от нигилизма, к которому в 60—80-х годах нашего столетия на Западе все чаще причисляют безоговорочно всех русских революционных демократов.

Утверждая в заключение, что публицисту со стилиевой манерой Чернышевского надо обязательно быть личностью, чтобы его произведение стало литературным событием, Г. Лукач обращает внимание на то, с какой прямоотой, — намного большей, чем у писателей типа Гёте и Бальзака, — выразил Чернышевский в романе «Что делать?» свою индивидуальность. «Без сомнения, — пишет Лукач, — мир литературы стал бы без этого романа беднее: ему не доставало бы автопортрета чистого человека и великого революционера, написанного с деликатной мудростью и тонкой откровенностью»⁷.

⁷ Lukács G. Tschernyschewskijs Roman «Was tun?» — In: Lukács Georg. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin, 1952, S. 129.

В 1965 году в ГДР вышла обширная «История русской классической литературы», где серьезная и обстоятельная статья о Чернышевском Вольфа Дювеля⁸ также дает справедливую оценку места писателя в мировой литературе и революционном движении, подчеркивая связь художественного творчества Чернышевского с конкретной политической и социальной борьбой, разносторонность его деятельности как экономиста, философа, историка, литературного теоретика и критика, мыслителя мирового масштаба. Заслугой Чернышевского Дювель, развивая положения Лукача, считает то, что русский ученый подверг всю идеалистическую философию, от Гегеля до неокантианцев, материалистической критике, снова повторяя, что Чернышевский пошел дальше своего учителя, Фейербаха, ибо творчески, в материалистическом духе воспринял гегелевскую диалектику.

Исследователь из ГДР отмечает энциклопедическую образованность Чернышевского, его опору на традиции русской и мировой культуры. В знаменитой диссертации Чернышевского Дювель выделяет мысль о том, что искусство по своей сути не может быть индифферентным. Остановливаясь, вслед за Лукачем, на проблеме трагического в эстетике Чернышевского, Дювель вполне злободневно, если учесть популярность на Западе в 50—60-е годы экзистенциалистской философии, подчеркивает противостояние эстетики Чернышевского принципу «вины» человека за всякое посягающее на обстоятельство действие, понятию «рока», судьбы, наказующей человека за деяние, отмечает революционный оптимизм Чернышевского.

Особую заслугу видит Дювель в борьбе русского революционного критика за реализм, народность, пробуждение национального самосознания в литературе; в полемике Чернышевского с теоретиками «чистого искусства», противниками критического реализма, с которыми сражался еще Белинский (Н. А. Полевым, О. И. Сенковским, С. П. Шевыревым).

Обращаясь к литературно-критическим сочинениям Чернышевского, немецкий ученый с особой пристальностью рассматривает труды русского мыслителя о Лессинге и Шиллере, важную роль которых в духовном развитии России признавал Чернышевский. Анализируя «Что делать?» в русле русской литературы критического реализма, Дювель утверждает, что

⁸ Düwel W. N. G. Tschernyschewski.— In: Geschichte der klassischen russischen Literatur. Berlin und Weimar, 1965, S. 571—599.

роман этот — ответ на вопрос о смысле революции и социализма, воспринятый передовой русской общественностью как руководство к действию; что фабула романа тесно связана с так называемым женским вопросом, что произведение это оригинально по форме, использует «эзопов язык», многочисленные композиционные сплетения, ироническую полемику с «проницательным читателем» (т. е. буржуазно-либеральным «умником»), отличается богатой идейной проблематикой.

Остановившись в заключении на судьбах наследия Чернышевского в Германии, приведя показательное свидетельство немецкого социал-демократа Германа Дункера о том, что роман Чернышевского в конце XIX века стал настольной книгой каждого немецкого социалиста, Вольф Дювель отмечает, что в социалистической Германии труды Чернышевского активно издаются и изучаются.

Одним из доказательств тому может служить статья о Чернышевском в газете «Берлинер цайтунг» от 8 марта 1970 года, написанная доктором Хельмутом Грасхофом, красноречиво названная «Утопия, ставшая действительностью» и сообщающая о том, что лучшие революционные умы современности — Ленин, Бебель, Цеткин, Димитров, — чтят роман Чернышевского «Что делать?» как истинный «учебник жизни»⁹.

В то же время в Федеративной Республике Германии, продолжая оппортунистически ревизионистскую, «стрельцовскую» линию и согласуясь в этом с другими буржуазными литературоведами Запада¹⁰, многие авторы пытаются лишить Чернышевского оригинальности и извращают суть его учения, объявляя русского мыслителя всего лишь последователем западноевропейских вульгарных материалистов, нигилистом и отрицателем эстетики. Таково, например, мнение профессора, доктора Вильгельма Леттенбауэра, который в своей «Истории русской литературы», изданной в 1955 году¹¹, утверждает, что «со своими обширными познаниями» рационалист Чернышевский не смог усвоить ту «высшую

⁹ Grasshoff H. Die Utopie, die Wahrheit wurde. Das Bild des revolutionären Schriftstellers Nik. Tschernyschewski (1828—1889).— In: Berliner Zeitung, N 67, 26 Jg., 8. März, 1970, S. 10.

¹⁰ См.: Сигрист А. С. В погоне за антиистиной (современная западная русистика о Чернышевском.— В кн.: Русская литература в оценке современной зарубежной критики. М., 1973.

¹¹ Lettenbauer W. Russische Literaturgeschichte. Frankfurt/Main-Wien, 1955.

культуру», с которой еще были связаны русские «идеалисты 40-х годов», и, словно вторя полузабытым формулировкам Э. Цабеля и А. Брюкнера, пишет о якобы сугубо утилитарном, пропагандистском подходе Чернышевского к искусству, о том, что роман «Что делать?» — «катехизис нигилистов», — «никакой литературной ценности не имеет»¹².

В двухтомном «Словаре всемирной литературы» под редакцией Геро фон Вильперта тот же Леттенбауэр в статье о Чернышевском¹³ повторяет, что мышление русского писателя «основывается на вульгарном естественнонаучном материализме», сам он утилитарист, а «Что делать?» лежит за пределами художественности. Во втором томе этого словаря, почти в унисон с Леттенбауэром, Вильфрид Шефер утверждает, что фабулой произведения является всего лишь «дидактическая программа», что структура его повествования «неестественна — там, где она не убога», да и вообще «крайний утилитарист» в вопросах художественности, Чернышевский сам, дескать, не допускал возможности какого-либо «формально-эстетического» рассмотрения своего сочинения¹⁴.

Жаль, что в новом издании этого словаря в 1975 году¹⁵ повторена, без изменений, та же ограниченная и неверная оценка Чернышевского и его романа.

Доктринером, утилитаристом и схоластом (как и его последователей — советских литературоведов) называет Чернышевского-литературного критика Бернгард Кюпперс в книге «Теория типического в литературе». Он игнорирует диалектическую сложность и неоднозначность отношения Чернышевского к различным явлениям литературы настоящего и

¹² Ibid., S. 212. См. также: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1983, вып. 9.

¹³ Lettenbauer W. N. G. Cernysevskij. — In: Lexikon der Weltliteratur. Biographisch — bibliographisches Handwörterbuch nach Autoren und anonymen Werken, Bd. 1—2; Hrsg. von Gero von Wilpert; Bd. 1, Autoren. Stuttgart, 1963, S. 257.

¹⁴ Schäfer W. «Was tun?» — In: Lexikon der Weltliteratur, Bd. 1—2; Hrsg. von Gero von Wilpert; Bd. 2, Hauptwerke der Weltliteratur in Charakteristiken und Kurzinterpretationen. Stuttgart, 1968, S. 1141.

В 1964 г. в Мюнхене в переводе на немецкий язык вышла «История русской литературы Д. Мирского (опубликована в Нью-Йорке в 1926 г.), где Чернышевский также назван основоположником «утилитаристской и мелкобуржуазной материалистической литературной критики» (Mirskij Dm. Geschichte der russischen Literatur, München, 1964, S. 207).

¹⁵ Lexikon der Weltliteratur. Bd. 1—2; Hrsg. von Gero von Wilpert; Bd. 1. Stuttgart, 1975.

прошлого¹⁶. Недовольство Кюпперса вызывает материалистическое решение Чернышевским основного вопроса философии в эстетике: отношения искусства к действительности, расширение Чернышевским предмета (содержания) произведений искусства до общеинтересного в жизни.

Как в 10-х годах XX века немецкие оппортунисты, Кюпперс не видит эволюции эстетики Чернышевского, преувеличивает значение неверного тезиса его диссертации об искусстве как суррогате действительности — в то время как (на что справедливо обратил внимание советский ученый А. С. Сигрист в упомянутой статье) через десять лет после этой диссертации Чернышевский писал: «Главное в поэтическом таланте — так называемая творческая фантазия».

С конца 50-х годов, однако, в литературоведении ФРГ начинает вырисовываться также тенденция объективного анализа революционно-демократической мысли в России и, в том числе, наследия Чернышевского. Проявлением этой тенденции может служить публикация в Мюнхене книги датского русиста Адольфа Стендер-Петерсена «История русской литературы»¹⁷, задуманной автором еще в гимназические годы, которые он провел в Петербурге — городе, где родился.

Стендер-Петерсен пишет о том, что противники Чернышевского не раз обвиняли его в разрушении эстетики в то время как сам он был убежден, что дает ей новый фундамент, более солидный, нежели тот, который можно было обнаружить у современных ему литературных критиков: «идеалистов-эклектиков» типа П. В. Анненкова, А. В. Дружинина и С. С. Дудышкина или «социологов-позитивистов», как Стендер-Петерсен называет, — на наш взгляд, не совсем точно, — Валериана Майкова и Аполлона Григорьева¹⁸.

Справедливо замечание исследователя о том, что в представлении Чернышевского литературный критик должен не только показать отношение того или иного художественного произведения к действительности, но и раскрыть свою философско-идеологическую позицию, дать свое обоснованное суждение о происходящем, вынести свой «приговор». Тем са-

¹⁶ Kupperts В. Die Theorie von Typischen in der Literatur. Ihre Ausprägung in der russischen Literaturkritik und in der sowjetischen Literaturwissenschaft; Reihe «Slavistische Beiträge», Bd. 23. München, 1966.

¹⁷ Stender-Petersen А. Geschichte der russischen Literatur. Bd. 1—2. München, 1957.

¹⁸ Ibid., Bd. 2, S. 350.

мым прокламируется борьба Чернышевского за критику не просто «сопутствующую» и разъясняющую, но и общественно активную, необходимую часть духовной жизни общества.

В высшей степени примечательно также, что в этой книге, рядом с признанием оптимистичности романа, говорится о связи четвертого сна Веры Павловны со свершениями Октябрьской революции¹⁹.

Стремлением, хотя и не вполне реализовавшимся, вырваться за пределы устоявшихся в западном буржуазном литературоведении ложных представлений о русских «нигилистах» и, в частности, о Чернышевском, отличается книга Вольфа-Генриха Шмидта «Нигилизм и нигилисты. Анализ методов типизации в русском романе второй половины XIX века»²⁰.

Исследователь отмечает многозначность понятия «нигилизм», самую различную трактовку последнего философами, социологами, историками литературы различных ориентаций. Сам он останавливается на «определенном, всеобъемлющем, сознательном отрицании существующего и его основ как критерии «нигилизма»²¹, постоянно беря это слово в кавычки, дабы подчеркнуть условность границ понятия.

Ставя перед собой задачу исторически конкретного анализа русского нигилизма, В. Г. Шмидт приходит к ряду плодотворных выводов. Так, он отклоняет традиционные для буржуазных литературоведов упреки «нигилизма» в «абстрактности» и «утопичности», уверяя, что в концепции «новых людей» была заложена достаточно четкая программа пути от идей эмансипации женщины, через развитие новых форм человеческих отношений, к уничтожению всех «духовных и моральных» (заметим: «социальных» опущено) отношений зависимости и подчинения между людьми, что сводилось к утопии, по словам исследователя, только в условиях «угнетающего общества».

Интересен спор Шмидта с теми многочисленными оппонентами, которые обвиняли «нигилистов» — называя здесь одним из первых Чернышевского — в полном отрицании эстетики, эстетической глухоте и т. п. Исследователь доказывает, что русские «нигилисты» отрицали не эстетику вообще, а эстетизм, доминирование эстетической позиции в об-

¹⁹ Ibid., S. 351.

²⁰ Schmidt W. Nihilismus und Nihilisten. Untersuchungen zur Typisierung im russischen Roman der zweiten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts. Reihe «Forum Slavicum», Bd. 38. München, 1974.

²¹ Ibid., S. 14.

ласти философии, где должна господствовать аналитика, безучастность искусства в период общественных потрясений, абсолютизацию возможностей эстетического воздействия, и уверяет, что некоторые крайности их выводов обусловлены остротой общественно-литературной борьбы того времени, стремлением утвердить искусство, рождающееся из моральных предпосылок и общественных задач.

Однако при этом Шмидт повторяет ошибку, свойственную работам Г. В. Плеханова меньшевистского периода: он сводит русский «нигилизм» к просветительской работе, вольно или невольно игнорируя его революционно-действенный заряд.

И, наконец, решительно отклоняя термин советских ученых «революционный демократ», применяемый для «русских нигилистов» (не всех! — Г. Я.), за его «неопределенность и уничтожение специфики нигилистического движения как «отрицания основ»²², Шмидт сам явно приходит к размыванию понятия. Именно с точки зрения «шмидтовского», действительно, слишком общего и неопределенного критерия нигилизма, в одном ряду оказываются и Н. Г. Чернышевский, и Д. И. Писарев, и В. А. Зайцев, и Н. Д. Ножин. Оговорки исследователя о наличии у каждого «нигилиста» своей идеологической и политической позиции не спасают от того, что слишком многие и разные имена оказались в одной нигилистической «обойме», что сам факт нигилистического отношения к существующему стал для исследователя важнее, чем способ, принцип, направление и цель этого отношения. Неточность критерия привела к субъективизму в отборе литературного материала и, в конечном свете, к возобладанию субъективизма над историзмом.

Солидная западногерманская энциклопедия «Брокгауз» (потомок того «Брокгауза», которого некогда хотел перевести на русский язык Чернышевский) в 19 томе своего нового 20-томного издания подает пример достаточно объективной, — пусть и без стремления осмыслить факты в контексте социально-политического развития России и мирового рабочего и революционного движения, — оценки истинной значимости Чернышевского как поборника радикально-социалистических идей, оказавшего сильное влияние на передовые круги, особенно студенческую молодежь²³.

²² Ibid., S. 18.

²³ N. G. Tschernyschewskij. — In: Brockhaus Enzyklopädie in zwanzig Bänden, Bd. 19. Wiesbaden, 1974, S. 81.

Смысл диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» автор статьи о Чернышевском видит в том, что последний, вслед за Белинским (то есть признаются первостепенными не западноевропейские, а именно отечественные истоки его эстетики) выдвинул требование общественно-значимого и стремящегося изменить действительность, а не самоудовлетворяющегося искусства.

Однако здесь встречается немаловажная неточность в характеристике романа «Что делать?». «Новые люди» Чернышевского, согласно утверждению автора статьи, должны жить только (курсив мой.—Г. Я.) общественными интересами. Каждый, читавший роман «Что делать?», опровергнет это утверждение. Не только общественные интересы, но любовь, дружба, семья, полноценная человеческая жизнь, не мыслящаяся при этом без служения общественным интересам,— вот идеал Чернышевского.

Заканчивается статья осторожной фразой: «Причисляемый иногда к вождям «русского нигилизма», он признается ныне в СССР одним из главных представителей «революционных демократов» XIX века». В этой осторожности — намек на еще одну проблему в оценке духовного наследия Чернышевского. В 60—70-е годы нашего века, в связи с возрождением анархистских, крайне нигилистических, ультра-левых тенденций в капиталистической Западной Европе (особенно среди молодежи) появились попытки морально и социально «оправдать» эти тенденции, возводя, в частности, их родословную к русским «нигилистам» XIX века, в число которых включают и революционных демократов.

Книга В.-Г. Шмидта — одна из работ, опубликованных в последние годы в разных западноевропейских странах, где среди русских нигилистов прямо называются Белинский, Чернышевский, Герцен, в то время как позитивный характер критики ими самодержавия, крепостничества и социального неравенства, их святая вера в определенные нравственные и общественные ценности, их опора на научный материализм, даже то, что иногда называли «идеализмом» Чернышевского, имея в виду образы новых людей и пророческие сны Веры Павловны (вспомним название статьи о романе «Что делать?» А. Бебеля — «Идеалистический роман»), — все это противоречит тотальному отрицанию, беспочвенности и итоговой бесперспективности истинного нигилизма, в первую очередь — нигилизма сегодняшнего Запада.

Безусловно, положительным фактом является то, что ни Брокгаузовская, ни вышедшие в 70-х годах в ФРГ такие представительные энциклопедии, как «Современный лексикон» в 20 томах и Лексикон Бертельсмана в 10 томах²⁴, выражая определенную линию развития русистики, не пытаются ни лишить Чернышевского самостоятельности мышления и отечественных философских истоков, ни оторвать от конкретной революционно-общественной и политической борьбы его времени, и в качестве основной характеристики его эстетических принципов называют требование революционно направленного искусства. Но прискорбно то обстоятельство, что не менее солидное издание — 25-томный «Майеровский лексикон» не «некогда», как говорилось в «Брокгаузе», а в 1978 году уверяет читателя, что Чернышевский был одним из «ведущих теоретиков нигилизма» и основателем, «под влиянием литературно-критических воззрений Белинского и вульгарного материализма, рационалистически утилитаристской эстетики»²⁵.

В 1978 году широко отмечалось и в нашей стране и за рубежом 150-летие со дня рождения Чернышевского, это вызвало многочисленные публикации, ряд литературоведов Запада сделал попытку на новом витке спирали, в новых исторических условиях возродить давно устаревшие и преодоленные в мировой русистике тезисы²⁶. При этом одни, подобно автору «Майеровского лексикона», считают, что Чернышевский с Белинским были «заодно» в выработке «утилитаристской» эстетики, — другие же, развивая тезис упоминавшегося выше В. Леттенбауэра, противопоставляют «материалиста»

²⁴ N. G. Tschernyschewskij.— In: Das moderne Lexikon in zwanzig Bänden, Bd. 19. Gutersloh-Berlin. München-Wien, Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1973. S. 46; Tschernyschewskij N. G.— In: Das Bertelsmann Lexikon in zehn Bänden, Bd. 10. Gütersloh-Berlin, Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1974, S. 39.

²⁵ N. G. Tschernyschewski. — In: Meyers Lexikon in 25 Bänden, Bd. 23. Mannheim-Wien, Zürich, 1978, S. 790.

²⁶ Гарри Прос, выступая в духе самой реакционной советологии, представляет Чернышевского всего лишь анахроническим эпигоном просветителей XVIII века и уверяет, что эффект его публицистики проистекал не от убедительности аргументов, а лишь из «пространственно-временных» условий их появления в России. Он также утверждает, что эстетика Чернышевского противостояла линии классической русской литературы (Пушкин: «Не для житейского волнения...») и т. д., и т. п. (Pross H. Nützlichkeits und Umstände der Kunst.— In: Neue Züricher Zeitung, 1978, 13/14 Aug., S. 27).

и «прагматика» Чернышевского «идеалисту» и «эстету» Белинскому.

К сожалению, тенденция к антиисторическому противопоставлению «эстетической» линии Белинского «идеологически функциональной» Чернышевского сказалась и в книге ученого ГДР Клауса Штэдтке «Эстетическая мысль в России. Культурная ситуация и литературная критика», также опубликованной в юбилейном 1978 году²⁷.

В детальном, исторически последовательном анализе роли русской литературной критики в общественной и социально-политической жизни страны автор книги много внимания уделяет эстетике Чернышевского.

Опираясь на тезис Чернышевского «прекрасное есть жизнь» как центральный в эстетике великого демократа, Штэдтке приходит к выводу, что критерии оценок произведений искусства лежали для Чернышевского вне сферы художественного. Этим, считает исследователь, Чернышевский, стоящий на «идеолого-критической» позиции, отличался от Белинского, исходившего, по мнению Штэдтке, в своих трудах из «философско-эстетических» предпосылок. Если Белинский, продолжает автор книги, видел в искусстве, вслед за Гегелем, опосредование некоей трансцендентной «правды», то Чернышевский трактовал категорию «правды» не в смысле идентичности ее с философской «истиной», а функционально, с точки зрения материальной и моральной деятельности людей.

Точное по отношению к Чернышевскому, это противопоставление неправомерно задерживает Белинского в «гегельянском» периоде его развития, не учитывая сложной идейно-эстетической эволюции выдающегося русского критика. Еще более несправедливо упрекает автор книги Г. В. Плеханова и Г. Лукача в том, что они, опираясь на собственное понимание искусства «по Гегелю и Белинскому», не учли якобы специфики «функционального», «идеолого-критического» метода Чернышевского и были в анализе трудов последнего «неисторичны»²⁸.

В то же время сам Штэдтке повторяет ошибку, свойственную Плеханову меньшевистского периода и проявившуюся в

²⁷ Städtke K. Ästhetisches Denken in Russland. Kultursituation und Literaturkritik. Berlin und Weimar, 1978.

²⁸ Ibid., S. 233.

рассмотренной выше книге В.-Г. Шмидта. Утверждая, что основное противоречие Чернышевского в том, что он (как и Добролюбов) видел причины непросвещенности масс в их угнетенном социальном положении, но при этом хотел исправить ситуацию с помощью просветительства, Штэдтке, — может быть, невольно, — ослабляет пафос революционности Чернышевского (о котором, кстати, так много говорил в свое время Лукач). В этом плане представляется столь же сомнительным утверждение исследователя, что отход Чернышевского от позиции профессионального критика на позиции публики (наблюдение само по себе проницательное и справедливое) нашел свое продолжение в «религиозно-этической и эстетической полифункциональности» Л. Толстого и Достоевского и что Л. Толстого сближает с Чернышевским апелляция к наивному патриархальному крестьянству, без указания на то, что Чернышевский звал это крестьянство к бунту, а Толстой — к непротивлению.

Известная прямолинейность социологизирования приводит автора книги и к некоторым другим неверным, на наш взгляд, заключениям (например, о том, что область художественного сводилась для Чернышевского лишь к «форме». Но разве только «формой» является открытая Чернышевским «диалектика души» Толстого, и т. п.?).

В то же время принципы рассмотрения литературной критики Чернышевского в тесной ее связи с жизнью русского общества позволяет исследователю сделать важный вывод о новаторстве Чернышевского-критика. Он одним из первых в России стал на точку зрения интересов и потребностей масс при оценке произведений искусства, на позиции читателя (как реального, так и потенциального); прокламировал анализ литературного явления прежде всего не как эстетического феномена, а в соотношении с основной «идеей» века, понимаемой как идея социально-политическая, конкретная, «посюсторонняя». Плодотворны наблюдения Штэдтке над полемикой Чернышевского с гегельянцем Ф. Т. Фишером, апеллировавшим к бессознательной творческой силе художника (в то время как Чернышевский подчеркивал способность автора к сознательному изображению и вынесению суждения, и другие). Вследствие этого демократические и прогрессивные черты эстетики Чернышевского выявлены в данной культурно-социологической работе Клауса Штэдтке с достаточной полнотой.

Подробную статью о Чернышевском, в исторически пра-

вильном аспекте трактующую наследие великого русского демократа, представляет «Новый лексикон Майера», изданный в ГДР в 1976 году²⁹.

Генезис Чернышевского выводится здесь прежде всего из идей Белинского и Герцена и русской реалистической литературы, — но при этом отмечается, что Чернышевский штудировал труды английских экономистов, французских материалистов и социалистов-утопистов, а также Гегеля и Фейербаха, изучал опыт европейских революционных движений.

Признавая исторически обусловленную ограниченность Чернышевского — утопического социалиста, автор статьи констатирует: что выдающийся русский мыслитель-революционер конкретизировал и развил материализм Фейербаха, идеи Белинского и Герцена, подойдя вплотную к диалектическому материализму; что Чернышевский успешно боролся против идеалистической философии и религиозной идеологии, разоблачая при этом зависимость философского идеализма от интересов эксплуататорских классов.

Заслуга Чернышевского, по справедливому мнению автора статьи, в том, что он обосновал необходимость освобождения трудящихся масс от всяческого угнетения и идеи его имели громадное значение для классовой борьбы в России, мировоззренчески художественного развития всего общества, особенно в славянских странах, и для международного рабочего движения.

Чернышевский также характеризуется в этом лексиконе как автор выдающихся работ по социологии, политической экономии, истории и т. д. и, в том числе, литературной критике. Подробно анализируется в статье, скрытая полемика которой направлена против искажения наследия Чернышевского-художника и критика, эстетическая теория Чернышевского. Подчеркивается, что важнейшие принципы этой теории — реализм и народность литературы и искусства, что Чернышевский, с большой ясностью поставив основной вопрос эстетики об отношении искусства к действительности, раскрыл классовый характер эстетических понятий и дал новое определение понятию прекрасного, которое существует в действительности, в природе, в действиях, мыслях и чувствах людей, а не только, как утверждает идеалистическая эстетика, в некоем идеальном духовном бытии или как чистый продукт фантазии.

²⁹ N. G. Tschernyschewskij. — In: Meyers Neues Lexikon in achtzehn Bänden; Bd. 14. Leipzig, 1976, S. 70—71.

Поскольку, продолжает автор статьи, человеческое познание, как в его научной, так и в художественной форме имеет революционное значение, Чернышевский требовал «вместо натуралистического воспроизведения действительности критической и партийной позиции художника. Искусство и литература должны стремиться к тому, чтобы всю многообразную действительность, особенно общественную жизнь и нравственный мир человека, отразить посредством художественных образов и этим внести решающий вклад в воспитание человека»³⁰.

Нельзя не отметить, что в такой, подлинно научной трактовке система эстетических взглядов Чернышевского опирается не только на его известную диссертацию, но на весь комплекс представлений Чернышевского об искусстве. Поэтому эстетическая теория Чернышевского лишена здесь неправомерно приписываемых ей рядом исследователей рационалистической категоричности и безусловного неприятия фантазии в искусстве.

О романе «Что делать?» в этой универсальной энциклопедии сказано кратко: это произведение для нескольких поколений революционеров стало программой действия. Достаточно подробно освещает литературно-художественное наследие Чернышевского «Лексикон иноязычных писателей», вышедший в ГДР в 1977 году³¹. Особо отметив плодотворную литературно-критическую деятельность Чернышевского, в первую очередь монографию о Лессинге как «первый обширный анализ немецкого Просвещения с точки зрения революционной демократии», художественную оригинальность и общественную значимость романа «Что делать?», автор статьи о Чернышевском, М. В. (Михаэль Вегнер — Г. Я.) пишет: «Образ революционера Рахметова в этом романе принадлежит к наиболее впечатляющим типам положительных героев в русской классической литературе»³².

Вегнер останавливается здесь и на втором «политическом романе» Чернышевского — «Прологе», отмечая живую картину общественной борьбы и размежевания идейно-политических сил в России накануне крестьянской реформы 1861 года.

³⁰ Ibid., S. 71.

³¹ W (e g n e r) M (i c h a e l). Cernysevskij N. G. — In: Lexikon fremdsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart, Bd. 1—3. Bd. 1. Leipzig, 1977, S. 323—324.

³² Ibid., S. 324.

нарисованную в полном автобиографических примет романе.

В юбилейном 1978 году и позже в ГДР появилось много серьезных публикаций, рассматривающих Чернышевского во всей совокупности граней его многосторонней деятельности как революционного демократа, ученого и писателя³³, анализирующих его социологические и политические взгляды³⁴, раскрывающих на новом историческом этапе роль личности Чернышевского как образца, влиявшего на поколения революционеров и, прежде всего, на В. И. Ленина³⁵. С особым интересом прослеживается история восприятия идей Чернышевского в Германии³⁶, его связи с немецкими и мировыми прогрессивными движениями и культурой³⁷.

Эти и подобные им работы, определенным образом влияющие на развитие прогрессивных тенденций в изучении наследия Чернышевского в ФРГ, в то же время объективно противостоят как недостаточно глубокому и историчному прочтению наследия Чернышевского, вплоть до искажения его идей, так и элементарному незнанию трудов Чернышевского³⁸.

Споры о Чернышевском продолжаются в ГДР и в ФРГ. Они порою не менее остры сейчас, через полтора десятилетия с лишним лет после его рождения, чем в 70—80-х годах прошлого

³³ Gregor R., Revolutionärer Demokrat, Gelehrter und Schriftsteller. Zum 150. Geburtstag von N. G. Tschernyschewski. — In: Fremdsprachunterricht, Jg. 22, N 6, 1978, Ss. 283—288; Schmidt H., Nik. Gawr. Tschernyschewski, 24.7.1828—29.10.1889. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Gesellsch. — und sprachwiss. Reihe, N 4, Jg. 27, Halle-Wittenberg, 1978, S. 5—13.

³⁴ Baranowski G. Zu den soziologischen und politischen Anschauungen N. G. Tschernyschewskis. — In: Staat und Recht, N 7, Jg. 27, Potsdam — Babelsberg, 1978, S. 607—617.

³⁵ Düwel W. Sein Vorbild wirkte auf Generationen. — In: Neues Deutschland, 24. Juli, 1978, S. 4.

³⁶ Mielke H. Die Rezeption des Denkens Tschernyschewskis in Deutschland. — In: Deutsche Zeitschrift für Philosophie, N 4, 1978, S. 469—481.

³⁸ Mielke H. Die Rezeption des Denkens Tschernyschewskis in Deutschland. — In: Deutsche Zeitschrift für Philosophie, N 4, 1978, S. 469—481.

³⁷ Jonas G. Im Anfang so ganz unbekannt. — In: Berliner Zeitung, 22—23. Juli, 1978, S. 6; Gregor R. Gedanken zu Tschernyschewskis

Essays «Lessing, seine Zeit, sein Leben und Wirken». — In: Lessing Konfession, Halle, 1979; Halle-Wittenberg, 1980, S. 387—393.

³⁸ В качестве почти курьезного примера этому можно привести не только до крайности упрощенное, сведенное к семейно-любовной авантюре, но и фактически искаженное изложение романа «Что делать?» в многотомной западногерманской энциклопедии «Путеводитель по роману» («Was tun?») — In: Romanführer, Hrsg. von Johannes Beer u. a., Bd. 8 Stuttgart, 1957, S. 292—293).

века, — и это первое неопровержимое доказательство значимости духовного наследия Чернышевского для мировой культуры, в том числе культуры «великой немецкой нации», как он ее называл.

Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕРНЫШЕВСКОГО И РАЗРАБОТКА МУЗЕЙНОГО АРХИВА в 1920—1930-е годы *

Свой путь музейной, литературной, архивной и библиографической работы я начинала в первые годы после Октябрьской революции. Новая эпоха вдохновила меня, поставив перед музеем ответственные задачи: сделать драгоценное революционно-демократическое наследие достоянием народных масс. Необходимо было раскрыть духовные ценности прошлого, освободив их от цепей царской цензуры, выявить живого, настоящего Чернышевского в его могучей проповеди, воспитавшей, по словам В. И. Ленина, настоящих революционеров¹. Почти полвека это дорогое передовому человечеству имя находилось под запретом.

Для решения этих задач советское государство прежде всего открыло доступ в архивы, в частности, в находившийся в забвении и запустении ценнейший архив Чернышевского. Мне на долю выпало счастье принять участие в извлечении этого архива из бывшей императорской Академии наук, перевозе на родину Чернышевского в Саратов, разборке и подготовке многих его материалов к печати.

В 1928 году молодая советская республика торжественно отметила столетие со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского.

Коммунистической Академией при ЦК КПСС были выделены научные силы для подготовки избранных сочинений Чернышевского в пяти томах. Первый том должен был составить исторические труды, второй — экономические, третий — историко-литературные, в четвертый вошла беллетристика

* Статья Н. М. Чернышевской непосредственно примыкает к материалам по истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского, помещенным в предыдущих выпусках. Публикация В. С. Чернышевской — Ред.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.

(романы), в пятый — философские работы. Начиная с 1928 года, все они были подготовлены в течение ряда последующих лет.

Подготовка этих избранных сочинений была сложным делом. Начало было положено М. В. Нечкиной. Она обратилась в музей со списком статей, которые надо было готовить по рукописям с текстологическими примечаниями. Рукописи были в Саратове, а комментарии в Москве. Была выработана своеобразная инструкция для текстолога, исходя из которой готовились и следующие тома. Сначала я переписывалась с Нечкиной, потом состоялось и личное наше знакомство в Москве, куда я приехала после юбилея в 1928 году. Мне понравилась необыкновенная живость молодой и очень миловидной женщины. С ней мы просидели и проговорили 6 или 7 часов кряду, так много оказалось общего и интересного. Милица Васильевна проявила большой интерес к моей «Летописи жизни Чернышевского». Я узнала, что С. И. Мицкевичу было поручено переговорить со мной об этой работе, когда он приезжал в Саратов из Москвы за материалами для юбилейной выставки по Чернышевскому в Музее Революции. Из проделанной ею работы по I тому самое ценное — это публикация воззвания «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» с научным комментарием. Она впервые осуществила такую научную публикацию. Работала М. В. Нечкина с неподдельным энтузиазмом.

Второй том — экономический — доставил очень много трудностей всем, кто его готовил. Прежде всего в картонках, прибывших из Академии наук, оказалось огромное количество отдельных разрозненных листов политико-экономического содержания. Все рукописи, поступившие в музей, подверглись мною проверке по полному собранию сочинений 1906 года и по «Современнику» прежде всего в целях разыскания неизданного материала, который сейчас же брался на учет. С политико-экономическими рукописями дело оказалось настолько осложненным, что приходилось целиком изучать по книге весь перевод Милля с примечаниями Чернышевского и все «Очерки» по Миллю. Выявилась масса листов рукописи, не имевших никакой связи с тем, что было опубликовано. Рукописи были написаны не только Чернышевским, но под его диктовку М. Вороновым и А. Студенским. Встречалась и незнакомая рука.

Два полутома были выпущены А. Усыскиным, который как следует не разобрался в материале. Работы его приш-

лось переделать. Через некоторое время ко мне обратился проф. И. Д. Удальцов, и мы заново переработали материал в Саратове, куда он приезжал для подготовки трехтомника вместе с С. В. Басистом.

Историко-литературный том связан у меня с воспоминаниями о безвременно погибшем от болезни сердца молодом исследователе Петре Александровиче Щелканове, которого я навещала в Москве в разгар подготовки книги. Щелканов кончил Институт Красной Профессуры, а жена его работала в ведомстве Швейпрома (точно не помню сейчас, где именно) и была писательницей. Помню несколько ее небольших книжек. Оба были молодые, дружные, охваченные творческим горением. Хорошего, настоящего ученого потеряло в П. А. Щелканове наше литературоведение.

Этой работой интересовался А. В. Луначарский еще при жизни Щелканова, беседовал с ним. «У Луначарского прямо слезы на глазах были, когда он узнал, что для «Лессинга» уже нет места в томе», — рассказывал Щелканов.

К несчастью, работа Щелканова сошла на нет, и о нашем сотрудничестве почти не осталось памяти. После смерти Петра Александровича его вдова отнесла все материалы в Соцэкгиз. Там они долго пролежали, а потом были переданы Н. В. Богословскому, который издал том романов Чернышевского (сличение текстов «Пролога» было сделано мной).

В литературоведческом томе принял участие проф. В. В. Буш, работавший над «Очерками гоголевского периода». Мы часто виделись с ним в Саратове. Между прочим, Владимир Владимирович очень хотел заняться А. Н. Пыпиным, читал его письма в музее, но отъезд в Ленинград, болезнь и смерть не дали ему осуществить задуманное.

Что касается философского тома избранных сочинений, то, в силу разных обстоятельств, он не был осуществлен своевременно. Философские статьи появились уже в виде книги другого формата, в другом оформлении под редакцией Михаила Трифионовича Иовчука в издании Института философии Академии наук СССР. Я сличала тексты для этого издания по рукописям, как у нас было договорено. Остальные статьи шли по «Современнику», и издательство никому не поручило работы по их сличению.

Одновременно с этим томом были выпущены статьи по эстетике (1938 г.). В том эстетических работ были впервые включены варианты. Особенность этого тома состояла в том, что меня попросили в основу текста положить первоначаль-

ную рукопись, и я сделала это. Подготовленную мною книгу об эстетике я люблю потому, что работа над рукописью была особенно интересной. Для этого тома в виде приложения мне было поручено написать очерк о защите диссертации Чернышевского, а также составить библиографию вопроса. В очерк я ввела забытые материалы (например, воспоминания Пыпина о диспуте, — ведь они были неизвестны со времени появления их в статье Ляцкого в «Голосе Минувшего» 1916 года). Библиография была составлена с использованием «Указателя» М. Н. Чернышевского и отредактирована Н. Ф. Бельчиковым.

Тексты для всех пяти томов готовились в музее по рукописям с восстановлением цензурных изъятий.

Тогда же было положено начало трехтомнику «Литературное наследие» по инициативе и при ближайшем участии старого большевика Николая Александровича Алексеева, который обратился с письмом к Н. К. Крупской и другим членам Коллегии Наркомпроса о подготовке к печати дневников, «Автобиографии» и переписки Н. Г. Чернышевского. Первый том «Литературного наследия» вышел в 1928 году.

«Автобиографию» готовил проф. Сергей Николаевич Чернов, собравший для комментариев огромный материал по истории старого Саратова. В это время были еще живы члены саратовской ученой архивной комиссии И. Я. Славин, А. А. Лебедев, А. А. Гераклитов, С. Д. Соколов, С. И. Быстров и другие. Сергей Николаевич использовал их рассказы и беседы. Использовал он также и беседы с Екатериной Николаевной Пыпиной и мои записи ее рассказов. Далекое не все было принято Н. А. Алексеевым из этих комментариев. Комментарий к дневникам взял на себя Н. А. Алексеев. Он дал подробный указатель имен, но без указания страниц, что очень затрудняло пользование книгой. Тексты писем уже были подготовлены М. Н. Чернышевским по подлинникам в музее.

Второй том (письма 40—60-х годов) был подготовлен А. П. Скафтымовым. Я была посредницей между ним и Алексеевым. Александр Павлович почти ежедневно занимался в музее. Никаких споров его работа не вызывала, не было жарких схваток с Н. А. Алексеевым, как у С. Н. Чернова. Но том получился разнобойный, потому что к переписке 60-х годов оказались приложенными в большом количестве жандармские документы, задержанные письма из Сибири и т. д., без всяких комментариев. Они просто были включены

ны Алексеевым как неизданный материал. У Николая Алексеевича была страстная жажда ознакомить читателя с неизвестным, неизданным Чернышевским. Комментарии к жандармским документам казались ему излишними.

Что касается третьего тома «Литературного наследия», для меня это был своего рода семинар по изучению астраханского периода жизни Н. Г. Чернышевского. Прежде всего я собственной рукой переписала все письма Николая Гавриловича этого времени. Самым трудным было определение многих никому не известных имен астраханских и саратовских знакомых Н. Г. и О. С. Чернышевских. Здесь на помощь пришла Екатерина Николаевна Пыпина, хорошо разбирающаяся в этом фамильном хозяйстве. Спрашивала я также маму, Елену Матвеевну. Свыше 10 примечаний было сделано, но, к большому моему сожалению, редакция тома указала все мои определения имен и фамилий в сводный указатель ко всем трем томам «Литературного наследия», и моя индивидуальная работа потонула в нем.

По материалам астраханских писем мною одновременно была написана статья «Чернышевский после сибирской ссылки», которую приняли в «Красную новь» 1928 года. Она почти целиком основана на новом неизданном материале. По окончании статьи я прочла ее А. П. Скафтымову и получила положительный отзыв.

Одновременно со статьей я подготовила еще заметку о статьях и отрывках статей Н. Г. Чернышевского астраханского периода, написанных, по-видимому, для приложения к переводу Вебера. Эта заметка пролежала у Н. А. Алексеева, он показывал ее К. М. Федорову и записал на полях карандашом замечания Федорова. Последний должен был хоть чем-нибудь оправдаться, потому что эти статьи были им брошены у квартирной хозяйки и спустя много лет куплены моим отцом у чужих людей.

Работа над астраханским томом «Литературного наследия» вдохновила меня еще на одну статью — «Из литературных отношений Н. Г. Чернышевского к И. И. Барышеву-Мясницкому». Эта статья была помещена в первом саратовском сборнике о Чернышевском в 1926 году.

Впоследствии тем интереснее было мне побывать в Астрахани, объехать и посетить все дома, где жил Николай Гаврилович, прочесть лекции о нем и в городе, и в колхозах, и на заводе «X лет Октября». Редактирование книги К. Ерымовского «Н. Г. Чернышевский в Астрахани» еще через не-

сколько лет, потом переписка с астраханцами в связи с книгой, подаренной Чернышевским врачу С. М. Попову, — все это составило как бы один целостный экскурс в определенный период жизни Чернышевского. Третий том «Литературного наследия» с 1925 года, когда я начала заниматься, положил начало этому спецкурсу, пройденному мною в течение жизни.

Огромная работа по составлению монографии о Чернышевском в юбилейном 1928 году была проделана Ю. М. Стекловым, использовавшим необозримое количество документов департамента полиции и III отделения. Сначала его статьи появились в журналах еще до 1928 года, затем они составили двухтомник большого формата.

Еще в гимназические годы я видела у отца книгу Ю. М. Стеклова о Чернышевском. Они были знакомы, но в доме у нас Стеклов не бывал.

Я познакомилась с ним в Москве. Он сам подошел, отрекомендовался и заговорил. Это было в 1927 году, когда я приехала в Москву из Ленинграда, только что отправив в Саратов последнюю часть архива из Академии наук.

— Пришлите мне это все сюда на дом. Я пишу монографию. Моя прежняя книга будет расширена. Я занимаюсь изучением документов. Теперь мне понадобятся рукописи и корректуры.

Что я могла на это ответить? — Передам о вашем желании.

По приезде в Саратов я получила письмо от Ю. М. Стеклова, в котором он повторял свою просьбу. На нее было отвечено отказом. Он исходил не только от меня лично. Стеклов обиделся и не преминул поднять руку на меня и на моего отца во втором томе своей монографии.

Столетие Н. Г. Чернышевского привлекло к музею внимание крупнейшего собирателя книжных и рукописных собраний Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (бывшего управделами Совета Народных Комиссаров при В. И. Ленине).

Имя В. Д. Бонч-Бруевича было мне известно еще с гимназических лет, когда отец говорил о нем по телефону и когда из нашей квартиры были отправлены кипы полного собрания сочинений Николая Гавриловича в книжный склад «Жизнь и Знание». «Бонч», «у Бонча» — гласили краткие записи отцовских записных книжек. Потом встретилось мне

это имя как составителя антологических сборников. До сих пор тепло вспоминаю о чтении их.

В. Д. Бонч-Бруевич обратился с письмом в Дом-музей, и с тех пор завязалась переписка, имевшая своим результатом сотрудничество работников музея в выпускаемых Владимиром Дмитриевичем сборниках «Звенья». В архиве музея оставалось еще столько неизданных или изуродованных цензурой статей, отдельных отрывков, мелких стихотворений и т. п., а до полного собрания сочинений было еще так далеко, что В. Д. Бонч-Бруевич взял на себя ознакомление советских читателей и ученых с этими материалами. У Владимира Дмитриевича был редкий дар общения с людьми и умения заинтересовать их работой, и они работали так же, как он — без усталости, с энтузиазмом, невзирая на скромность гонораров. Одновременно он собирал, собирал годами, десятками лет музейные ценности — автографы, рукописи, — и стал основателем и первым директором Государственного Литературного музея в Москве.

В шести сборниках «Звенья» были опубликованы обширные работы Чернышевского: «Борьба пап с императорами», «Упрек и оправдание», «Примечания к переводу «Фауста», «Грамматика», отрывок повести «Теория и практика», переписка с Н. В. Успенским и Д. А. Милютиним и другие материалы.

Личное знакомство с В. Д. Бонч-Бруевичем у нас состоялось, вероятно, в году 1934-м, когда я приехала в командировку, остановилась у Н. А. Алексеева и навестила Владимира Дмитриевича. Нашей встрече предшествовала довольно оживленная переписка с 1928 года. Я назвала ее именно так, и это поймет каждый, кто переписывался с этим удивительным человеком.

Владимир Дмитриевич был человеком огромного душевного диапазона. Это отразилось и на его переписке, и на личном общении с людьми. С ним можно было говорить и о самом серьезном в жизни, и о мелочах, и тогда мелочи оживали и превращались во что-то существенное.

С особенным вниманием относился Владимир Дмитриевич к моим записям воспоминаний бабушки Кати (Екатерины Николаевны Пылиной). Он считал, что это — первый опыт семейной хроники разночинцев и что это нужно опубликовать. Специально для «Звеньев» я подготовила извлечение из этих записей под названием «Саратовские годы Чернышевского» с вступительной заметкой и примечаниями. Но

«Звенья» прекратили свое существование, и рукопись была возвращена. Однако Владимир Дмитриевич не сложил оружия. Он сообщил мне по телефону, когда я находилась у Алексеевых: «Я уезжаю и не могу сам ничего сделать, но очень прошу вас достать из ЦГАЛИ рукопись ваших записей бабушки Пыпиной, скопировать их и прислать мне. Я обязательно устрою их в печать». В это время я так была перегружена другими литературными делами, что выполнить этого поручения просто физически не смогла. Только маленькие отрывки попали в двухтомник «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» лет через десять.

Когда В. Д. Бонч-Бруевич сразу после юбилея 1928 года завязал со мной переписку и заинтересовался подготовкой к печати неизданных текстов Чернышевского, мне нужно было подготовить себя как текстолога и источниковеда. В руки мне попала инструкция С. Н. Валка о подготовке к печати полного собрания сочинений В. И. Ленина. Помнится, когда я стала работать по его инструкции, я сразу почувствовала под собой твердую почву, имея дело с неизданными статьями Николая Гавриловича, где надо было разобраться и в редакторской правке, и в особенностях почерка, и в зачеркнутых строках.

Помню, с какой радостью известил меня Владимир Дмитриевич об основании Государственного Литературного музея. Я была на первой его экспозиции вскоре после открытия. Над нашими музеями главенствовало одно и то же лицо и притом такое драгоценное, как Надежда Константиновна Крупская. При ее поддержке директор Гослитмузея дал мне возможность проводить научную и библиографическую работу в богатых книжных фондах Саратова, — иными словами, я получила так называемую «внутреннюю командировку» на 3 месяца, сопровождающуюся денежной субсидией. Тогда я писала «Летопись жизни», библиографию сочинений Чернышевского, библиографию о нем вообще, и мне нужно было просматривать и старые, и новые журналы в Научной библиотеке университета, Педагогического института и Комвуза. Я не только занималась в Фундаментальной, как ее тогда называли, библиотеке университета, но через нее выписывала нужные издания по межбиблиотечному абонементу. Надо было исчерпать саратовский запас для того, чтобы высылать, какие недостающие журналы остались для командировок в Москву и Ленинград.

Юбилей Н. Г. Чернышевского был широко отмечен в Са-

ратове. С первых же дней поступления в музей архива шестидесятых годов из Академии наук здесь образовалось ядро научных сил университета и педагогического института. Было решено подготовить сборник с участием музея. Этому предшествовало оживление деятельности общества ИстАрхЭт. Так называлась после революции старая Ученая Архивная Комиссия: общество Истории, Археологии и Этнографии, потом это название было изменено на «Общество Краеведения». Одиннадцать докладов было сделано в Обществе саратовскими краеведами, историками и литературоведами совместно с работниками музея, после чего можно было комплектовать саратовские сборники памяти Чернышевского. Их было три.

В 1926-м году вышел сборник под названием: «Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания». (Саратов. Издание Нижне-Волжского областного научного общества Краеведения). Редактором сборника официально был указан П. С. Рыков, но фактически сборник готовился автором этих строк в музее под руководством А. П. Скафтымова, с которым подбирались материалы, обсуждались статьи, велась редакторская работа.

Второй сборник вышел в 1928 году. Он назывался: «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи/Под общей редакцией проф. С. З. Каценбогена». Издание этого сборника было предпринято саратовской юбилейной комиссией, которая делилась на ряд подкомиссий, и редакционная подкомиссия готовила материал. Председателем Комиссии был тов. Бройдо (организатор Лякбеза в Саратове), а председателем редакционной подкомиссии Александр Павлович Скафтымов, у которого я работала секретарем. В сборник вошли большею частью доклады, читанные предварительно в обществе Краеведения. К сожалению, редактор Каценбоген поручил наблюдение за последними шагами сборника не литературоведу или историку, а медицинскому студенту. Медик вызвал меня, как секретаря редколлегии, править корректуру последней части сборника («Описание рукописей Н. Г. Чернышевского»), и я исправляла бесконечные описки и ошибки в строках, набравшихся в лихорадочной спешке. Из наиболее интересных материалов сборника хочется отметить статьи А. П. Скафтымова «Чернышевский и Жорж Санд» и «Повесть «Отблески сияния» в сибирской беллетристике Чернышевского». Музей дал неизданный архивный материал «Н. Г. Чернышев-

ский в Алексеевском равелине» и воспоминания Н. Д. Новицкого «О Введенском, Чернышевском и Сераковском». Сюда вошла также вторая часть «Мелких рассказов» Чернышевского, подготовленных к печати А. П. Скафтымовым.

Третьим был небольшой сборник под названием «К юбилею Чернышевского». Он был предназначен для использования в культмассовой работе. Туда вошли избранные мысли Чернышевского, подбор материалов для программ художественных вечеров и спектаклей, посвященных его памяти, отрывков из пьесы «Во имя свободы» и т. п.

Из неизданных материалов этого сборника нужно отметить список любимых стихотворений Некрасова по составленному Чернышевским списку в Петропавловской крепости. Этот список как неизданный был опубликован М. И. Перпер в одном из журналов более чем через 30 лет. При личном свидании ей было указано на это. Нашего сборничка она никогда не видала.

Во всех журналах, как толстых, так и тонких, были помещены отклики на юбилей 1928 года. С этих пор началась связь Дома-музея с журналом «Каторга и ссылка», продолжавшаяся много лет при первом редакторе Борисе Павловиче Козьмине, с участием Николая Александровича Алексева. Были опубликованы неизданные материалы (письма арестованных студентов-шестидесятников, заметка Виташевского о высказывании Чернышевского о Марксе, запись П. А. Ровинского о поездке в Сибирь с целью освобождения Чернышевского, письма к А. Ф. Раеву, Михайлову и др.). Новые материалы были опубликованы в таких журналах, как «Литература и марксизм» (тексты Чернышевского), «Красная повесть» (документы астраханского периода его жизни) и других.

В 1929 году в Саратове было организовано Общество Литературоведения. Председателем его был приехавший из Ленинграда профессор Владимир Владимирович Буш, секретарем фольклористка Александра Николаевна Лозанова, окончившая Саратовский университет. Общество выпустило два сборника под названием «Литературные беседы». Эти сборники, по существу, были юбилейными, так как в них были помещены материалы, подготовленные тогда же в музее. Одна из моих статей была посвящена музейной иконографии: «Портреты Чернышевского» (1929), вторая и последняя — библиография воспоминаний о Чернышевском (1930).

В. В. Буш уехал в Ленинград, где вскоре скончался, и общество прекратило издательскую деятельность.

Очень скоро после юбилея Николаем Александровичем Алексеевым была дважды опубликована новая (черновая) редакция текста романа «Что делать?», обнаруженная им в жандармском архиве Петропавловской крепости. Она была написана шифром и расшифрована Николаем Александровичем. В 1929 году вышло подряд два издания этой книги. К ней Николай Александрович предпослал в виде приложения отрывок из записи Н. Г. Чернышевского в альбом Ольги Сократовны, начиная словами: «Женщина должна быть равна с мужчиною». Эта редакция романа потом вошла в одиннадцатый том полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского (1939).

Роман «Повести в повести» был подготовлен по рукописному списку М. Н. Чернышевского Н. А. Алексеевым и появился в издательстве Политкаторжан².

Остается сказать еще о дневниках Н. Г. Чернышевского, опубликованных издательством Политкаторжан в расшифровке Н. А. Алексеева. Первоначально они были расшифрованы Михаилом Николаевичем Чернышевским. Дневник 1853 года вошел в полное собрание сочинений 1906 года, а студенческие дневники 1848—1850 годов были обнаружены после смерти А. Н. Пыпина в его архиве и еще не были расшифрованы. Работа над ними проводилась Михаилом Николаевичем в Саратове и была закончена им незадолго до смерти.

Н. А. Алексеев изучил шифр Чернышевского по текстам Михаила Николаевича, пересмотрел, дополнил, исправил и заново издал Дневник. В приложениях к нему Н. А. Алексеев дал целый ряд неизданных материалов из семейного архива Пыпиных и Чернышевских, письма к М. И. Михайлову и повесть «Теория и практика». Все это было извлечено из архива музея. Дневник вышел в 2-х томах. По просьбе Николая Александровича я выполнила для одного из этих томов описание ученических рукописей Н. Г. Чернышевского 1835—1840-х годов. Оно было использовано академиком И. Крачковским.

Наконец последнее, о чем нужно вспомнить, говоря о столетнем юбилее Чернышевского — это «Летопись жизни и дея-

² Имеется в виду Издательство Всесоюзного Общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

тельности» (1933). Она предполагалась к опубликованию в последнем томе избранных сочинений, предпринятых Коммунистической академией. Предполагался вообще библиографический том, но он не состоялся, так как все издание задержалось, ввиду смены сотрудников (А. В. Луначарский, П. А. Щелканов, В. В. Буш...). Библиографические работы вышли или отдельными изданиями, или в сборниках и Ученых трудах Саратовского университета, а некоторые дожили до выхода полного собрания сочинений и вошли в него.

Дополнительно следует остановиться на 1935 году, когда было положено начало подготовке полного собрания сочинений, предполагавшегося к изданию в связи с предстоящим 50-летием со дня смерти Н. Г. Чернышевского в 1939 году. Этот новый юбилей в свою очередь вызвал к жизни целый ряд новых изданий при участии Дома-музея. Однако накануне 1935 года вышла книга, мимо которой нельзя пройти потому, что начало работы над ней тоже относится к более раннему времени и потому, что подготовка ее была начата еще при жизни А. В. Луначарского, который с большим интересом относился к новому, подлинному, «нашему советскому» Чернышевскому. Ему так хотелось скорее снять цензурные цепи с его имени. Я говорю об одномотнике (ГИХЛ, 1934), редактируемом Н. В. Богословским, посредником между Луначарским и музеем.

Поскольку мне пришлось принять участие во всех изданиях, упомянутых выше, я сочла необходимым дать хоть краткий комментарий к переписке, которая сохраняется в моем архиве, тем более, что библиография всех этих работ уже составлена мною для Научной библиотеки Саратовского университета и передана ей, и здесь не было смысла ее повторять. Мною рассказано о том, что почти никому не известно или не памятно в наши дни, особенно в связи с уходом из жизни Александра Павловича Скафтымова. Он больше, чем кто-либо другой помнил бы: на его глазах проходила вся работа, проводившаяся в Доме-музее Чернышевского. И он сам принимал в ней многолетнее и плодотворное участие.

Все, о чем рассказано мною выше, можно назвать первыми ласточками в издании новооткрытого Чернышевского. До появления в свет полного собрания его сочинений все эти работы служили необходимым первоисточником для разностороннего изучения его жизни и творчества. Одновременно из разных городов приезжали люди заниматься и над самим

архивом, хранящимся в музее, где оставалось еще много неизданного.

Свыше 30 диссертаций было подготовлено в музее по данным, собранным мною в 1944 году для музейной конференции в Орле, устраивавшейся Наркомпросом. Можно себе представить, сколько их было добавлено до 1953-го года, когда закончилось издание 16-го тома сочинений Чернышевского.

М. Д. ЭЛЬЗОН

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ С А. Г. ФОМИНЫМ в 1910—1935 годы

Библиографическая деятельность занимала важное место в «трудах и днях» семьи Чернышевских. Перу О. С. Чернышевской принадлежала первая роспись «Современника» за 1847—1856 (1857). М. Н. Чернышевский, чьи заслуги в сохранении и пропаганде литературного наследия великого революционера-демократа несомненны, был автором значительных указателей литературы о Чернышевском. Наиболее весом вклад Н. М. Чернышевской — составительницы «Библиографии воспоминаний о Н. Г. Чернышевском», «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского».

Несомненный интерес представляют письма М. Н. и Н. М. Чернышевских к А. Г. Фомину (1887—1939) — видному советскому библиографу-литературоведу, составителю ряда ценных библиографических трудов, сыгравшему большую роль в разработке теории и методики библиографии.

Письма публикуются по подлинникам, находящимся в архиве А. Г. Фомина: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (ИРЛИ), ф. 568, оп. 2, №№ 559—561.

За сообщение сведений о материалах, находящихся в личном архиве Н. М. Чернышевской, приношу глубокую благодарность Вере Самсоновне Чернышевской.

1. Письма М. Н. Чернышевского к А. Г. Фомину

Знакомство с младшим сыном Чернышевского произошло у А. Г. Фомина в ту пору, когда он, будучи студентом исто-

рико-филологического факультета Петербургского университета и активным сотрудником «Исторического вестника», получил задание написать для журнала большую статью о Н. Г. Чернышевском. Легко понять состояние двадцатилетнего юноши, когда он, обратясь за помощью к М. Н. Чернышевскому, получил от него в дар подготовленное Михаилом Николаевичем полное собрание сочинений отца. Судя по содержанию статьи «Н. Г. Чернышевский и его значение в истории русской общественной мысли»¹, это издание было внимательнейшим образом им изучено и попутно подвергнуто критическому анализу (основное внимание автора было обращено на проблему мировоззрения Чернышевского). Спустя три года А. Г. Фомин опубликовал в этом же журнале рецензию на «Библиографический указатель статей о Н. Г. Чернышевском и его сочинениях» (1909, которую начал словами: «Родственники наших писателей в большинстве случаев относятся индифферентно к их памяти, не только не заботятся о хорошем издании их сочинений, о собирании материалов для биографии, но даже не заботятся о сохранении рукописей, писем. Редким исключением является сын Чернышевского, Михаил Николаевич: он с большой любовью относится к памяти своего отца, к изданию его сочинений, трудится над собиранием материалов об отце, облегчая изучение его личности, жизни и деятельности. Несомненно, громадную услугу исследователям оказал сын Чернышевского, выпустив обширный библиографический указатель литературы об отце, составленный с большой любовью и старанием»²). Далее были перечислены замеченные пропуски.

Публикуемые письма М. Н. Чернышевского подтверждают эту оценку и, в частности, свидетельствуют о том, с какой любовью и старанием Михаил Николаевич относился к своей миссии собирателя и пропагандиста литературного наследия отца.

¹ Ист. вестн., 1907, №№ 5—6; см. также: Денисюк Н. Критическая литература о произведениях Н. Г. Чернышевского. М., 1908, выд. 1, с. 106—149.

² Там же, 1910, № 4, с. 351—352. Подп.: А. Ф-и.

16 апр. 1910

Многоуважаемый Александр Григорьевич.

Благодарю Вас за присылку Вашего похвального отзыва о моем указателе. Он действительно требует переделки и нового издания. Все, что до сих пор сделано в этом направлении, все это была, так сказать, черновая работа. Надеюсь выпустить в начале будущего года новое исправленное и очень дополненное издание указателя, который будет началом уже чистой работы — исправлять и пополнять его будет уже гораздо легче и проще, чем до сих пор.

Очень рад, что Вы продолжаете трудиться над моим отцом³. Наиболее верны по фактическим данным статьи Дяцкого как составляемые по данным и точным датам нашего семейного архива, а также Русанова, который теперь работает по подлинной переписке моего отца и по моим заметкам. Из прежних статей заслуживает серьезного внимания статья Токарского в «Русской мысли» 1909, № 2.

Если бы у Вас встретились какие-либо вопросы при Вашей работе — я всегда к Вашим услугам. Теперь, после паша, я ненадолго уезжаю по делам службы, но вернусь около 5 мая и тогда буду рад Вас видеть. Застать меня можно утром до 11—11¹/₂, а вечером около 7 ч.

Искренно уважающий Вас
Мих. Чернышевский⁵.

³ Возможно, имеется в виду неопубликованное исследование А. Г. Фомина по истории русской педагогической мысли, где наследию Чернышевского уделено одно из центральных мест.

⁴ См. статьи: Дяцкий Е. А. Н. Г. Чернышевский в университете; Он же, Н. Г. Чернышевский и Ш. Фурье; Он же, Н. Г. Чернышевский и И. И. Введенский (Современный мир 1908—1910); Русанов Н. С. Чернышевский в Сибири (по неизданным письмам и семейному архиву). — Русское богатство, 1910, №№ 3—7; воспоминания А. А. Токарского (впоследствии неоднократно перепечатывались).

⁵ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 561, лл. 1—1об.

СПб

22 февр. 1911

Многоуважаемый Александр Григорьевич.

Позвольте преподнести Вам 2-ое издание моей книжки «О Чернышевском. — Библиография 1854—1910»⁶. Как видите, она сильно выросла по сравнению с 1-м изд. и теперь уже является не брошюрой, а почти целой книгой, имеющей право занять место в ряду изданий, выпущенных ко дню 19 февраля. Конечно, и теперь в ней найдутся пропуски (без этого невозможно), но уже не такие крупные, как в первом издании. Во всяком случае, я положил на нее много труда и старания и любви.

Искренно уважающий Вас
Мих. Чернышевский

Б. Зеленина, д. 9, кв. 26⁷

СПб

25/II 1911

Многоуважаемый Александр Григорьевич.

Благодарю Вас очень за присылку Вашей статьи из «Русской школы»⁸. Вот Вы сразу и укололи меня: этой статьи нет в моем указателе. Очень жалею об этом, но что ж делать? Каюсь — а повинную голову и меч не сечет. Тем более, что этому мечу пришлось бы немножко задеть и Вашу голову: ну, что бы Вам прислать мне эту статью раньше? Она бы уж давно заняла свое место в моем собрании статей и всяких заметок об отце.

Искренно уважающий Вас
Мих. Чернышевский⁹

⁶ Библиотека А. Г. Фомина была распродана вскоре после его смерти. Настоящее местонахождение указателя, равно как упоминавшегося издания сочинений Н. Г. Чернышевского, неизвестно.

⁷ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 561, л. 4.

⁸ В указателе М. Н. Чернышевского учтены все работы А. Г. Фомина по данной теме. В «Русской школе» такой статьи не было.

⁹ Там же, ф. 568, оп. 2, № 561, л. 7.

II. Письма Н. М. Чернышевской к А. Г. Фомину

Уже на закате жизни Нина Михайловна Чернышевская писала: «Теперь чувствую признательность к отцу за то, что он так обласкал человека-невидимку моих гимназических лет»¹⁰. Эти слова — об А. Г. Фомине, «дорогом учителе», фактически руководившем библиографическими работами Н. М. Чернышевской тридцатых годов.

В архиве А. Г. Фомина сохранилось 24 письма Н. М. Чернышевской. Первое датировано 29 января 1929 г., последнее — 28 февраля 1935 г. Они представляют несомненный интерес для исследования проблемы «Библиографическая деятельность Н. М. Чернышевской», поскольку содержат ценные суждения о библиографии, позволяют реконструировать творческую историю наиболее значительного труда — «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», существенно дополняют печатные воспоминания об А. Г. Фомине¹¹.

Некоторые из них — полностью или в отрывках — публикуются ниже.

1

(22 марта 1929 г.)

...Вашу библиографию о Пушкине я жду, как Пушкин ждал Лейлы¹². Она была бы ценнейшим пособием мне в работе, была бы моей настольной книгой. Я советовалась бы с ней в минуты сомнений как с последним словом библиографической науки и любила бы, кажется, больше, чем родных детей. Не откажите сообщить, скоро ли она выйдет.

У (В. А.) Сушицкого я увидела подаренную Вами книжечку «Библиография» — программа, изданная Вами на правах рукописи¹³. Оттуда я уже извлекла некоторые прямо драгоценные сведения. Если бы у вас оказался свободный экземпляр этой книжечки, я бы очень просила Вас прислать мне ее...¹⁴

¹⁰ Литературные друзья и знакомые отца (см.: Чернышевская Н. Из рассказов о Чернышевском. — Волга, 1971, № 10, с. 174).

¹¹ См. также письмо Н. М. Чернышевской к С. И. Быстрову от 19 января 1929 г., написанное в день знакомства с А. Г. Фоминим, и от 4 февраля т. г. (архив Н. М. Чернышевской).

¹² Парафраз из «Заклинанья» («Я тебя зову, я жду Лейлы»).

¹³ См.: Фомина А. Г. Библиография. Программа. Л., 1926.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 559, лл. 4 об. — 5.

5/VII 1929. Саратов

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Сердечно благодарю Вас за присылку мне Вашей статьи «Методы составления библиографических указателей»¹⁵, а также за Вашу добрую надпись на оттиске¹⁶. Перечитываю эту статью с исключительным интересом и вниманием, сожалея, что она слишком скромна по объему (...).

...Я глубоко ценю и благодарю Вас за Вашу поддержку в деле, которое в настоящее время является для меня самым важным на свете...¹⁷.

18/II 1930. Саратов

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Горячо благодарю Вас за присылку мне Ваших книг: «Пушкиниана» и «Аннотации»¹⁸. Пользование ими должно ускорить во много раз ход моей работы по библиографии Н. Г. Чернышевского. В пределах месяца надеюсь, пользуясь Вашим любезным предложением, выслать Вам на просмотр рукопись (или большую ее часть) библиографии воспоминаний о Чернышевском, с просьбой о самом безжалостном обращении с нею Вашего карандаша.

Надеюсь, что Вы уже оправились от Вашего длительного нездоровья¹⁹. От души желаю Вам всего доброго.

Преданная Вам Н. Чернышевская-Быстрова²⁰

12/III 1930. Саратов

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам заказной бандеролью часть своей библиографической работы (образцы «Библиографии воспоминаний о Н. Г. Чернышевском») вместе с листками описания методов работы и неразрешенных

¹⁵ См. в кн.: Книга о книге. Л., 1929, вып. 2, с. 173—192. См. также: Фомин А. Г. Избранное. М., 1975, с. 35—50.

¹⁶ Сохранилась фотокопия первой страницы оттиска с текстом дарственной: «Многоуважаемой Нине Михайловне Чернышевской-Быстровой в знак большого интереса в составлении ею библиографии Н. Г. Чернышевского от А. Г. Фомина» (архив Н. М. Чернышевской).

¹⁷ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 559, лл. 10—10 об.

¹⁸ См.: Фомин А. Г. Puschkiniana. 1900—1910. Л., 1929; Аннотации. Л., 1929.

¹⁹ А. Г. Фомин был болен туберкулезом.

²⁰ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 559, лл. 16—16 об.

вопросов, с которыми обращаюсь к Вашему любезному содействию. Не откажите, следуя Вашему доброму предложению еще с прошлого года, просмотреть присланное и вернуть мне его с Вашим отзывом; прошу Ваш карандаш совершенно не стесняться в деле изменения вида рукописи.

Меня смущает то обстоятельство, что работа моя не сможет считаться полной и исчерпывающей, во-первых, потому, что до сих пор я не могла провести систематического просмотра дореволюционных журналов, а во-вторых, потому, что в описании газет будет допущена неполнота, потому что я не имела возможности сверить в центральных хранилищах на номера и даты. Не хотелось бы давать такой работы в печать, но, с одной стороны — торопит Влад. Влад. Буш, с другой стороны — жизнь не ждет, нельзя засиживаться, лучше дать сейчас то, что есть, чем еще год просматривать журналы, в которых (99% шансов) — не найдешь, пожалуй, больше ничего. Влад. Влад. хочет поместить эту работу в выпуске 2-м «Литературных бесед» и дал мне 2 недели сроку, чтобы я успела отправить Вам свои образцы и дальше закончила работу по Вашим указаниям (...).

Буду очень, очень признательна Вам за поддержку и указания. Простите, что затрудняю Вас и отнимаю время своим делом.

Искренно преданная Вам
Н. Чернышевская-Быстрова²¹

5

22/III 1930. Саратов

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Меня все беспокоит стержневой пункт моей библиографии воспоминаний: принцип отбора материала. Достаточно ли ясно и четко он выражен? Мне хотелось бы дать название «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях и отзывах современников.— Библиографический указатель». Под отзывом я разумею характеристику Ч., данную, напр., Салтыковым и др. современниками, но не отзывы, напр., о сочинениях Ч. (переписка Тургенева, Боткина, Панаева), вследствие чего в письмах мне хочется сделать особенно строгий отбор. Письма Добролюбова — это отзыв — характеристика Ч-го; письма вышеприведенных современников — уже приближаются к

²¹ Там же, ф. 568, оп. 2, № 559, лл. 19—20.

критике, к литературе, и должны скорее войти в отделы литературной деятельности общей библиографии о Ч.

Простите, что опять затрудняю Вас, отнимая время на беседу о моей библиографии, но мне очень ценно было бы услышать Ваше мнение по этому вопросу.

Глубоко Вас уважающая
Н. Чернышевская-Быстрова²²

6

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Как меня обрадовало Ваше письмо с извещением о получении библиографии воспоминаний о Чернышевском!²³ Я с таким страхом ожидала Вашего окончательного суждения о ней. Не могу еще раз не выразить своей признательности Вам за доброе содействие этой работе, которая без него не появилась бы в свет, так как создавалась в слишком тяжелых условиях. Конечно, со стороны типографского оформления она далеко уступает Вашим, классическим во всех отношениях, работам, и я позволю себе остановиться сейчас на некоторых моментах ее печатания, чтобы Вы, перелистывая книгу, были осведомлены и об этой стороне дела (...).

Надеюсь, что Ваше здоровье, глубокоуважаемый Александр Григорьевич, теперь восстановилось, и Вы больше не страдаете, как весной, когда я была у Вас. Тогда у нас, помню, был разговор о «Летописи жизни Чернышевского», и Вы посоветовали мне обратить внимание на летопись жизни, если не ошибаюсь, Гоголя²⁴. В тот момент я запомнила автора этой летописи и довольно долго носила его в памяти, но сразу не записала, и теперь расплачиваюсь за это. Не будете ли Вы добры еще раз дать мне эту справку: я как раз сейчас

²² Там же, лл. 25—25 об. В архиве А. Г. Фомина сохранились «Замечания (...) о методах составления «Библиографии воспоминаний о Н. Г. Чернышевском», приготовленной к печати Н. М. Чернышевской-Быстровой» (май 1930; там же, ф. 568, оп. 1, № 36, лл. 36—44).

²³ Возможно, имеется в виду письмо А. Г. Фомина от 2 апреля 1930 г., в котором он сообщал, что указатель произвел на него «прекрасное впечатление», отметил наличие у корреспондентки «всех данных хорошего библиографа», в т. ч. «аккуратность, точность» (архив Н. М. Чернышевской).

²⁴ См.: «Опыт хронологической канвы к биографии Гоголя», составленный А. И. Кирпичниковым и опубликованный в т. 1 собрания сочинений писателя, вышедшего под его редакцией (изд. И. Д. Сытина, 1902).

сиду над «Летописью», посвящаю ей все свободные минутки и с трепетом жду момента, когда, наконец, смогу, пользуясь Вашим любезным разрешением, опять послать Вам ее или целиком в рукописи, или в виде перечня основных принципов работы, — как Вам будет удобнее. Эта работа, по-моему, труднее библиографии в методологическом отношении, если говорить о ней как о построенной на строго научной основе. По библиографии имеются прекрасные руководства, по летописи жизни писателя их нет, — существуют лишь конкретные образцы таких работ, посвященных определенным писателям. Хоть бы появилась в печати статья, посвященная их обзору и тщательному разбору, — тут можно было бы поучиться. Пока меня не удовлетворяет ни одна из «летописей», опубликованных в прошлом, так же, как и мое собственное детище, несмотря на то, что оно уже имеет законченную нумерацию и 6 «нянек» — указателей, которые предназначены служить ему. Так вот двигаешь, двигаешь работу, и кажется, она приближается к концу, а удовлетворения нет, и как-то мучаешься за нее — не переделать ли опять все сначала... Вы знаете, сколько раз, начиная с 1925 года, я переписывала и переделывала библиографию воспоминаний о Чернышевском? — 5 раз. Это смешно, но факт. Теперь третий раз пишу «Летопись», а за плечами стоит и смеется «Библиография сочинений Чернышевского», тоже уже написанная, но, вероятно, требующая новой переделки. Прямо не знаю, когда, наконец, приведу их в должный порядок. Вероятно — никогда, так как и после напечатания работа не всегда удовлетворяет автора.

Простите, что отнимаю у Вас время таким длинным и неинтересным письмом, но очень уж захотелось высказаться после Вашего хорошего и как всегда сердечного ответа на мою посылку. Если бы Вы не отказались теперь поддержать меня в работе над «Летописью», я была бы несказанно благодарна Вам. А уж если бы Вы написали методологическую статью о «летописях» вообще — это был бы ценный вклад в литературу вопроса²⁵. Пожалуйста, ответьте на это, меня это глубоко интересует.

Искренно Вас уважающая
Н. Чернышевская-Быстрова

²⁵ Такой статьи А. Г. Фомин не написал.

11/1 1931. Саратов
Чернышевская, 142

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Очень мне совестно отнимать у Вас время, но опять должна побеспокоить Вас просьбой о просмотре посылаемой Вам одновременно с этим письмом рукописи «Летопись жизни Н. Г. Чернышевского». Вместе с нею посылается: предисловие к ней, список источников, указатель личных имен русских (начало, остальное еще не отдано в переписку), указатель сочинений Н. Г. Чернышевского. Решаюсь послать работу на этой стадии развития, потому что последнее время мне стало как-то особенно тяжело продолжать ее в своих глухих четырех стенах: мне совершенно не с кем посоветоваться о ней в Саратове. Об этой работе знают в Москве и в прошлом году мне предлагали напечатать ее в Саратове. Но я пока нарочно не связываю себя никакими спешными сроками, чтобы как можно тщательнее проделать ее. Ведь иногда по несколько дней бьешься над каким-нибудь противоречием в датах, притом не всегда легко бывает сразу получить требуемую периодическую литературу в Саратове. Работа над летописью начата в конце 1926 г., а только осенью 1930-го я смогла еще раз проверить все даты по источникам и приняться за указатели. И сейчас еще есть некоторые неразрешенные места, напр., второй побег Лопатина 1872 г. — разноречие в источниках (в «Мин. годах», 1908, III и сб. «Г. А. Лопатин» под ред. А. А. Шилова) заставило обратиться в об-во политкаторжан, но ответа от них пока не имеется.

Об отсутствии спешных сроков я пишу для того, чтобы и Вы не чувствовали себя связанным в просмотре рукописи. Хотя, не скрою, хотелось бы через месяц получить Ваш отзыв, чтобы иметь возможность закончить ее и, если Вы найдете ее удобопечатаемой, — поднять этот вопрос в центре уже поэнергичнее. Итак, если Вы ничего не имеете против, я просила бы возвратить мне рукопись через месяц с Вашим отзывом. Еще раз простите за доставляемое Вам беспокойство.

²⁶ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 559, лл. 27—30 об.

Может быть, работа никуда не годится, а отвлечет Вас от нужных дел.

Будьте здоровы и благополучны.

Преданная Вам Н. Чернышевская-Быстрова ²⁷

8

16/II 1931

Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Месяц тому назад мне пришлось побеспокоить Вас присылкой своей рукописи «Летопись жизни Чернышевского», которую я просила Вас просмотреть. Не имея от Вас вестей за это время, решаюсь еще раз напомнить Вам о себе, хотя мне и очень неловко, что обременила Вас лишним грузом. Очень хотелось бы мне посоветоваться об этой работе и с А. А. Шиловым, но, к сожалению, наше знакомство с ним так и не состоялось. Все же, если можно, и если А. А. не отказался бы, я бы очень просила Вас об этом одолжении: указать недостатки работы в историко-революционной ее части, по его мнению, если бы А. А. был так любезен, что проглядел бы эти страницы.

Мне рекомендуют начинать переговоры с Москвой об издании этой работы: время более или менее благоприятное. Поэтому я очень просила бы Вас написать мне хотя бы сначала о том, много ли потребуется в ней переделок. Хотелось бы ускорить ее печатание.

Еще раз простите за беспокойство. Надеюсь, что Вы здоровы и благополучны.

Глубоко уважающая Вас
Н. Чернышевская-Быстрова ²⁸

9

24.IV.31. Саратов

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Григорьевич!

Три дня тому назад я получила обратно свою рукопись. Письмо Ваше пришло значительно ранее. Очень благодарна Вам за столь внимательное отношение к моей работе. Ваши

²⁷ Там же, ф. 568, оп. 2, № 560, лл. 1—2.

²⁸ Там же, ф. 568, оп. 2, № 560, л. 4.

замечания я впитывала (иначе нельзя выразиться) с такой же жадностью, с какою путник в пустыне набрасывается на питье после долгих дней жажды. Все Ваши советы будут приняты мною во внимание. Особенно благодарна Вам за замечание к стр. 22 предисловия и §§ 2, 5, 6 и 7 замечаний к самой «Летописи».

Теперь разрешите ответить на некоторые замечания. В § 8 замечаний к «Летописи» Вы выражаете сомнение в принадлежности Н. Г. Ч.-му статьи о Кольцове. Этой заметки, действительно, нет в полном собрании сочинений Ч., но она была обнаружена мною в рукописи, хранящейся в архиве Музея Чернышевского и сверена с «Современником»²⁹. Таких заметок Ч.-го было обнаружено мною в этих рукописях и внесено в библиографию сочинений, а оттуда в «Летопись», — до 20-ти.

Что касается указателя имен, то мне просто совестно, что я его послала Вам, он был еще совершенно не отделан и вправе заслужить еще не такую критику.

В общем, как всегда, — после личной ли беседы с Вами или письменного обмена мыслями, — по получении Ваших указаний мне опять так хочется работать и привести «Летопись» к концу. Большое, большое спасибо Вам за то, что Вы, несмотря на серьезное недомогание, потратили столько времени на просмотр моей работы.

А. А. Шилову пишу одновременно. На-днях послала ему «Библиографию воспоминаний о Чернышевском». Жаль, что не могу лично поговорить с ним о его замечаниях: кое-что в них неясно. И не совсем легко сейчас мне воспользоваться ими за невозможностью ехать в Москву работать в Ленинском ин-те над рукописью Татищева³⁰. Но все же я с благодарностью приму к сведению указания А. А. (...)

Пожалуйста, больше не хворайте так жестоко и хорошенько поправляйтесь где-нибудь подальше от Ленинграда, дорогой Александр Григорьевич.

Преданная Вам
Н. Чернышевская-Быстрова³¹

²⁹ Имеется в виду анонимная рецензия на сборник стихотворений Кольцова 1856 г. (Современник, 1856, № 5).

³⁰ В обоих изданиях «Летописи» (списки просмотренной литературы) данный источник не значится.

³¹ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 560, лл. 5—6 об.

13/X 1933. Саратов

Дорогой Александр Григорьевич!

Прежде всего прошу у Вас прощения за то, что сразу не ответила на Ваше письмо по поводу присылки моей книги, несмотря на то, что это письмо тронуло меня больше всех остальных, полученных в связи с появлением этой книги³². Мне сразу же стало до того хорошо после Вашего письма, что я несколько дней ходила под впечатлением его и хотела ответить как следует, а не впопыхах. Именно поэтому и произошло замедление в ответе и получилось, что я заплатила за Вашу сердечность непростительной грубостью (...)

Теперь о «недостатках» моей работы. Главным недостатком признано то, что указатель исторических событий был выделен особо. Я не считала этого особенным грехом, имея в виду, что и при сочинениях Ленина даются раздельно вехи его жизни и события в России. Конечно, лучше было бы дать общественно-политические факты в контексте летописи жизни Чернышевского, как и было у меня дано первоначально, когда я отправляла Вам рукопись. К сожалению, я, после получения отзывов Вашего и А. А. Шилова, не смогла получить от него списка источников по истории революционного движения в России, хотя и просила его об этом после любезно выраженной им в отзыве готовности прислать его. Командировка же моя в Лгр. была невозможна. Оставалось или обречь рукопись на бесконечное лежание под спудом, или как-то изменить ее. Я, сильно скрепя сердце, изменила в том смысле, что вырезала все общ.-пол. факты и дала их в отдельном указателе без ссылок на источники, только с приложением списка справочной литературы. Особенно тщательно было проработано по Марксу и Энгельсу рев. движение 48 года как иллюстрация к «Дневнику» Ч. Оба эти указателя (по Зап. Европе и по России) сначала были отпечатаны, присылались в корректуре, а в последнюю минуту были изъяты. Все равно, если бы они и были напечатаны, это было бы не то, чего бы мне хотелось. Второй недостаток — дробность

³² См. письмо А. Г. Фомина от 2/IX 1933: «Говорю совершенно искренно: да будет Вам слава! Вы достойно носите фамилию Чернышевская. Вы — единственная из родственников крупных русских писателей, избравшая самый прекрасный жизненный путь — создание работ о том, к роду которого принадлежите...» (архив Н. М. Чернышевской).

указателей. С этим я не согласна, п. ч. необходимо было, во-первых, выделить русские от иностранных, ввиду объема последних, чтобы не получилась мешанина в алфавите; затем, нельзя было не отделить соч. самого Ч. от соч. других авторов,— ведь указатель Ч: 1) имеет самостоят. значение как первый алфавитник к его произведениям; 2) не должен смешиваться в названиях с соч. других лиц, которые (названия) часто совпадают, напр., «Стихотворения Кольцова» и т. д. В данных случаях требования издательств диктуются прежде всего экономическими соображениями в узком смысле, в ущерб научной четкости³³.

11

5/IV 1934. Саратов.

Дорогой Александр Григорьевич!

Сердечно благодарю Вас за присылку мне Вашей новой книги, которая доставила мне большую радость: так отрадно держать в руках первоклассную работу, по которой можно учиться, так приятно за литературоведение, обогатившееся таким ценным вкладом, и, наконец, дорого знать, что Ваши силы и Ваше здоровье настолько еще полноценны, что дали возможность Вам создать еще один, столь нужный и необходимый всем нам, труд³⁴. Очень тронута и Вашей надписью; которая послужит мне «руководством к действию»...³⁵

А. А. ДЕМЧЕНКО

**К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ.
НИНА МИХАЙЛОВНА ЧЕРНЫШЕВСКАЯ**

Научное творчество Н. М. Чернышевской (1896—1975) связано с изучением наследия Н. Г. Чернышевского. Она автор трех монографий, более двухсот статей, нескольких по-

³³ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 560, лл. 15—15 об. Окончание утрачено.

³⁴ См.: Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии, биобиблиографии, историографии, хронологии и энциклопедии литературы. Л., 1934.

³⁵ ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 560, л. 19. На титульном листе было написано: «Дорогой Нине Михайловне Чернышевской-Быстровой в знак моего «благословения» на ее дальнейшие подвиги на поле библиографии русской литературы. А. Фомин. 28.V. (1934)» Экземпляр находится в личной библиотеке Н. М. Чернышевской.

пулярных книг¹. Текстолог, библиограф, комментатор, публикатор — таков диапазон ее литературоведческой квалификации.

Н. М. Чернышевская стояла у истоков советской науки о Чернышевском.

Еще с детских лет, вырастая в семье младшего сына писателя, она привыкла к исполненным семейной гордостью упоминаниям и воспоминаниям. «Хотя никогда мы нашего дедушку живым не видали,— писала Нина Михайловна о себе и своих сестрах, передавая ранние впечатления,— он всегда был с нами, будто не уходил из нашей квартиры. Кабинет отца увешан его портретами. Не проходило дня, чтобы о нем не вспомнили наши родители. Он всегда у них на устах»². Занятия отца над рукописями Чернышевского, его издательская работа, сопровождавшаяся интенсивной перепиской (некоторые письма, например, от Г. В. Плеханова, прочитывались вслух) и многочисленными посещениями (приходили Н. С. Русанов, молодые К. И. Чуковский и В. Е. Евгеньев-Максимов, бывшие литературные секретари Чернышевского К. М. Федоров и И. К. Курдов), общения с О. С. Чернышевской и старшими Пылиными, беззаветно любившими Николая Гавриловича и ревниво оберегавшими память о нем,— все создавало атмосферу неизбывного интереса к жизни и творчеству гениального шестидесятника.

Огромная роль в становлении литературоведческих интересов Н. М. Чернышевской принадлежала Николаю Кирьяковичу Пиксанову, у которого она училась в Петербурге на Высших женских (Бестужевских) курсах в конце 1916 и весной 1917 и затем в Саратовском университете в 1918—1920 годах. Нина Михайловна всегда называла себя «ученицей и последовательницей Н. К. Пиксанова»³.

Сближение научных занятий Михаила Николаевича Чернышевского с жизненными планами его младшей дочери произошло после переезда семьи в Саратов, состоявшегося в 1918 году. Дом, в котором родился и вырос Н. Г. Чернышевский, в ту пору перешел в национальное достояние, и Михаил Николаевич вскоре устроил в нем музей, развитию которого посвятил оставшиеся годы жизни (он умер в 1924 г.).

¹ См.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1975, столб. 465.

² Чернышевская Н. Из рассказов о Чернышевском. — Волга, 1971, № 10, с. 166.

³ Чернышевская Н. М. Встречи с Николаем Кирьяковичем Пиксановым. — Вopr. русск. лит. Львов, 1972, вып. 1 (19), с. 102.

Среди забот о сохранении музейного здания и открытии первых экспозиций появился у молодой сотрудницы музея вкус к библиографированию и научному описанию материалов, формировались навыки работы с первоисточниками. Архив писателя, доставленный в саратовский музей из Академии наук, таил массу неопубликованных рукописей и документов, изучение которых приносило открытие за открытием. То было время крушения преград, возведенных в свое время царизмом между народом и Чернышевским, и молодая советская наука с революционным энтузиазмом взялась за разработку биографии великого мыслителя-революционера и расчистку его сочинений от цензурных искажений. «По-настоящему изучить Чернышевского можно,— писала в юбилейном 1928 году историк М. В. Нечкина,— только подняв всю архивную целину, не оставив необследованной ни одной фразы, написанной им, ни одного тайного правительственного документа, говорящего о нем. Слишком долго скрывали от нас истинного Чернышевского царская цензура и жандармы. Восстановить все тексты — первейшая задача; только разрешив ее, можно пачать изучение»⁴. Первые научные публикации Н. М. Чернышевской осуществлялись именно по этой программе.

Так, в статье «Из литературных отношений Н. Г. Чернышевского к И. И. Барышеву-Мясницкому»⁵ выяснились важные подробности творческой биографии писателя в астраханский период его жизни-ссылки, и достоянием исследователей стали наиболее интересные в литературном отношении письма московского корреспондента Чернышевского. В другой статье, посвященной пребыванию писателя в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, впервые публиковались выдержки из писем Евг. Н. Пыпиной к родным: «прослеживая шаг за шагом ход процесса Чернышевского, горячо отзываясь на каждый выраставший вокруг его дела слух, автор переписки сумела вложить в нее непосредственное чувство очевидца, дала услышать биение общественного пульса в обстановке подлинной среды и эпохи»⁶.

В те же годы печатаются статьи Н. М. Чернышевской «Из переписки Н. Г. Чернышевского»⁷, «Чернышевский после си-

⁴ Историк-марксист, 1928, т. 8, с. 173.

⁵ Чернышевский Н. Г. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926, с. 141—154.

⁶ Чернышевский Н. Г. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, с. 299.

⁷ Каторга и ссылка, 1928, № 7 (44), с. 69—74.

бирской ссылки»⁸, «Портреты Чернышевского»⁹, «Одна из попыток освобождения Н. Г. Чернышевского»¹⁰, «Неизданные письма Н. Г. Чернышевского»¹¹. Переписка Чернышевского за 1856—1889 годы составила содержание подготовленного Н. М. Чернышевской совместно с Н. А. Алексеевым особого тома¹².

Одновременно Н. М. Чернышевская интенсивно осваивала методы и приемы текстологической работы, которой придавалось специальное значение в связи с начавшимся в 1928 году изданием избранных сочинений Н. Г. Чернышевского. В печати сообщалось, что все произведения революционного демократа будут воспроизводиться по дошедшим до нас первоисточникам-рукописям или корректурам, хранящимся в саратовском музее, и «работа по сличению печатаемого текста с рукописями и корректурами ведется для этого издания внучкой Н. Г. Чернышевского Ниной Михайловной Чернышевской-Быстровой, в настоящее время заведующей саратовским Домом-музеем»¹³.

Из намеченных пяти томов вышли четыре, не был напечатан третий том с философскими произведениями Чернышевского. В издание включены важнейшие публицистические работы, труды по истории, политической экономии, литературной критике, художественные произведения¹⁴. Кроме того, сверка текстов, а в ряде случаев текстологические комментарии выполнены Н. М. Чернышевской для однотомников, посвященных эстетике и критике Чернышевского¹⁵, философским сочинениям¹⁶.

Среди биографических материалов, нуждающихся в скорейшем научном освещении, большую ценность представляли мемуары. К воспоминаниям современников в семье Чернышевских-Пыпиных издавна сложилось особое отношение.

⁸ Красная новь, 1928, № 8, с. 171—191.

⁹ Литературные беседы. Саратов, 1929, вып. 1, с. 157—161.

¹⁰ Каторга и ссылка, 1931, № 5 (78), с. 124—127.

¹¹ Каторга и ссылка, 1931, № 7 (80), с. 80—88.

¹² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. М.—Л., 1930, т. III.

¹³ Историк-марксист, 1928, т. 8, с. 176.

¹⁴ См.: Чернышевский Н. Г. Избр. соч. М., 1928—1935. В сборнике публикуются воспоминания Н. М. Чернышевской о работе над пятитомником. Подробнее о содержании томов см.: Скафтымов А. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1947, с. 91—92.

¹⁵ См.: Чернышевский Н. Г. Избр. соч. Эстетика. Критика. М., 1934; Чернышевский Н. Г. Статьи по эстетике. М., 1938.

¹⁶ См.: Чернышевский Н. Г. Избр. философск. соч. М., 1938.

Известно, как много сделал А. Н. Пыпин для создания мемуаров о Чернышевском. По его инициативе были написаны воспоминания А. Н. Плещеева, Н. Д. Новицкого, К. М. Федорова¹⁷. Дочь Пыпина Вера Александровна, зная об отъезде семьи М. Н. Чернышевского в Саратов, посоветовала Нине Михайловне записать воспоминания Екатерины Николаевны Пыпиной, знавшей Н. Г. Чернышевского с 1853 года. Эти беседы «продолжались, — свидетельствовала впоследствии Н. М. Чернышевская, — в течение 14 лет и составили связанное повествование», которое сначала в отрывках, а затем и целиком было опубликовано спустя много лет¹⁸. В 1929 году Н. М. Чернышевская публикует воспоминания Н. А. Виташевского, в которых содержались сведения об отношении Чернышевского к К. Марксу¹⁹, составляет аннотированный указатель «Чернышевский в воспоминаниях современников»²⁰.

Эта работа выполнялась в полном соответствии с требованиями, сформулированными Н. К. Пиксановым, который, как известно, ввел в наше литературоведение жанр научного описания мемуаров. Указатель состоял из семи разделов, охватывавших отраженные в мемуарах периоды жизни и творчества Н. Г. Чернышевского: «Детство и учебные годы в Саратове», «В Петербургском университете», «Педагогическая деятельность», «Период журнального сотрудничества», «Процесс», «Ссылка», «Последние годы жизни по возвращении из ссылки». Тщательную регистрацию получили также мемуарные свидетельства, содержащиеся в переписке и дневниках современников Чернышевского, в важнейшей исследовательской литературе. Библиография снабжена указателем имен, встречающихся в тексте воспоминаний, указателем авторов, редакторов, издателей, собирателей, художников и имен в названиях книг и статей, указателем сочинений Чернышевского, предметным указателем. По поводу этой работы

¹⁷ См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 8, 545.

¹⁸ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2-х т. Саратов, 1958—1959, т. 1, с. 86. См. также: Беседы о прошлом (рассказы Е. Н. Пыпиной в записях Н. М. Чернышевской). Саратов, 1983. Значение источника имеет и запись Н. М. Чернышевской беседы с астраханским знакомым Н. Г. Чернышевского Н. Ф. Скориковым. — См.: Методические рекомендации к спецкурсу «Литературное краеведение». Астрахань, 1971, с. 38—45.

¹⁹ См.: Каторга и ссылка, 1929, № 7 (56), с. 85—87.

²⁰ См.: Литературные беседы. Саратов, 1930, вып. II, с. 116—288.

видный советский библиограф Александр Григорьевич Фомин писал Н. М. Чернышевской 2 апреля 1930 года: «У Вас все данные хорошего библиографа: любовь к делу, аккуратность, точность, серьезное отношение к методам работы, осторожность в этой области»²¹. На протяжении десятилетий указатель служил «ценным научным справочником»²².

Некоторые из указанных в библиографии текстов составили собранный и прокомментированный Н. М. Чернышевской тематический сборник²³, высоко оцененный специалистами²⁴.

Указатель воспоминаний представлял собою лишь часть большого труда — «общей аннотированной библиографии о Чернышевском, которая, — писала в 1930 году Н. М. Чернышевская, — должна дать систематические обзоры справочной, биографической и научно-исследовательской литературы о нем... План этот был любезно просмотрен и дополнен А. Г. Фоминым, проявившим редкое внимание к библиографии Чернышевского»²⁵. Библиографы того времени отмечали: «Музей им. Чернышевского в Саратове ведет серьезные работы по библиографии произведений Н. Г. Чернышевского и литературы о нем»²⁶. Общение и переписка с профессором А. Г. Фоминым²⁷ благотворно сказались на результатах не только этой, оставшейся, к сожалению, незавершенной работы, но и последующих библиографических описаний, писем и сочинений Чернышевского²⁸.

Общая аннотированная библиография должна была составить дополнительную книгу к изданию избранных сочине-

²¹ Личный архив Н. М. Чернышевской, цитируемые в нашей статье материалы которого были любезно предоставлены нам В. С. Чернышевской.

²² Бушкапец Е. Г. Мемуарные источники о Н. Г. Чернышевском. — В сб.: Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX века. Казань, 1983, с. 4.

²³ Н. Г. Чернышевский в Саратове. Воспоминания современников/Составлено Н. М. Чернышевской. Саратов, 1939.

²⁴ См.: Книга и пролетарская революция, 1939, № 10, с. 178; Литературная газета, 1939, № 47.

²⁵ Литературные беседы. Саратов, 1930, вып. II, с. 117.

²⁶ Шамурин Е. И. Организация библиографического дела в РСФСР (1917—1927). — В кн.: Библиография в СССР и Книжные палаты. М., 1928, с. 50.

²⁷ См. помещенную в настоящем сборнике статью М. Д. Эльзона «Потомки Чернышевского и А. Г. Фомин (из переписки 1910—1935)».

²⁸ См.: Чернышевская Н. М. Библиография писем Н. Г. Чернышевского — Учен. зап. Саратов. ун-та. 1948, т. XIX, с. 142—196; Она же. Библиография сочинений Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939—1953, т. XVI, с. 756—828.

ний Чернышевского, предпринятому Коммунистической академией в 1928—1935 годах. Сюда же предполагалось включить и «Летопись жизни Н. Г. Чернышевского», составляемую Н. М. Чернышевской²⁹.

Работа над «Летописью» явилась своего рода обобщением историко-ведческого обследования огромного количества биографических материалов. Эта работа, по свидетельству автора, началась в 1925 году, а пять лет спустя печатно объявлено, что «составлена «Летопись жизни» писателя, заключающая в себе 2 тысячи дат»³⁰. В 1933 году «Летопись» была опубликована³¹.

Новый труд Н. М. Чернышевской пополнил уже существовавший в литературоведении перечень подобных работ, издававшихся под названиями «Труды и дни» (Н. О. Лернер о Пушкине), «Хронологическая канва» (Н. М. Гутьяр о Тургеневе, М. Лемке о Герцене), «Летопись жизни» (Н. Ф. Бельчиков, П. Е. Будков и Ю. Г. Оксман о Белинском — редактор Н. К. Пиксанов). Таким образом, в 1930-е годы «Летописи» обретали жанровую устойчивость как свод имеющихся налицо фактических данных, связанных исключительно их хронологической последовательностью. Как сказано в заметке «От издательства», которое напечатало книгу Н. М. Чернышевской и намеревалось выпустить «Летописи» Толстого, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Тютчева, Салтыкова-Щедрина, автор «Летописи» Чернышевского несколько отступила от устанавливаемых издательством общих рамок построения монографии, «допустив ряд своеобразных, подчас неправильных приемов в композиции своей работы»³². Но в целом книга выполняла свою задачу быть прежде всего библиографическим справочником, и она, несомненно, содействовала более глубокому изучению биографии вождя революционных демократов. По поводу выхода книги Н. К. Пиксанов писал Н. М. Чернышевской 29 августа 1933 года: «Поздравляю Вас и литературоведение с полезнейшей работой»³³.

В 1944 году на заседании Ученого совета Ленинградского университета, в годы войны размещившегося в Саратове,

²⁹ См.: Историк-марксист, 1928, т. 10, с. 217.

³⁰ Литературные беседы. Саратов, 1930, вып. II, с. 117.

³¹ Чернышевская-Быстрова Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского/Под общ. ред. Вал. Полянского. М.—Л. 1933.

³² Там же, с. 8.

³³ Вопр. русск. лит. Львов, 1972, вып. 1 (19), с. 103.

Н. М. Чернышевской как автору «Летописи» была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. В своем дневнике (здесь получило отражение содержание всех прозвучавших на защите выступлений) Н. М. Чернышевская указала, что в основу работы она положила «метод Н. К. Пиксанова», и особо отметила роль Института книговедения, во главе которого стоял, писала Нина Михайловна, «мой второй руководитель Александр Григорьевич Фомин». Представленный к защите вариант «Летописи» отличался от издания 1933 года. Это была, как писала Нина Михайловна в дневнике 28 февраля 1944 года, пересказывая содержание произнесенного на защите вступительного слова, «расширенная редакция с новыми методологическими установками, появившимися после «Летописей» Некрасова, Тургенева, Толстого. Подробнее всего остановилась на критическом разборе «Летописи» Л. Толстого, указала на ее крупные недостатки (исследовательская работа составителя оказалась не вскрытой ни в предисловии, ни в тексте «Летописи» в виде транскрипции, и отсутствие списков источников, замененных алгебраическим шрифтом условных сокращений) и на крупных достоинствах (стремление раскрыть внутреннее содержание даты при помощи цитат — отзвон Л. Толстого — в целях избежания сухости). Слова Н. М. Чернышевской обнаруживали тенденцию, которая вскоре отчетливее проявится в новом (1953 г.) издании книги: перерастание «Летописи» из библиографического справочника в монографию с более широкими биографическими полномочиями³⁴. Объективные причины появления подобной тенденции коренились в отсутствии обобщающих научно-биографических трудов, которые приняли бы на себя главную задачу рассмотрения личности писателя в ее конкретно-исторических связях с эпохой и данной общественной средой. «Летописи», по образному выражению Е. И. Покусаева, становились как бы и. о. научной биографии. Эти функции, не свойственные жанру «Летописи»³⁵.

³⁴ Не случайно в известных пособиях по Чернышевскому «Летопись» включается то в раздел биографических работ (см.: Н. Г. Чернышевский. Рекомендательный указатель литературы/Научн. ред. М. М. Григорьян. М., 1953, с. 202), то в библиографический отдел (см.: Николаев М. П. Н. Г. Чернышевский, Семинарий. Л., 1959, с. 75).

³⁵ Известная доля превышения возможностей «Летописи» характерна, например, для в высшей степени содержательного труда о Беллинском. «В этой работе, — пишет автор, — мы пытались разрешить, с одной стороны, задачи, стоящие перед всеми библиографическими справочниками подобного типа, а с другой — построить ее все же как книгу для

негативно отражались на принципе отбора материалов, способах их научного описания и на содержании в целом. В частных замечаниях Н. И. Мацуева и Б. П. Козьмина на издание «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» 1933 года, касающихся перегруженности книги незначительными подробностями и некритического восприятия источников³⁶ (аналогичными были указания А. П. Скафтымова в его оппонентском выступлении 26 февраля 1944 года на защите Н. М. Чернышевской кандидатской диссертации) видна вполне понятная озабоченность по поводу жанровой структуры трудов этого типа.

Выход значительно дополненной «Летописи» в 1953 году³⁷ в целом был отмечен как огромный вклад автора в изучение Чернышевского. Книга выдвигалась на соискание Сталинской премии³⁸. По словам К. А. Федина, «Летопись» навсегда сохранит значение верного проводника по историческому пути революционного писателя — борца за народное счастье»³⁹.

В последующие годы Н. М. Чернышевская продолжала работать над «Летописью», исправляя неточности, дополняя ее новыми датами и фактами из личной, литературной и политической биографии писателя. «Основная задача, поставленная составителем «Летописи» при подготовке нового издания, — писала Н. М. Чернышевская, — усиление документации. В связи с этим пересмотрены ранее принятые установки принципиального характера и, прежде всего, принцип подачи таких фактов, которые в настоящее время значительно дополнились полемической источниковедческой литературой и относятся к области спорных вопросов в биографии Чернышев-

чения, а не только для справок» (Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 3). Более точно определили свои задачи составители книги о Герцене, «обобщающей библиографической работы». В ней «сведены воедино в хронологическом порядке даты о жизни, творческом и идейном пути писателя». Говорится также, что издание осуществляется с целью содействовать созданию научной биографии Герцена. Однако и здесь мы встречаем биографическое построение, пытающееся «отчасти заменить» научную биографию (Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. М., 1974, т. I, с. 7).

³⁶ См.: Литературная газета, 1934, № 53; Каторга и ссылка, 1934, № 3, с. 146—147.

³⁷ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. Ред. С. С. Борщевский. М., 1953.

³⁸ См.: Литературная газета, 1954, № 24.

³⁹ Из приветственной телеграммы к Н. М. Чернышевской по случаю ее 70-летия. 17 декабря 1966 года.

ского. Издание «Летописи» 1953 года не касалось разноречий в источниках»⁴⁰.

К сожалению, работа над третьим изданием «Летописи» не была завершена автором, и создание монографии, отвечающей современным представлениям о подобного рода трудах и учитывающей осуществленные в последнее десятилетие научно-биографические разыскания, продолжает оставаться насущной потребностью новейшей науки о Чернышевском.

Начало 1950-х годов оказалось эталным в научном творчестве Нины Михайловны. Кроме выпущенной в 1953 году Гослитиздатом «Летописи», в том же году и в том же издательстве выходит дополнительный (и завершающий) 16-й том пятнадцатитомного «Полного собрания сочинений» Н. Г. Чернышевского. Н. М. Чернышевская состояла членом редколлегии издания и в качестве текстолога, комментатора и библиографа участвовала в подготовке к печати двенадцати его томов.

Научной общественностью издание расценено как «большое событие в культурной жизни страны социализма». Отмеченные рецензентами текстологические и комментаторские просчеты не снижали в целом его высокого научного потенциала⁴¹. «Полное собрание сочинений великого революционера-демократа, хотя и не свободно от некоторых серьезных текстологических и редакционных погрешностей, — читаем в более позднем отзыве, — является лучшим изданием его произведений. В нем с исчерпывающей полнотой представлено литературное наследство Н. Г. Чернышевского, тексты проверены по рукописям и корректурам, приведены варианты произведений в различных редакциях, даны подробные исторические, текстологические и библиографические комментарии»⁴². Работа Н. М. Чернышевской над шестнадцатитомником итожила весь предшествующий опыт ее как филолога-литературоведа и в то же время закладывала прочную основу для последователей. И если ныне перед советскими учеными

⁴⁰ Чернышевская Н. М. Новые материалы для «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, вып. 2, 1961, с. 201.

⁴¹ См.: Поляков М. Раскрепощенное слово. — Огонек, 1953, № 29, с. 15; Богословский Н. Важное событие в культурной жизни страны. — Коммунист, 1953, № 12, с. 116—128.

⁴² Покусаев Е. И., Порох И. В. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 2, с. 311—312.

поставлена задача подготовки нового Полного собрания сочинений, то ее успешное решение находится в прямой, непосредственной связи с достижениями прежнего издания.

Начало 1950-х годов принесло Н. М. Чернышевской еще одну крупную и тоже итоговую публикацию — книгу о саратовских годах жизни Чернышевского⁴³. Здесь обобщены две предшествующие работы на ту же тему, в которых рассматривались отдельно детские и юношеские годы Чернышевского⁴⁴, годы пребывания в Саратовской гимназии и последние месяцы жизни писателя в родном городе⁴⁵.

Книги 1948—1949-х годов по тематике и по охваченному материалу носили до известной степени краеведческий характер, и своей целью они имели научную популяризацию Чернышевского. Несмотря на это, как указывал рецензент, они «сыграют свою полезную роль и в смысле общей исследовательской ориентации и в изучении Чернышевского, и в плане накопления и систематизации свежего фактического материала по саратовскому периоду его жизни». В заслугу поставлено и то, что автор «не игнорирует моментов известной сложности и противоречивости в идейном развитии Чернышевского». В то же время рецензента настораживали категоричность иных заявлений, элементы беллетризаций, порою придающие стилю налет «сентиментальной литературщины». Перспектива дальнейшей работы над темой связывалась с созданием «законченной научно-документальной монографии»⁴⁶.

Новое издание, состоявшееся в 1952 году, научно-документальной монографией не стало: задача популяризации зачастую перетягивала (вероятно, влияли также требования издательства, озабоченного выпуском популярной книги), но, объединяя ранее опубликованное, Н. М. Чернышевская значительно дополнила книгу новыми материалами, образуя-

⁴³ Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1952. Без каких-либо существенных изменений переиздана в 1978 году.

⁴⁴ См.: Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в Саратове, Саратов, 1948.

⁴⁵ См.: Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов, 1949.

⁴⁶ Покусаев Е. Н. Г. Чернышевский в Саратове. — Литературный Саратов, 1950, кн. 12, с. 147—152. Критические замечания Е. И. Покусаева признаны справедливыми в статье В. Яцунского «Изучение местной истории в СССР». — Вопросы истории, 1949, № 8, с. 95 (имелись в виду рецензии, опубликованные Е. И. Покусаевым в областной газете «Коммунист» за 1949 г. от 15 марта 1949 года).

щими солидную самостоятельно проработанную источниковедческую базу. Содержательны главы о семейном воспитании Чернышевского и годах учения в духовной семинарии. На убедительных примерах показано, как формировалось и росло самосознание будущего революционера. Всесторонне изображена преподавательская деятельность Чернышевского в Саратовской гимназии. Взят на учет «саратовский материал», содержащийся в революционной публицистике Чернышевского шестидесятых годов, в его художественных произведениях. Глава, посвященная последним месяцам жизни писателя в Саратове, удачно систематизирует известные материалы и включает некоторые архивные и малоизвестные данные, обогащающие сведения об этом периоде жизни великого революционера⁴⁷. Обстоятельной, любовно подготовленной книгой назвал работу Н. М. Чернышевской Б. С. Рюриков⁴⁸.

Среди сквозных тем, которым Н. М. Чернышевская оставалась постоянно верна, выделяется «Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко» как часть проблемы русско-украинских связей. Интерес к теме связывался с семейными преданиями. В юности Н. М. Чернышевская слышала от Екатерины Николаевны Пыпиной рассказ о том, как Т. Г. Шевченко, возвращаясь из ссылки в конце августа 1857 года, заехал в Саратов повидаться с Костомаровыми — Пыпины долгие годы поддерживали дружеские связи с матерью историка Татьяной Петровной Костомаровой. В Петербурге Шевченко быстро сдружился с Чернышевскими, часто бывал у них дома, не однажды рисовал в альбом О. С. Чернышевской. «В руках отца, — вспоминает Н. М. Чернышевская, — бабушкин альбом. Он не дает его нам в руки, сам перелистывает и показывает: «Это Шевченко нарисовал». И перед нами открываются рисунки: тут и брат нашего отца мальчик Саша верхом на лошади, тянувшей сено из стога; тут какие-то люди нерусского типа и раскидистое дерево»⁴⁹. Содружество и духовное единение выдающихся сынов русского и украинского наро-

⁴⁷ См. рецензию Е. И. Покусаева: Советская книга, 1953, № 2, с. 92—94. Здесь же даны серьезные критические указания, нацеливавшие автора книги на подготовку «научной монографии». См. нашу статью «К истории советской науки о Чернышевском. Евграф Иванович Покусаев» (в кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1983, вып. 9, с. 156—157).

⁴⁸ Рюриков Б. Страницы жизни великого писателя. — Литературная газета, 1952, № 139.

⁴⁹ Волга, 1971, № 10, с. 180.

дов навсегда определили непрекращающиеся поиски исследователями свидетельств их взаимоотношений.

Разработка темы началась для Нины Михайловны с консультации, которую она дала украинскому писателю Д. М. Косарику, опубликовавшему сообщенные ему сведения в статье «В кругу друзей революционеров-демократов»⁵⁰. Затем она сама публикует в местной прессе и в Киеве статьи «Чернышевский и Шевченко», «Н. Г. Чернышевский и украинская литература», «Н. Г. Чернышевский и дружба русского и украинского народов», «Володарі дум людських»⁵¹. Наконец в киевском издательстве «Дніпро» вышла книга Н. М. Чернышевской с послесловием члена-корреспондента Украинской Академии наук Е. С. Шаблювского. В письме к издательству, помещенном в этой книге, читаем: «Мне бы хотелось, чтобы союзная и украинская общественность как можно шире и глубже знали, насколько близки, родственны, насколько тесно соединены общими узами любви и преданности народу Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко — борцы за народную долю, которыми всегда будет гордиться наша многонациональная Родина»⁵².

В последнее десятилетие жизни Н. М. Чернышевская обратилась к историографической проблематике. Она стала первым историком Дома-музея Н. Г. Чернышевского и автором ряда великолепных очерков о музейных деятелях и лицах, так или иначе соприкоснувшихся с саратовским Домом-музеем и его материалами⁵³. Под ее пером исследователя-историо-

⁵⁰ Советская Украина, 1939, № 53. См. также: Косарик Дмитро. Життя і діяльність Т. Шевченка. Літературна хроніка Київ, 1955, с. 164.

⁵¹ Коммунист (Саратов), 1939, № 55; Заводская правда, 1939, № 55; Українська література, 1944, № 3—4, с. 128—134; Коммунист (Саратов), 1954, № 4, 12; Наука і життя, 1964, № 3, с. 6—7.

⁵² Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко. Воспоминания, заметки, материалы. Киев, 1974, с. 81. Книга переиздана в 1978 году к 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

⁵³ См.: Чернышевская Н. М. У истоков (К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове). — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1965, вып. 4, с. 254—279; Она же. Младший сын Н. Г. Чернышевского. — Там же. Саратов, 1962, вып. 3, с. 183—212; Она же. Н. А. Алексеев. — Там же, с. 371—376; Она же. Федя о Чернышевском. — Там же. Саратов, 1968, вып. 5, с. 205—211; Она же. Страницы научной жизни Дом-музея Н. Г. Чернышевского. Памяти А. П. Скафтымова. — Там же. Саратов, 1971, вып. 6, с. 275—281; Она же. С соратниками В. И. Ленина. — Там же. Саратов, 1975, вып. 7, с. 194—207; Она же. К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского (сотрудничество В. А. Пыпиной в 1920—

графа возникают живые портреты некогда окружавших ее людей — людей науки, людей дела, людей истории. Немногими словами Нина Михайловна умела воссоздать конкретные черты эпохи в их подкупающей выразительности и правдивости.

В очерках ярко проявилась характерная черта стиля Н. М. Чернышевской, всегда ищущей живописно-психологические формы выражения. Строгая научная фраза — Нина Михайловна вполне владела ею — как бы сдерживала, стесняла, ограничивала в возможностях. И как только материал позволял развернуться воображению, Н. М. Чернышевская тут же погружалась в более близкую ее душе стихию, и тогда легко и свободно лилось повествование, обращенное прежде всего к чувству читателя. Только тогда и возникал тот необходимый контакт с читателями, без которого Нина Михайловна не мыслила своего творчества.

Беллетристические способности, сполна ей присущие, нередко создавали в ее монографических работах (например, в книгах на тему «Чернышевский в Саратове») разностилье, снижавшее достоинство осуществляемых исследований.

Приход Н. М. Чернышевской в популярную литературу о Чернышевском, следовательно, не был принужденным, обусловленным спецификой музейной работы. Уже в 1939 году выходит небольшая повесть Н. М. Чернышевской о сибирской ссылке писателя⁵⁴. Следующий популярный сюжет был посвящен его детским годам⁵⁵. Соединенные под одну обложку и значительно расширенные повести изданы отдельно⁵⁶ инискали большую популярность, особенно у школьников. В 1949 году Нину Михайловну приняли в члены Саратовского отделения Союза писателей СССР⁵⁷. К. И. Чуковский

1930-е гг.). — Там же. Саратов, 1978, вып. 8, с. 263—278; Она же. Двоюродная сестра Чернышевского Евг. Н. Пылина. — Там же. Саратов, 1983, вып. 9, с. 149—162. Ныне эту тему успешно продолжают сотрудники Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове (см. в кн.: Пропагандист великого наследия. Саратов, 1984. В частности, здесь вполне раскрыта собственно музейная деятельность М. Н. и Н. М. Чернышевских, опущенная в нашей статье).

⁵⁴ Чернышевская Н. М. Вильюнский узник. Саратов, 1939. Переиздавалась в 1953 и 1955 годах.

⁵⁵ Чернышевская Н. М. Саратовский мальчик. Саратов, 1958. Переиздавалась в 1960, 1962, 1978 годах.

⁵⁶ Чернышевская Н. М. Повесть о Чернышевском. Саратов, 1964. Переиздавалась в 1969, 1971, 1973 годах.

⁵⁷ См.: Коммунист (Саратов), 1949, № 172.

писал ей 17 декабря 1958 года: «У Вас несомненный беллетристический дар, который Вы все время держали под спудом ради научных трудов и исследований. В этом убедила меня Ваша детская книжка, и в этом я еще больше уверен теперь, когда познакомился с Вашими очерками. Не зарывайте этого таланта в землю, а в промежутках (между чтением чужих диссертаций и писанием научных трудов) — давайте волю своему природному дару!». О книге «Саратовский мальчик» тепло отзывался К. А. Федин в письме к автору от 13 февраля 1959 года: «Мне кажется, она Вам удалась и получилась картинной, привлекательной по душевности. Она хорошо рисует маленького героя, в ней много познавательного, что так необходимо читателю того возраста, которому она адресована. Бытовые «местные» черты прошлого исторически верны. Вместе с тем правдивое воспроизведение свидетельств самого Чернышевского для тех, кому они знакомы, делает весь рассказ достоверным и психологически».

В отзывах маститых писателей нашло признание и поддержку литературное творчество Н. М. Чернышевской, направленное на широко пропаганду жизни и деятельности великого русского революционного демократа.

Нина Михайловна ушла из жизни 25 октября 1975 года. Но печатаются ее статьи, подготавливаемые к публикации ее дочерью Верой Самсоновной Чернышевской⁵⁸, переиздаются книги⁵⁹. Труды Н. М. Чернышевской продолжают участвовать в современном научном движении — лучшее, достойнейшее свидетельство подлинной их ценности в науке о Чернышевском.

⁵⁸ См.: Чернышевская Н. М. Старший сын Чернышевского. — Русская литература, 1977, № 2, с. 98—118; Она же. «Озарена тобою жизнь моя...» (Николай Гаврилович и Ольга Сократовна Чернышевские). — Русская литература, 1978, № 1, с. 122—140. Эти две статьи вместе с ранее опубликованным очерком о младшем сыне Чернышевского составили подготовленную В. С. Чернышевской книгу «Семья Н. Г. Чернышевского» (Саратов, 1980).

⁵⁹ Чернышевская Н. М. Чернышевский и Саратов. Саратов, 1978.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Алексеев Н. А. 139, 140, 142, 145,
146, 164, 173
Амбелднов 101
Аниенков П. В. 7, 38, 39, 83, 126
Аниенский Н. Ф. 108, 109
Антоний 91
Антонова Г. Н. 5, 16
- Бабкина А. Е. 103
Бабеф Ф. 65
Багрянский Л. В. 108
Баженов 109
Байрон Д. 32
Бальзак О. 122
Баршев С. С. 108, 109
Барышев-Мясницкий И. И. 140,
163
Басист С. В. 138
Бахтин М. М. 70
Бебель А. 124, 129
Белинский В. Г. 5—9, 11, 19, 20,
24, 26—28, 30—32, 34, 35, 38,
41, 43, 48, 117, 119—121, 129,
130, 131, 133, 167—169
Бедьчиков Н. Ф. 69, 139, 147, 167
Березин Т. 105
Березина А. Я. 109
Бертельсман 130
Благообразовы М. И. и Ф. В. 83,
86, 88, 90
Бланк Г. 114
Блинчевская М. Я. 31, 32
Богданович А. И. 108
Богородский С. Ф. 108
Богословский Н. В. 138, 170
Богоявленский А. Я. 109
- Бокль Г. 79
Бордюгов И. И. 64
Боткин В. П. 154
Бонч-Бруевич В. Д. 141—143
Борщевский С. С. 169
Бройдо 144
Брюкнер А. 125
Будков П. Е. 167
Бульвер-Литтон Э. 9
Буренин К. П. 95
Буринская С. И. 90, 99
Буринский 90
Бурсов Б. И. 5
Буш В. В. 138, 145—147, 154
Бушканец Е. Г. 166
Быстров С. И. 139, 152
- Вагенгейм 74
Валк С. Н. 143
Василевская Е. А. 110
Васильева (Малиновская) А. С.
95, 97
Введенский И. И. 145, 150
Вебер Г. 105
Вегнер М. 134
Венский Д. А. 108, 109
Ветринский В. Е. См. Чешихин-
Ветринский В. Е.
Вильберт Г. 125
Виноградов В. В. 110
Виташевский Н. А. 145, 165
Водянский О. 113
Воздвиженский Е. В. 105, 106
Вольтер Ф. 6
Вормс Н. А. 67, 68
Воронов М. А. 137

* Составлен Л. А. Корсаковой.

Воронов Ю. С. 110
Востоков Н. Х. 101, 112
Вяземский П. А. 18, 46—48—50

Гагарин И. 17
Галаховы С. П. и Ф. В. 88, 89,
93, 99, 101, 102
Гарибальди Д. 63
Гацисский А. С. 107, 108—110
Гегель Г. 12, 123, 131, 133
Гельвеций К. 45
Гераклитов А. А. 139
Гершен А. И. 3, 5—21, 30, 51—68,
129, 133, 167, 169
Гершензон М. О. 17
Гизо Ф. 22, 23
Гитлиц Е. А. 51, 67
Гоголь Н. В. 10, 18, 30, 36, 114,
117, 155
Годвин В. 9
Годунов Б. Ф. 38
Гончаров И. А. 7—11, 18
Горький А. М. 109, 121
Гете И. 122
Гракхи Т. и К. 65
Грасгоф Х. 124
Грацианов 100
Гребеншиков С. А. 100
Греч Н. И. 90, 98
Григорович Д. В. 116
Григорьев А. А. 7, 8, 29, 69, 126
Григорьян М. М. 168
Гринвальд Т. К. 95, 98
Гумбольдт В. 114
Гутьяр Н. М. 167

Давыдов И. И. 84, 85, 91
Данский А. 116
Дебольдов 93
Дельвиг А. А. 48
Демченко А. А. 5, 108, 161
Денисюк Н. 149
Дидро Д. 121
Димитров Г. М. 124
Добролюбов А. И. 85—87, 89, 95,
96
Добролюбов Вас. И. 85, 86, 103
Добролюбов Вл. А. 96—98
Добролюбов И. А. 88, 96—98
Добролюбов Н. А. 3, 5, 8, 10, 11,
18, 20, 28, 30, 51—68, 81—103,
105, 119—121, 132, 154
Добролюбова А. А. 91—93, 99,
102, 103

Добролюбова З. В. 87, 89, 90,
102
Добролюбова Е. А. 88, 90, 99
Добротворский 101
Докучаев В. В. 109
Дороватовская-Любимова В. С. 69
Достоевский Ф. М. 3, 11, 69—80,
122, 132, 167
Дранницын А. Г. 100
Дружинин А. В. 29, 33, 35, 126
Дрягин Н. Н. 108
Дудышкин С. С. 6, 29, 126
Дункер Г. 124
Дювель В. 123, 124, 135

Евгеньев-Максимов В. Е. 162
Егоров Б. Ф. 5
Елизаветина Г. Г. 6
Елпатьевская Л. И. 108
Елпатьевский С. Я. 108, 109
Ерымовский К. И. 140

Жанен Ж. 116
Жихарев М. 21
Жуковский В. А. 44, 117
Журавлев 84

Зайцев В. А. 128
Захарьева Е. П. 91
Захарьев А. В. 104, 110
Зверев Д. И. 108
Зельдович М. Г. 28, 29, 33, 42
Златовратский А. П. 97, 98
Золина Н. 83
Золя Э. 121

Иванникова В. В. 16
Ивановский В. Н. 17
Иванчук Н. А. 110
Иеремия 86
Измайлов В. В. 46, 47
Иовчук М. Т. 138
Ишуткин Н. А. 67

Карамзин Н. М. 22, 44, 45, 117
Катков М. Н. 70, 79
Каценбоген С. З. 144
Каченовский М. Т. 22, 47
Кашенко П. П. 108
Килевейн 109
Киреевский И. В. 44, 45, 50
Кирличников А. И. 155
Кисляков М. М. 108

Классовский В. И. 115
Ковалевский В. О. 6
Козлова М. Е. 64
Козьмин Б. П. 169
Колбасин Е. Я. 98
Колосовская В. В. 89
Колосовский Л. И. 93
Клоес Б. М. 63
Кольцов А. В. 159, 161
Конюшая Р. П. 63
Короленко В. Г. 108, 109, 110
Короленко И. Г. 109, 110
Косарик Д. 173
Костомарова Т. П. 172
Костров М. А. 92
Краснов Г. В. 81
Курдов И. К. 105, 162
Крупская Н. К. 139, 143
Крылов И. А. 117
Кюпперс Б. 125, 126

Лаврецкий А. 5
Лаврский В. В. 96, 97
Лазаревский Ф. И. 108
Латин А. И. 108
Ларин Г. М. 105
Ласаль Ф. 68
Лебедев А. А. 139
Лебедев П. Ф. 100
Лемке М. К. 167
Ленин В. И. 13, 37, 59, 61, 63, 67,
110, 124, 135, 136, 141, 143, 160,
173

Лендеман 87
Леонтьев Н. 83
Лермонтов М. Ю. 10, 18, 117
Лернер Н. О. 167
Лессинг Г. 117, 121, 123, 134, 138
Леттенбауер В. 124, 125
Линков Я. И. 60
Лозанова А. И. 145
Логинов М. Н. 18, 24
Лопатин Г. А. 157
Лощкарев Н. А. 109
Лукач Г. 119—123, 131, 132
Луначарский А. В. 138, 147
Львов В. Е. 95
Лицкий Е. А. 139, 150

Майер 130, 133
Майков В. Н. 117, 126
Макаровская Г. В. 28, 29, 38, 41
Манн Т. 122
Марков И. Г. 69
178

Маркс К. 57, 58, 63, 69, 145, 160,
165
Мацуева Н. И. 169
Меморский 109
Мережковский Д. С. 69
Милль Д. 12—15, 82, 137
Милорадовский 101
Миллюков П. 17
Милютин Д. А. 142
Михайлов А. В. 104
Михайлова М. И. 64, 145, 146
Михайловский Н. К. 69
Мицкевич С. И. 137
Мотольская Д. К. 29, 30
Мюссард 93

Надеждин Н. И. 31—33, 34, 40
Назирова Р. Г. 69
Неволин П. И. 108
Некрасов Н. А. 8, 30, 31, 94, 98,
167, 168
Нечкина М. В. 63, 67, 137, 163
Николаев 92
Николаев М. П. 168
Николаев П. Ф. 58, 68, 92
Никольский П. М. 105
Ницше Ф. 121
Новиков Н. И. 45
Новикова Н. Н. 63
Новицкий Н. Д. 145
Ножин Н. Д. 128

Обручев В. А. 63
Овчинников М. 109, 110
Огарев Н. П. 51, 59, 60, 64, 66
Оксман Ю. Г. 167, 169
Олигер А. А. 109, 110
Ольхина А. А. 109
Оуэн Р. 3, 51—68

Панаев И. И. 154
Панаева А. Я. 96
Пантелеев Л. Ф. 63
Панова 100
Пастуков 108
Перевлосский П. М. 115
Переплетчикова П. Ф. 103
Периер М. И. 104, 145
Петр I 25
Пещурова 94, 98
Пиксанов Н. К. 162, 165, 167
Писарев Д. И. 7, 66, 79, 128
Плеханов Г. В. 17, 128, 131, 162
Плещеев А. И. 165

Плимак Е. Г. 64
Плотников М. А. 108
Погодин М. П. 18, 22
Подмарков В. Г. 58
Подсосов 84
Позери П. К. 108, 109
Покусоев Е. И. 29, 33, 108, 168,
170, 171
Поликов М. 170
Полевой К. А. 42, 44, 45
Полевой Н. А. 22, 31, 32, 34, 36,
38, 40, 42—50, 123
Полевой Ю. З. 57
Помяловский Н. Г. 7
Полкова Н. А. 42
Попов В. А. 108
Попов И. В. 26
Попов С. М. 141
Порох И. В. 170
Прос Г. 130
Протасов К. П. 105
Пугачев Е. И. 60, 62
Пушкин А. С. 3, 7, 10, 18, 20,
26—42, 44, 46, 48, 49, 60, 83,
117, 152, 167
Пруганин 108
Пругачко А. М. 86, 101
Пругачко Б. Е. 101
Пруцков Н. И. 69
Пылин А. Н. 82, 138, 146, 165
Пылина В. А. 173
Пыпина Евг. Н. 163, 174
Пыпина Ек. Н. 139, 140, 142, 143,
165, 172
Пятов Я. И. 100
Радонежский А. А. 87
Раев А. Ф. 145
Реннекампы А. Б. и Р. П. 88
Ровинский П. А. 66, 145
Розанов П. П. 109
Романов Н. В. 108
Рудницкая Е. Л. 60
Русанов Н. С. 150, 162
Руссо Ж. 45
Рыков П. С. 144
Рюриков Б. С. 172
Савельев А. А. 107—109
Салоков 102
Салтыков-Щедрин М. Е. 83, 154,
167
Санд Ж. 144
Сахаров В. И. 100
Слетовидов И. И. 100
Седов А. Ф. 69

Сенковский О. И. 35, 123
Сент-Бев Ш. 121
Сераковский С. И. 145
Сибирцев Н. М. 109
Силантьев И. О. 109
Симбирский Ф. 99
Сипович Я. Г. 109
Скафтымов А. П. 139, 140, 144,
145, 147, 169, 173
Скориков Н. Ф. 165
Славин И. Я. 139
Славутинский С. Т. 10
Смыслов 100
Соколов А. Д. 109
Соколов С. Д. 139
Солдатовков К. Т. 82
Сомов О. 46, 47, 49, 50
Сперанский М. М. 18, 91
Срезневский И. И. 85, 90, 91, 94,
96, 111, 112
Старчевский А. В. 115
Стеклов Ю. М. 141
Стендер-Петерсен А. 126
Стоюнин В. А. 115
Страделла А. 83
Страхов Н. Н. 69
Студенский А. О. 137
Сушицкий В. А. 152
Сциборский Б. И. 95
Сытин И. Д. 155
Татищев В. Н. 159
Тверитинов А. Н. 68
Терехов Б. М. 107
Тихомиров Н. 101
Токарский А. А. 150
Толстой Л. Н. 117, 121, 122, 167,
168
Травушкин Н. С. 104, 106
Трубецкая М. А. 94
Туниманов В. А. 69, 72, 77
Тургенев И. С. 7, 8, 11, 16, 154,
167, 168
Турчанинов Н. П. 95
Тэн И. 121
Тютчев Ф. И. 167
Удальцов И. Д. 138
Улыбышевы А. Д. и А. С. 90, 102
Усыкьян Т. И. 15
Успенский Н. В. 56, 142
Усыскин А. 137
Федин К. А. 169, 175

Федоров К. М. 104, 105, 140, 162
Фейербах Л. 123, 133
Фишер Ф. 132
Флотова Ф. 83
Фомин А. Г. 4, 148—168
Фонтенелев 100
Фрелих Н. Н. 108
Фурье Ш. 79, 150

Худяков И. А. 58, 67, 68

Цабель Э. 125
Целованьев В. Ф. 100
Цеткин К. 124

Чаадаев П. Я. 3, 16—26
Чернов С. Н. 139
Чернышевская В. С. 148, 166, 175
Чернышевская Н. М. 4, 136, 148,
152—175
Чернышевская О. С. 140, 146,
148, 162, 175
Чернышевский М. Н. 104, 139,
148—150
Чешихин-Ветринский В. Е. 69,
107—109
Чистяков А. И. 84
Чуковский К. И. 162, 174

Шаблонский Е. С. 173
Шаликов П. И. 47

Шамурин Е. Н. 166
Шармер 96
Шевченко Т. Г. 172, 173
Шевырев С. П. 123
Шекспир В. 10
Шеллинг Ф. 17
Шемановский М. И. 93, 95
Шершеневич 88
Шестаков 100
Шефер В. 125
Шкловский В. Б. 74, 78
Шиллер Ф. 87, 123
Шилов А. А. 157—160
Ширяева Е. Г. 109
Шлоссер Ф. 64
Шмидт В. 127—129, 132, 135
Шоу Б. 122
Штэдтке К. 131, 132

Шеглов Д. Ф. 87, 91, 94, 95, 97,
Щелканов П. А. 138, 147
Щепотьев А. И. 100
Щербаков С. В. 109

Эвениус Е. Е. 87
Эйдельман Н. Я. 60
Эльзон М. Д. 148
Энгельс Ф. 57, 58, 69, 160

Якушева Г. В. 118
Яцунский В. 171